

№ 4

Электронный научный журнал

ISSN 2227-9857

Человек в мире культуры

Региональные
культурологические
исследования

2017

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации

ISSN 2227-9857

Эл № ФС 77-47298 от 18.11.2011 г.

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ КУЛЬТУРЫ

*Региональные культурологические
исследования*

№ 4(22)2017

Екатеринбург
2017

Главный редактор:

Мурзина И.Я., доктор культурологии, профессор (Институт образовательных стратегий);

Редколлегия журнала:

Рубина Л.Я., доктор философских наук, профессор (УрГПУ);

Беляева Л.А., доктор философских наук, профессор (УрГПУ);

Коновалова Н.И., доктор филологических наук, профессор (УрГПУ);

Земцов В.Н., доктор исторических наук, профессор (УрГПУ);

Девятова О.Л., доктор культурологии, профессор (УрФУ);

Лихачева Л.С., доктор социологических наук, профессор (УрФУ);

Тагильцева Н.Г., доктор педагогических наук, профессор (УрГПУ).

Ответственный редактор:

Симбирцева Н.А., доктор культурологии, доцент

Тематические разделы:

24.00.00 Культурология

10.00.00 Филологические науки

22.00.00 Социологические науки

13.00.00 Педагогические науки

УДК 009

Д. А. Баранникова

г. Екатеринбург, Россия

«ВАЖНЕЙШЕЕ ИЗ ИСКУССТВ»:

СОВЕТСКАЯ КЛУБНАЯ КУЛЬТУРА 1950-х – 1970-х гг.

ГЛАЗАМИ УРАЛЬСКОГО КИНОМЕХАНИКА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена сельскому кинопрокату в 1950-1970-е годы и его роли в формировании концепции «кинематограф как транслятор основных идей». В статье рассматривается понятие «кинопредвижки» и их влияние на досуговые практики Советского Союза. На основе интервью Э. И. Федоровой рассматривается образ советского киномеханика.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сельский кинопрокат, кинопредвижка, клуб, советская клубная культура, киномеханик

D. A. Barannikova

Yekaterinburg, Russia

SOVIET CLUB CULTURE 1950'S - 1970'S IN THE MEMOIRS

OF THE URAL CINEMA MECHANICS

ABSTRACT. The article explores rural film distribution in 1950-1970s and its role in the formation of the concept "cinema as a translator of basic ideas". The article deals with the concept of "film-rolling machines" and their influence on the leisure practices in the Soviet Union. Based on the experience of Elvira Fedorova, we consider the image of the Soviet projectionist and emphasize the importance of village and club work.

KEYWORDS: rural film distribution, film-rolling machines, cinematograph, projectionist, Soviet clubs

В беседе с А. В. Луначарским В. И. Ленин произнес свою знаменитую фразу: «...вы должны твердо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино» [3]. В советское время основополагающая роль в реализации ленинского взгляда на кинематограф изначально была возложена на деревенский и клубный кинопрокат. В 1920-х появились первые кинопредвижки – «портативные киноустановки, предназначенные для демонстрации немых и звуковых кинофильмов небольшой аудитории на открытых площадках и в помещениях, не оборудованных стационарными кинопроекторами» [2]. Кинопредвижкам отводилась большая роль в идейно-политической и научно-культурной пропаганде. Для практики проведения киносеансов в сельской местности характерным было то, что маршруты следования кинопредвижек, как и со-

держание картин, порой оказывались совершенно случайными, что вносило спонтанность в размеренную жизнь населения деревень. Несмотря на множество факторов (платные билеты, нехватка мест в кинозале, сдвиг трудового расписания), появление в селе кинопредвижки вызывало неподдельный интерес.

В послевоенное время кинопредвижки на селе не потеряли своей идеологической значимости, немного деформировались лишь функции самого деревенского кинопроката – поддержание патриотических настроений и веры в успешное строительство счастливого коммунистического будущего.

П. И. Бессонов, работавший киномехаником с 1958 г., отмечал «кино ... стало подлинным оружием идеологического, эстетического и культурно-воспитательного фронта. Кинопредвиж-

ки и киноустановки стали появляться ... в самых отдаленных уголках района и наша задача состоит в том, чтобы довести их до широких масс сельского населения, используя все формы работы с фильмами и вокруг кинофильмов» [1]. Очень характерное высказывание. Киномеханик в этой системе – прежде всего коммунист, четко осознающий свою роль и культурную миссию.

Здесь мы приводим интервью с уральским киномехаником Федоровой Эльвирой Ивановной, 1945 года рождения. Представленные материалы позволяют понять этапы профессионального пути киномеханика и место кинематографа в жизни советской провинции на примере Свердловской области 1960-х годов.

«В юности я сама ходила в наш местный деревенский Горбуновский клуб [с. Горбуновское Талицкого района Свердловской области]. <...> Мне там очень нравилось, потому что больше развлечений никаких не было. Школа да клуб. <...> У нас кино там было, колхозные собрания проводили, концерты, стихи читали, пьески ставили. <...> Кино 5 копеек стоило – детский билет, взрослый – 20. Редко-редко новые фильмы показывали. Больше всего любили фильмы про Чапаева. Потом все на деревне играли, все чапаевцами хотели быть, белогвардейцами никто не хотел (смеется). С удовольствием революционные какие-нибудь фильмы смотрели, и про любовь, конечно. «Фантомас», «Волга, Волга», «Поднятая целина», «Иван Бровкин на целине», «Свадьба в Малиновке», «Чужая родня», «Они сражались за Родину», «Молодая гвардия», про Зою Космодемьянскую. Военные фильмы смотрели – все плакали. Индийское кино все очень любили! Любой индийский фильм – все придут. А они такие бестолковые были, про любовь.

Иногда до 16 лет на кино не пускали. Просто где поцелуются – уже до 16 лет, сейчас-то посмотри, чем только не занимаются! А в то время вот – до 16 детский, после 16 – взрослый, и у нас с этим строго было. Артисты все хорошие были,

мы их тогда всех любили. Фильмы для нас поучительными казались. Сходим в кино – и потом все восторженные. Перед фильмом показывали «журнал». Сейчас вот реклама, а раньше журнал был. Как мини-кино о том, что сейчас происходит. Тут пятилетку выполнили, тут еще что-нибудь хорошее. Негатива почти не было... наоборот, чтобы мы пример брали. У нас ведь и безработицы тогда не было, только больные не работали... Журнал мог идти 10 минут, 20 минут, мог даже полчаса. Стульев у нас в кинотеатре не было, скамейки только. Иногда сидишь, в зале темно, а кто-нибудь из парней подойдет сзади и руки на плечи положит... Я ничего не говорила, начнешь фыркать – еще хуже станет, мешать еще другим будешь кино смотреть.

Надя, моя сестра, окончила шестилетку и молоденькая (в 16 лет) поехала учиться в Свердловск на киномеханика. Отучилась там 9 месяцев и вернулась работать. В 1963, когда мне было 18 лет, я сама поехала в Свердловск в школу киномехаников, находилась она на Площади 1905 года, рядом с магазином «Океан». Нас отправляли от Талицкого отдела культуры. Мы все из деревни куда-то выбираться старались. Учеба была на высоте, педагоги были замечательные: директор Соосновский, Каплан и другие. Практики в школе было много, в основном, мы изучали работу аппаратуры.

После школы киномехаников поехала обратно в Талицкий район, работать по деревням. Жила в разных семьях, куда позовут. Меня даже переманивали. И поселят, и накормят. В выходные к маме ездила, домой.

Аппаратура в каждой деревне была. Переезжала я только с пленкой. Пленку по почте потом отправляла в другие деревни. Конечно, аппаратура была допотопная, «Украина», узкоплечная, не как в Свердловске, но все обходилось. Лента прямо во время сеанса рвалась. Склеиваешь ее ацетоном и снова пускаешь. Новой пленки нам не доставалось, из Свердлов-

ска шла по всем районам и уже измученная приходила к нам.

В 18 лет уже стала лучшим киномехаником своего района, так в газете написали. Показывала кино по деревням и за дисциплиной следила. Были случаи, когда клубы горели и даже жертвы были, поэтому техника безопасности была на первом месте.

Как все было: сегодня в своей деревне фильм показываю, завтра в другой за 6 км, а послезавтра еду на лесоучастки. Ездили при любых условиях, хоть пурга, хоть что – все идешь. Тулуп давали, все равно жалели нас. Возили меня и на мотоциклах, и на тракторах (и гусеничные были, и колесные «Белорусь»). Молодежь стала обращать на меня внимание, им в удовольствие было меня забирать. Иногда я даже на лошади ездила сама. Один раз 12 км на лошади ночью поехала в другую деревню, кино показывать. Ее запрягли, а она у меня дорогой распрягалась, я что-то там примотала, так и доехала. Но ехала долго, лошадь ведь, мне ее жалко было, я ее не била, чтоб скорее шла. После мне пришло письмо от сестры, что в этой деревне волки овцу задрали, а я ездила ночью на лошади. Она бы у меня распряглась, убежала, а меня бы волки съели. Но ходили в другую деревню всегда ночью, киномеханики все ночью делали. Лошадь сама дорогу уже знала. Один раз отец приехал ко мне на день рождения, всю ночь прождал, а когда я вернулась, сказал, что запретит здесь работать.

На лесоучастках мало народу было, человек 25, но приходили все, хоть два фильма им привези – они все придут. Хоть с грудными детьми придут. Доярки быстро-быстро вручную доили коров и уставшие прибегали. А сколько у них радости было – просто посмотреть кино. Киномехаников очень любили и уважали. Когда я начинала работать, приехав в деревню, мальчишки, школьники, приходили ко мне совсем не спавши, запрягали лошадь и ехали со мной в другую деревню. Обычно как было: кино заканчивается, я все убрала и ухожу. А за мной еще человек пять-

шесть, пацанов, провожать меня идут. Идут так на расстоянии, чтобы я вроде как никому не досталась.

Еще кое-что произошло один раз. У нас на аппаратуре были движки, моторы такие, их нужно было заводить. Было тяжело самой, поэтому мне помогали. Только на лесоучастке сама заводила. А один раз помогал мне один мужчина заводить этот движок, ему платили за это. Заводил, а во время фильма со мной стоял, разговаривал. Ничего такого, конечно, не было, он взрослый мужчина был, у него было много детей, а я еще девчушка молодая. А потом мне сказали, что он в петле давился, потому что жена его набила за то, что «Элечке своей помогал».

В 1966 году я уехала работать киномехаником в Эстонию, в Кивилы. На вокзале эстонский милиционер мне сказал: «Будьте аккуратнее, Эльвира Ивановна. На железной дороге разбрасывали листовки – «Бейте русских! Поднимайте национальный флаг!». Но в Эстонии ко мне относились так, как не относились даже здесь, в России. Встретили меня тепло и сразу очень полюбили! У меня было много эстонских друзей. Я эстонцев научила пельмени лепить, они совсем не умели, еды у них такой не было.

В Эстонии все уже цивилично было. С завода давали машину, водитель сам меня возил. Аппаратура уже другая была. КНы стояли, широкоплечные, громоздкие, рулонов и киобанок было гораздо больше, но все перевозили за меня.

Там большой клуб был, но народу было меньше. Работала от профсоюза, зарплата была маленькая, еще меньше, чем на Урале, 62 рубля 50 копеек в месяц, потом сделали 65 рублей, но на все хватало. В Доме Культуры мне дали путевку в Юрмалу, оплатили билет на автобус до Риги. Однажды предложили тур выходного дня по Южной Эстонии. Я отказалась, так как ко мне трое родственников приехали. А директор ДК говорит: «Забирай их с собой!». И нас четверых бесплатно возили по всей Южной Эстонии, на Чудское озеро заехали, большой брикет рыбы дали, сест-

ра с мужем так счастливы были, было очень весело, хоть никто и не пил. В каждом городе эстонцы нам все условия создали, у них везде все задействовано было.

В Эстонии никто ничего не портил, аппаратура на месте стояла, никто ее не трогал. Работала уже днем, вечера были свободные. Жила я в Кивили в общежитии. Три раза в неделю показывала кино пенсионерам. Перед сменой показывала кино шахтерам. Для них специальные маленькие документальные фильмы – ролик «Новости дня», всего 10 минут. В основном, не художественные, а документальные фильмы были. Эстонцы кино уже не удивлялись, у них отдельный кинотеатр был. Они уже заранее знали, когда и что будут показывать. И артистов уже всех знали.

В Эстонии я была один год и четыре месяца. Потом поехала в Россию, замуж выходить... А недавно я во сне видела – лента аппаратная у меня раскручивается, раскручивается, раскручивается...

Проснулась в ужасе, обрадовалась, что этот был сон».

На примере истории уральского киномеханика 1960-х годов мы видим, как был значим деревенский и клубный кинопрокат в СССР для создания качественных досуговых практик населения. Как и в ранний советский период, после войны партийными органами подчеркивалась важность киноработы среди крестьянства. Были созданы комфортные условия для обучения и дальнейшей трудовой деятельности киномехаников, что и послужило одним из главных факторов востребованности профессии советской молодежью, но многое все же зависело от внешних факторов, которые являлись специфическими для каждого района страны. Для простых рабочих киномеханик являлся проводником в мир киноискусства, поэтому его профессия была очень уважаема среди сельского населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бессонов П.И.* Киномеханик на селе – большая культурная сила. По истории развития кинофикации Самарского района. – URL: <http://www.arhivugra.admhmao.ru/istoriya-yugry-v-arkhivnykh-dokumentakh/dokumenty-arkhivov-yugry-rasskazyvayut-/609860/kinomekhanik-na-sele-bolshaya-kulturnaya-sila-po-istorii-razvitiya-kinofikatsii-samarovskogo-s-1964>
2. *Иофис И.А.* Фотокинотехника. – М.: Советская Энциклопедия, 1981. – 449 с.
3. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 4. – М.: Издательство политической литературы, 1967. – 565 с.

УДК 379.8

Е. Б. Бердюгина

г. Екатеринбург, Россия

**РЕВОЛЮЦИЯ ДОСУГА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ДОСУГОВЫХ ПРАКТИК**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу изменений в формах досуга российских семей после распада СССР. В статье рассматриваются новые формы проведения свободного времени на примере новых публичных пространств – торговых центров – и их место в повседневной культуре родителей и детей в России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семейный досуг, новое общественное пространство, торговый центр, новые формы досуга, городская среда

E. B. Berdyugina

Yekaterinburg, Russia

**THE LEISURE REVOLUTION IN POST-SOVIET RUSSIA:
TRANSFORMATION OF FAMILY LEISURE PRACTICES**

ABSTRACT. The paper explores transformations of the leisure practices of Russian families after the collapse of USSR. It analyses the new forms of leisure that have emerged within the new public spaces (shopping malls) and the place they occupy within the everyday culture of Russian parents and their children.

KEYWORDS: family leisure, new public space, shopping mall, new leisure practices, urban environment

Формирование в России в начале 1990-х гг. нового типа общества – общества потребления – неизбежно повлекло за собой изменения во всех сферах общественной жизни. Рассматривая культуру потребления российского общества рубежа веков, можно вслед за А. А. Желниной отметить, что основными характеристиками социально-экономического положения в стране стали насыщение рынка, распространение транснациональных брендов, появление нетипичных для СССР торговых форматов (супермаркеты и сетевые магазины), а также приобщение российских покупателей к глобальным торговым маркам, что требовало формирования определенных стилей их потребления [1].

Одним из наиболее существенных проявлений этих трансформаций стало изменение самой городской среды: на рубеже XX-XXI вв. в крупных городах России появляются новые типы общественного пространства западного образца, возника-

ют различные торговые центры, торгово-развлекательные комплексы и моллы. Как отмечает А. А. Желнина, эти торговые форматы по мере освоения их горожанами заняли важное место в городской среде и культуре, стали точками локализации новых стилей жизни [1] и удобными местами для удовлетворения материальных и, как ни странно, духовных потребностей населения. Последнее напрямую связано с появлением новых досуговых форм российских семей.

До 1991 г. у среднестатистической городской семьи в СССР было несколько вариантов совместного проведения свободного времени. Семейные досуговые практики того времени можно было условно разделить на две группы: институциональные (т. е. предлагаемые какой-либо культурной организацией, чаще всего музеем или домом культуры, клубом по месту жительства) и организованные «стихийно» (подготовленные силами старших

членов семьи: домашнее чтение, поход в гости, прогулки и т. п.). Если говорить о первой группе вариантов совместного времяпрепровождения, то они выполняли в основном просветительскую функцию: например, во время похода в музей члены семьи могли узнать для себя что-то новое и духовно обогащались, хотя степень реализации просветительской функции и ее содержательное наполнение всё-таки зависели от специфики каждого конкретного культурно-досугового учреждения, будь то музей изобразительных искусств, краеведческий музей или музей природы. Также важно отметить, что деятельность таких организаций не носила коммерческого характера. Другая группа институциональных досуговых форм – посещение досуговых центров и кинотеатров – в меньшей степени выполняла функцию просвещения, так как была ориентирована, прежде всего, на развлечение и культурный отдых тех, кто посещал эти заведения. Необходимо заметить, что такие учреждения также могли выступать местами незапланированных (случайных) встреч со знакомыми, соседями, а иногда и коллегами по работе.

Родители с детьми ходили в кино по доступным абонементам, реже выбирались в городские театры (это зависело от степени удалённости места проживания семьи от центра города), устраивали совместные посиделки по вечерам и по случаю памятных дат и т. д. Одним словом, варианты досуга для советских семей в городе отвечали необходимым требованиям того времени, и, в общем, ничего качественно нового в них по большей части не требовалось.

После распада СССР в связи с формированием новой государственности и переходом к рыночным отношениям в российской повседневности появляется большое количество иностранных элементов: товары народного потребления, одежда, визуальная культура (западный кинематограф и телевидение, постепенно вытесняющие отечественные). Вместе с активным внедрением компьютерных технологий в Россию пришли спутниковая связь,

Интернет, мобильные системы, что позволило стране войти в новое информационное пространство. Сфера культуры начинает коммерциализироваться. Происходит «подстройка» уже имеющихся элементов повседневной жизни российского населения под новые образцы.

В России открываются первые ночные клубы, которые приобретают популярность в качестве модной формы досуга среди молодёжи. С середины 1990-х гг. в стране значительно растёт число заведений общественного питания, которые со временем не только выполняют функцию места, в котором можно утолить потребность в еде, но и становятся прототипом так называемого «третьего места» (первые два места – это дом и работа, где человек проводит большую часть своего времени, согласно концепции Р. Ольденбурга) [См.: 4].

Однако в процессе формирования постсоветского досуга неизбежно возникали и отрицательные стороны. С началом реализации культурной политики новой власти в стране многие ранее бесплатные формы досуга (например, государственные музейные организации) вынужденно перешли на коммерческие рельсы для того, чтобы финансировать свою деятельность и тем самым поддерживать жизнеспособность. Также сократилась сеть культурно-досуговых учреждений, что заметно повлияло на досуговые предпочтения городского населения.

Отметим сразу, что дальнейшие рассуждения будут касаться только изменений в институциональных формах семейного досуга, так как новации здесь более очевидны, нежели в «стихийных» формах. Вторые также неизбежно трансформировались, но кардинально не видоизменялись, адаптируясь прежде всего к достижениям научно-технического процесса. Так, с начала 1990-х годов растёт количество телевизоров, а затем и телеканалов в российских домах, постепенно увеличивается распространение всяческих медиасредств, которые медленно, но верно входят в повседневный обиход российского населения: набирают популярность ви-

деомагнитофоны, игровые приставки, компьютеры и как кульминация – становится возможным и естественным приобщение к сети Интернет пользователей из России.

Эти нововведения в повседневной культуре населения страны неизбежно вносили разнообразие и в варианты проведения семейного домашнего досуга. Теперь родители и дети могли выбирать мультфильм или кино для вечернего просмотра из нескольких вариантов или устроить вечер видеоигр; на фоне этих новаций сохраняли свою популярность «выходные» формы совместного времяпрепровождения взрослых и детей, такие какхождение в гости, прогулки, походы выходного дня и т. п.

Ближе к 2000-м годам появляются и новые пространства для проведения свободного времени, например моллы и торговые центры, которые становятся инновационными публичными пространствами и прямыми конкурентами распространённых в Советском Союзе семейных досуговых форм.

Как пишет А.А. Желнина, торговые центры синтезируют в себе все возможные способы проведения времени и предлагают аналог городского центра под крышей: внутренние пространства торгового центра во многом копируют пространство улицы с магазинами, кафе, публичными местами. Здесь городской житель может провести целый день и сделать буквально всё: купить продукты и одежду, посетить фитнес-клуб, салон красоты, кинотеатр и пр. [1] Важная черта торговых центров – совмещение шопинга и досуга, магазинов и развлекательных заведений. На последних мы и сосредоточимся.

Современные торговые центры предлагают широкий ассортимент вариантов того, как можно провести свободное время родителям с детьми. Примером может служить торгово-развлекательный центр «Гринвич» в г. Екатеринбурге. На третьем этаже этого заведения располагаются несколько тематических парков развлечений для детей и, соответственно, их

родителей. Здесь ребёнок может в игровой форме познакомиться с различными профессиями, пройти испытания в тематическом лабиринте и выбрать иные медиа-развлечения; кроме вышеперечисленных зон, тут же располагается небольшой контактный зоопарк. Все эти варианты досуговых форм являются частными, следовательно, они ориентированы на получение прибыли с посетителей. В большинстве случаев детский досуг здесь выглядит следующим образом: родитель оплачивает время нахождения ребёнка в конкретном заведении согласно его прайс-листу, передаёт ребёнка в руки аниматора и отправляется по своим нуждам в магазины торгового центра.

Конечно, этот способ досуга с детьми весьма удобен в условиях современного жизненного ритма. Семье проще выбрать день (как правило, выходной), чтобы приехать в крупный торговый центр и решить необходимые проблемы перед началом новой рабочей недели за полдня: купить продукты, одежду, возможно, зайти в кафе и посетить развлекательную зону. В этом и заключается «революция» в семейных досуговых практиках: удовлетворение материальных потребностей родителей с детьми в новых торговых форматах теперь тоже становится формой совместного времяпрепровождения членов семьи.

Торговый центр также может быть полноценно рассмотрен как место для реализации «стихийных» досуговых форм. Например, в том же ТРЦ «Гринвич» на последнем этаже расположена большая зона фуд-корта, на которой находятся как предприятия быстрого обслуживания, так и рестораны, где жители Екатеринбурга могут встречаться с друзьями в неформальной обстановке. Здесь же расположен крупный кинотеатр «Титаник Синема», располагающий 12 залами, в которых можно посмотреть новинки кино и мультипликаций, и вполне подходящий для проведения «стихийного» досуга и обычных посетителей, и родителей с детьми. Если рассматривать торговый центр в целом как место проведения свободного вре-

мени, то можно обнаружить, что и без развлекательной зоны он всё же выступает формой досуга для родителей и детей. Речь идёт о прямом назначении торгового центра – шопинге. Он, как ни странно, вполне соответствует критериям «стихийной» досуговой формы: члены семьи, выезжая за покупками в магазин, проводят своё время вместе с родными и одновременно занимаются полезным делом (приобретают необходимые товары). Во время шопинга мама может приобрести ребёнку, скажем, новую игрушку, тем самым доставив ему радость и сделав посещение ТРЦ памятным (на некоторое время) событием. Можно даже обнаружить в походах семьи по бутикам и магазинам торгового центра своеобразную функцию просвещения: во время совершения совместных покупок дети наблюдают за процессом выбора родителями товаров (что нужно покупать, а что нет, как правильно выбирать вещи, как планировать расходы и т. д.) и могут использовать эти полученные «потребительские навыки» в дальнейшем, когда станут совершать покупки самостоятельно.

В современном российском городе размер торговых площадей увеличивается с каждым годом, а качество и количество услуг, предоставляемых муниципальными культурно-досуговыми учреждениями, не поспевают за ними, чтобы создать достойную конкуренцию коммерческим развлечениям для детей. Нередко можно услышать расхожее мнение, что в музее ребёнку будет скучно и поэтому лучше отвести его в развлекательный парк, где он точно повеселится.

Районные дома культуры, в основном, не предлагают мероприятия для детей и родителей в выходные дни и поэтому не

могут рассматриваться в качестве альтернативы развлечениям в торговых центрах. Они ориентированы на деятельность творческих коллективов в будни и приблизительно раз в месяц – полтора устраивают бесплатные концерты, приуроченные к праздничным датам. Но, к сожалению, основная их аудитория – это пенсионеры, проживающие неподалёку. И, как уже отмечалось выше, качество организации этих культурных мероприятий в большинстве случаев оставляет желать лучшего.

Поэтому торговый центр или молл как место проведения досуга обычного населения и населения с детьми смотрится более выигрышно с учётом современных условий жизни в мегаполисе, так как является местом, которое позволяет решить многие задачи, стоящие перед городским жителем. Торговый центр открыт для посещения семь дней в неделю с утра и до позднего вечера, в нём находятся зоны как для совершения покупок, так и для разнообразного отдыха. Разумеется, мы не говорим о том, что традиционные формы институционального семейного досуга (посещение музеев, театров, культурно-досуговых учреждений) на данный момент не пользуются популярностью при выборе мест для проведения свободного времени семьёй. В каждом конкретном случае предпочтение досуговых вариантов индивидуально и зачастую зависит как от места проживания семьи, так и от духовного и материального благосостояния её взрослых членов. Будем надеяться, что в ближайшие годы культурные институции будут уверенно конкурировать с торговыми площадками нового формата за право считаться приоритетным местом совместного времяпрепровождения родителей и детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Желнина А.А. «Здесь как музей»: торговый центр как общественное // *Laboratorium*. – 2011. – №2. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zdes-kak-muzey-torgovyy-tsentr-kak-obschestvennoe-prostranstvo>
2. Желнина А.А. Социокультурное значение пространств потребления в постсоветском городе (на примере торговых центров Санкт-Петербурга) // *Вестник СПбГУ*. – Серия 12. – Социология. – 2010. – №1. – [Электронный ресурс]. – URL:

- <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnoe-znachenie-prostranstv-potrebleniya-v-postsovetskom-gorode-na-primere-torgovyh-tsentrov-sankt-peterburga>
3. *Морева С.Н.* Торгово-развлекательный центр как элемент городской сервисной инфраструктуры // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – №11. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/torgovo-razvlekatelnyy-tsentr-kak-element-gorodskoy-servisnoy-infrastruktury>
 4. *Ольденбург Р.* Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / Р. Ольденбург; пер. с англ. А. Широкановой. – Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – 456 с.

УДК 009

И. А. Вершинина

А. Р. Курбанов

Москва, Россия

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
В КОНТЕКСТЕ УРБАНИСТИКИ: СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается влияние социально-политических изменений на трансформацию городского пространства, которое становится инструментом закрепления новых идей и порядков. На примере масштабных реконструкций, осуществленных в XIX веке в Париже и в первой половине XX века в Москве, рассматривается реализация символических функций городского пространства. Особое внимание уделяется амбивалентным характеристикам этого процесса, поскольку создание нового облика города неизбежно сопровождается разрушением старого. Развитие города сопровождается неизбежной перестройкой его пространства, изменением его среды, следствием чего становится не только исчезновение зданий, но и трансформация культурной памяти его обитателей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: город, культура, историческая память, революция, социологическая урбанистика

I.A. Vershinina

A.R. Kurbanov

Moscow, Russia

**SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATIONS WITHIN THE CONTEXT
OF URBAN STUDIES: SYMNLIC FUNCTIONS OF URBAN SPACE**

ABSTRACT. The article explores the ways socio-political transformations influence urban space, which becomes the instrument of fixing the new ideas and practices. Based on the example of large-scale reconstructions of XIX-century Paris and XX-century (first half) Moscow, we analyze the actualization of symbolic functions of urban space. We are paying particular attention to the ambivalent features of this process, since the creation of a new city image is inevitably accompanied by the destruction of the old one. Urban development results in the inevitable reconstruction of the city space and changes its environment: the processes that result not only in disappearance of buildings, but also transformation of the cultural memory of city residents.

KEYWORDS: city, culture, historical memory, revolution, sociological urban studies

Последствием социально-политических изменений, квинтэссенцией которых являются революции, становятся трансформации городского пространства. Новый уклад жизни, с одной стороны, приводит к модификации комплекса социальных практик, а с другой – к изменению символического контекста их существования. Общим знаменателем этих факторов становится желание порвать с прошлым и зафиксировать этот разрыв, контрапункти-

ровать его всеми средствами. Новые архитектурные формы и пространственные решения входят в их число.

Любая власть нуждается в своих «местах памяти» [5, с. 25–27], что и приводит к созданию новых архитектурных сооружений. Города – хранители истории и культуры, поскольку каждое из строений отражает идеи своей эпохи. В городах «время становится видимым» [10, р. 4], поэтому они, по мнению Л. Мамфорда, яв-

ляются прекрасным наглядным пособием для изучения истории культуры. Л. Мамфорд называет города музеями, указывая на тот факт, что они являются материальной памятью об истории развития цивилизации и позволяют понять актуальные проблемы современности. Мы систематически пытаемся реконструировать настоящее из прошлого и представить само настоящее как историю [6, с. 42]. И все эти попытки невооруженным глазом видны в окружающей нас городской среде.

Сегодня все чаще можно услышать тезис о том, что вследствие развития информационно-коммуникационных технологий положение в географическом пространстве теперь не соотносится с положением в социальном пространстве [1, с. 91], а города теряют свое значение. Однако символическая функция городов не уходит в прошлое. Города, по-прежнему, привлекают людей и новые архитектурные проекты, отражающие их идеи и настроения.

Символом городов XIII века были соборы, в XVI веке их вытеснили дворцы, а в конце XIX века триумфом инженерной мысли становятся небоскребы и подобные им сооружения [10, р. 207, 209]. Смена исторических периодов приводит к необходимости освобождения места для возведения символов новой эпохи. Наполеон III в третьей четверти XIX века поручил барону Ж. Э. Осману реконструировать Париж. Многократный рост населения города, интенсификация перемещений его обитателей требовали создания новой системы улиц, ключевыми характеристиками которых становились прямота и ширина. Помимо задач развития города, в этом нашли выражение и политические интересы – широкие улицы сложнее перегораживать баррикадами, а перемещение по ним войсковых контингентов осуществляется гораздо быстрее. Таким образом, Наполеон III хотел снизить вероятность революционных потрясений, которые для Франции, начиная с 1789 года, стали привычным явлением. Хотя планы развития Парижа разрабатывались предшественниками Ж. Э. Османа на посту префекта го-

рода, только он получил все необходимые полномочия для реализации столь масштабного проекта.

Стихийные изменения в городском пространстве Парижа начались после Великой Французской революции, когда горожане разобрали здание тюрьмы Бастилии, которая воспринималась как символ абсолютной монархии (своеобразная ирония судьбы заключалась в том, что проекты сноса Бастилии разрабатывались и до революции, поскольку ее содержание слишком дорого обходилось). Барон Ж. Э. Осман завершил трансформацию городского пространства, придав его ключевым локациям – Елисейскими полям, Площади согласия, Площади звезды и др. современный вид и превратив их в символы столицы Франции, ее подлинные «места памяти».

Создание новых «мест памяти» почти всегда сопровождается разрушением или утратой прежних, Париж в этом смысле не стал исключением. Многие жители Парижа воспринимали происходящее как процесс утраты исторической городской среды, разрушения прошлого. Однако высказывалась и иная точка зрения, согласно которой это был неизбежный прогресс, принесший широкие улицы, канализацию, водопровод и другие блага цивилизации. Современный Париж уже не сожалеет об утраченном средневековом прошлом, своеобразным символом которого можно считать описанные В. Гюго в романе «Собор Парижской богоматери» «дворы чудес» (*cour des miracles*). Миллионы туристов приезжают посмотреть на город, построенный бароном Ж. Э. Османом, в свою очередь, уже ставший историческим наследием. Таким образом, еще в XIX веке была актуализирована проблема демаркации: какие здания представляют собой историческую ценность, а какие могут быть безболезненно снесены.

Строительство Эйфелевой башни также вызвало множество споров. Многие парижане сожалели о безвозвратно испорченном облике города, но со временем она превратилась в его символ. Инженерное

сооружение, возведенное к столетию Великой французской революции, смогло стать значимым «образом-воспоминанием», способным объединить городское сообщество [3, с. 471], и даже превратилось в один из символов Сопротивления, поскольку во время пребывания фашистов в Париже лифт Эйфелевой башни не работал, однако, через несколько часов после освобождения города странным образом стал исправен.

Один из наиболее масштабных проектов реконструкции в нашей стране – преобразование Москвы в начале XX века. Санкт-Петербург изначально строился Петром I как столичный город, план которого был четко выверен. Москва на два столетия оказалась предоставлена сама себе и развивалась, напротив, весьма хаотично. Возвращение столицы в Москву в 1918 году привело к необходимости модернизации города.

Городское пространство столицы государства, в котором победу одержал пролетариат, по определению должно было иметь колоссальную символическую нагрузку: «Москва ... должна была стать местом демонстрации достижений нового режима, городом, обитатели которого в повседневной жизни смогут ощутить на себе светлое коммунистическое будущее, а также коммунистической Меккой для зарубежных пилигримов» [2, с. 19]. Москва стала центром революции пролетариата, на которую должны были ориентироваться рабочие других стран. Столица всегда выполняет идеологическую функцию, в СССР она была гипертрофирована: «Преобразуя Москву, большевики конструировали новый фасад своего режима, представлявший их как неоспоримых правителей страны. Их задачей было не только строительство новой советской столицы, но и создание города, который стал бы одновременно символом всей большевистской миссии и будущей мировой столицей» [2, с. 26]. 1920-е и начало 1930-х годов – время градостроительных дебатов и смелых экспериментов. Многие проекты того времени носили ярко выраженный

футуристический характер, что некоторые исследователи связывают с ожиданием мировой революции [9, с. 6].

Особый статус города объясняет повышенное внимание к его реконструкции. Из множества градостроительных проектов необходимо было выбрать тот, который лучше других отражал бы идеологию новой власти. Ле Корбюзье предлагал кардинальную перепланировку, основанную на системе прямоугольников, которая включала в себя даже освобождение Кремля «от некоторых загромождающих и малоценных зданий»; Н. А. Ладовский считал целесообразным развитие города в виде параболы в северо-западном направлении вдоль Ленинградского шоссе, чтобы в конечном итоге Москва соединилась с Ленинградом; Э. Май настаивает на необходимости сохранения радиально-кольцевой структуры города и так далее [9, с. 15–20]. Показательно, что Генеральный план развития города был утвержден лишь в 1935 году, когда наметилось изменение приоритетов: от ожидания мировой революции перешли к построению социализма в одной отдельно взятой стране. Утверждение плана реконструкции Москвы было встречено с восторгом: «Освободившись от ветоши капиталистического наследия, растет и расцветает новая Москва – красная столица Советской страны, где бьется горячее сердце мировой революции, несущей освобождение всему угнетенному человечеству» [9, с. 35]. Естественно, что подобные идеи требовали своего подтверждения в реализации масштабных проектов.

Символы прошлой эпохи должны были освободить место новым. Особое значение имела идея строительства Дворца Советов на месте храма Христа Спасителя: разрушение главной московской церкви – символа победы царизма над Наполеоном – было одним из шагов в процессе удаления символов прошлого из публичного пространства [2, с. 23]. Дворец Советов так и не был построен, но было возведено множество других одиозных архитектурных сооружений.

Советская власть не ставила перед собой цель сохранить какое-либо культурное наследие. Более того, его безжалостно уничтожали. Полемизируя с Ле Корбюзье, М.Я. Гинзбург писал: «Вы превосходнейший хирург современного города... Вы делаете великолепные сады на крышах многоэтажных домов, желая подарить людям лишнюю толику зелени, вы создаете очаровательные особняки, давая обитателям их идеальные удобства, покой и комфорт. Но все это вы делаете потому, что вы хотите лечить город, пытаетесь его сохранить по существу таким, каким его создал капитализм. Мы здесь, в СССР, находимся в более благоприятных условиях: нас не связывает прошлое... Мы ставим диагноз современному городу. Мы говорим: да, он болен, смертельно болен. Но лечить его мы не хотим. Мы предпочитаем его уничтожить и хотим начать работу над созданием нового вида человеческого расселения, которое было бы лишено внутренних противоречий» [8, с. 11]. Социалистический город должен был предложить своим жителям, преимущественно рабочим, принципиально новые условия жизни. Идеологической основой социалистического городского планирования стал марксистский тезис, согласно которому человек представляет собой «совокупность общественных отношений» [4, с. 19]. Подобная логика рассуждений предполагала, что изменение бытовых условий жизни приведет к изменению самих людей.

Дома-коммуны стали наиболее полным воплощением идеи «обобществления быта» и получили широкое распространение в довоенных советских городах. Они являются наследием предвоенной эпохи и свидетельством социальных и архитектурных экспериментов 1920-30-х годов, напоминающим нам об эпохе конструктивизма с ее идеями. Дома-коммуны занимают промежуточное положение в городском пространстве – с одной стороны, сохранившиеся до наших дней постройки обычно имеют статус памятника архитектуры, как широко известный Дом Наркомфина на Новинском бульваре в Москве, с другой

стороны, их состояние обычно настолько плачевное, что для городских властей подержание таких объектов в жизнеспособном состоянии превращается в такую же проблему, как и капитальный ремонт «хрущевок». Исключения из этого правила редки, одним из них можно считать судьбу дома-коммуны на улице Орджоникидзе (дом-коммуна Текстильного института), пережившего девятилетнюю реконструкцию, которая успешно завершилась в 2016 году. Неоднозначное отношение к тому историческому периоду, символом которого являются дома-коммуны, усугубляет двойственность их статуса – они являются свидетелями и памятниками слишком неудобного для многих прошлого, и это обстоятельство ставит их существование под угрозу.

Стандарты жилищного строительства, однако, кардинально пересматриваются после прихода к власти нового политического лидера – Н. С. Хрущева: он предлагает другую идею – отдельная квартира для каждой семьи вместо коммунального быта. И начинается стремительное возведение новых кварталов. Строительство однотипных домов стоило относительно дешево, и позволило в короткие сроки обеспечить множество семей малогабаритными, но отдельными квартирами. Произошло формирование новой городской культуры, основанной на принципе «минимума жизни», в первую очередь, на «минимуме пространства» [10, р. 179]. Эти дома, известные как «хрущевки» сейчас никто не воспринимает как историческую городскую среду, а скорее, наоборот, они превратились в проблему, доставшуюся в наследство нынешним поколениям. Московские власти, например, заявили о желании снести в городе все жилые дома, построенные при Н. С. Хрущеве.

Освобождение от прошлого в городском пространстве может принести немалую выгоду. К сожалению, безжалостное уничтожение архитектурных объектов, имеющих историческую ценность, стало символом постсоветской реконструкции и уже привычным явлением: «Сегодня руи-

ны создаются за одну ночь, при поддержке ОМОНа и в соответствии с кулуарно принятым решением, – и также стремительно исчезают. Понятно, что здесь я говорю лишь о кучах строительного мусора, которые быстро уберут, чтобы начать строить жилую высотку или торговый центр, которые в свою очередь тоже могут застыть незавершенными заложниками капризов финансовой фортуны» [7, с. 176]. Облик города приносится в жертву экономическим интересам. Оправдать свои действия можно, принизив значение, например, советской эпохи. Сталинская Москва не рассматривается как историческая городская среда, поэтому вполне возможно ее разрушение. Например, возведение бывшего офиса компании «Трансаэро» около станции метро «Парк культуры» дисгармонизирует с окружающей средой. Но если ее не воспринимать как ценность, то и проблемы здесь нет. Получается, что неоднозначное отношение к истории удобно, а порой и выгодно.

Наиболее серьезную смысловую нагрузку несут архитектурные сооружения

столичных городов, в политико-культурном пространстве которых власть старается оставить долгую память о себе. Именно столица, как правило, становится полигоном для апробирования архитектурных инноваций, в том или ином виде воспринимаемых затем в других городах. При этом, необходимо отметить, что чрезвычайно редкими являются случаи, когда города представляют собой единый целостный архитектурный ансамбль. Как правило, нечто подобное можно увидеть в новых городах, которые возводятся по определенному плану, однако это является характеристикой лишь раннего этапа их существования. Планы масштабных реконструкций далеко не всегда реализуются в полной мере, и современные города, особенно, большие, в значительной степени представляют собой совмещение множества идей и проектов, приходивших на смену друг другу. Смешение архитектурных стилей и символических реальностей зримо отражает разные эпохи в истории города, которые пересекаются и накладываются друг на друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемова Т. С.* Понятие «доступ» в социологической теории Дж. Рифкина // Социология. – 2012. – №3. – С. 84–96.
2. *Берендс Я. К.* Строительство новой Москвы: меняющийся символ советской модерности // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 3 (133). – С. 18–29.
3. *Васильев А.* *Memory studies*: единство парадигмы – многообразие объектов // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 5 (117). – С. 461–480.
4. *Меерович М. Г.* Административно-хозяйственное районирование страны в 1920-1930-х годах – основа градостроительной политики советского государства // Советское градостроительство 1920-1930-х годов: Новые исследования и материалы. – М., 2010. – С. 8–29.
5. *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / под ред. П. Нора. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – 328 с.
6. *Полякова Н. Л.* Методологическая саморефлексия социологии в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в.: «спор о позитивизме» // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2012. – № 4. – С. 24–53.
7. *Трубина Е. Г.* Примиряясь с упадком: руины 2.0 // Неприкосновенный запас. – 2013. – № 3 (89). – С. 175–194.
8. *Ушакин С. А.* Отстраивая историю: советское прошлое сегодня // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 6 (80). – С. 10–16.

9. *Чекмарев В. М.* Сталинская Москва: становление градостроительной темы «мировой коммунистической столицы». – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 80 с.
10. *Mumford, L.* The Culture of Cities. – San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. – 586 p.

УДК 82.09

Л. И. Гаврилова

г. Курск, Россия

Г. Р. ДЕРЖАВИН В КРИТИКЕ В. Ф. ХОДАСЕВИЧА

(на примере статьи «Державин (К столетию со дня смерти)»)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается творчество Г.Р. Державина в литературно-критическом осмыслении В.Ф. Ходасевича. Особое внимание уделяется имманентному анализу в контексте литературной критики относительно творческого наследия Г.Р. Державина.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поэт, критика, Г.Р. Державин, творчество, В.Ф. Ходасевич, содержание, произведение, имманентный анализ

L. I. Gavrilova

Kursk, Russia

G.R. DERZHAVIN IN THE CRITICISM OF V.F. KHODASEVICH

(on the example of the article «Derzhavin (on the centenary of the death)»)

ABSTRACT. In the article the work of G.R. Derzhavin in the literary-critical interpretation of V.F. Khodasevich. Particular attention is paid to immanent analysis in the context of literary criticism regarding the creative heritage of G.R. Derzhavin.

KEYWORDS: poet, critic, G.R. Derzhavin, creativity, V.F. Khodasevich, content, work, immanent analysis

В литературно-критическом наследии В.Ф. Ходасевича творчество Г.Р. Державина занимало особое место. Именно он, «российский Анакреон», на протяжении всей жизни интересовал ведущего критика русского зарубежья, который в 1915 году на вопрос о том, кто из писателей оказал на него наибольшее влияние, ответил: «Прежде всего, Пушкин и Державин» [1, с. 16]. Отношение В.Ф. Ходасевича к личности и творчеству Г.Р. Державина, так же как и А.С. Пушкина имело свой специфический оттенок. В их строках, по замечанию А.Л. Зорина, «он искал не только образцы художественного совершенства, не только точку отсчета для собственного нравственного и профессионального самоопределения, но и духовную отчизну» [1, с. 14]. Свою статью о Г.Р. Державине («Державин (К столетию со дня смерти)») В.Ф. Ходасевич написал в июне 1916 года, в которой попытался дать переоценку творческого наследия гениального русского поэта. «Честный слуга ро-

дины и царей» [2, с. 42] был близок и понятен критику в своих идейных исканиях.

Любопытно, однако, что именно у Ходасевича, проповедовавшего обязательность рассмотрения личности и творчества художника с учетом историко-биографических обстоятельств, мы встречаемся и с указанием на то, что в определенных случаях необходим как раз имманентный анализ стихотворения, а введение его в некий контекст и вообще знание обстановки, сопутствовавшей его созданию, может лишь поспособствовать превратному его истолкованию и недооценке его эстетической значимости. В статье, написанной к столетию со дня смерти Державина, Ходасевич, цитируя пейзажный отрывок из стихов «На отбытие ее Величества в Белоруссию», в котором создается образ мертвящей тишины, заключает, что не важно, какому конкретному событию посвящен данный текст в целом, ибо приведенные строки «в пьесу... включены только механически» [2, с.40]. «Подлинный ужас, подлинное и страшное ощущение

смерти, тайно разлитой в природе, возникли в поэте, конечно, вовсе не в связи с отсутствием государыни, к тому же благополучным и кратковременным. Важно то, что ужас этот возник, и то, с какой силой он выражен. Включить эти великолепные строки в “официальную” оду было делом поэтической щедрости Державина – и только; говорить по поводу их о какой-то “придворной” поэзии – наивно и близоручко» [2, с. 41]. В данном и в некоторых других случаях, как полагает Ходасевич, обстоятельства создания художественного целого при рассмотрении отдельных, наиболее эстетически значимых его частей, совершенно не важны. Более того, вовлеченность в эпоху, привязанность к определенному поводу только упрощает и заземляет державинские тексты, тогда как их вневременное восприятие, а также вычленение некоторых отрезков и анализ их без учета того, в какое произведение они вплетены, позволяет ощутить их истинную ценность и новаторство поэта.

Применительно к творчеству Державина Ходасевич абсолютно убежден в невозможности объяснения его феномена современной художнику общественно-политической ситуацией и перипетиями его биографии; он настаивает на необходимость в данном случае взгляда на текст, не обремененного дополнительной информацией, то есть того самого имманентного анализа, о котором говорилось выше: «Исторический комментарий, – утверждает критик, – вредит многим созданиям Державина, поскольку они рассматриваются как создание художника, а не как исторические документы. Вредит не в том смысле, что принижает их в наших глазах, а в том, что отодвигает на задний план их главное и наиболее ценное содержание» [2, с. 41]. Далее следует тезис, свидетельствующий, что к 1916 году Ходасевич вовсе не был убежден в необходимости восприятия каждого произведения в контексте определенного жизненного и творческого этапа художника. «Для правильного художественного восприятия, – заявляет критик, – часто бывает необходимо отбрасы-

вать поводы возникновения той или иной пьесы» [2, с. 41]. Во-первых, как видим, утверждение касается не только творчества Державина, оно носит императивный характер и распространяется на художественную литературу вообще. Во-вторых, удивляет тот факт, что повод возникновения произведения Ходасевич советует отбрасывать не «иногда» или «от случая к случаю», а часто, хотя сам собственный совет использует достаточно редко. Получается, что Ходасевич-критик, придерживаясь, биографического метода в изучении чьего-либо творчества, не только признает законность прямо противоположного подхода к тексту, но и призывает использовать его по мере необходимости, а именно – когда знание обстоятельств, побудивших творца к созданию произведения, затухает и не дает адекватно оценить его звучание вне узких временных рамок. Одним из примеров таких текстов, восприятию которых только вредит исторический комментарий, является для Ходасевича «Фелица». «Фелица», – утверждает он, – прекрасна не тем, когда и по какому случаю она написана, и не тем, что в ней изображены такие-то и такие-то исторические лица, а тем фактом, что лица эти изображены, и тем, как они изображены. Когда Державин впоследствии писал, что он первый “дерзнул в забавном русском слоге о добродетелях Фелицы возгласить”, он гордился, конечно, не тем, что открыл добродетели Екатерины, а тем, что первый заговорил “забавным русским слогом”. Он понимал, что его ода – первое художественное воплощение русского быта...» [2, с. 41].

Как мы видим, в 1916 году Ходасевич был еще весьма далек от мысли, что одним из определяющих моментов при анализе стихотворного текста является обнаружение в произведении отголосков подлинных событий из жизни поэта и наблюдение над их художественным преломлением. Этот путь воспринимался критиком в качестве лишь одного из возможных, но никак не доминирующего. Наряду с ним Ходасевич придерживался, или, по

крайней мере, допускал равноправное существование иного подхода к художественному тексту, при котором ни биография автора, ни современная ему историческая обстановка не только не выделяются в качестве наиболее весомых категорий при рассмотрении произведения, а порой вообще не принимаются во внимание. Как выясняется, знание истории создания стихотворения, по Ходасевичу, может стать не полезным, а вредным обстоятельством, мешающим полноценному анализу текста, поэтому он и призывает в некоторых случаях воспринимать произведение без выхода за пределы того, что в нем имеется.

«До-державинская лирика, – отмечает критик, – почти сплошь была условна. И внешний мир, и собственные свои чувства поэты изображали в их “идеальном”, несколько отвлеченном, чистейшем и простейшем виде. Они не умели смешивать красок и не знали полутонов. Державин первый начал изображать мир таким, как представляется он художнику. В этом смысле первым истинным лириком был в России он» [2, с. 41]. Этот тезис, претендующий на итоговость, Владислав Ходасевич формулирует вне попыток объяснить данную ситуацию биографией поэта, так как чувствует, что в этом случае биографический подход к творчеству оказывается ущербным, ничего не проясняющим.

Конечно, в той же самой работе Ходасевича присутствует и констатация необходимости рассмотрения личности и творчества поэта в их неразрывном единстве. Собственно, одна из главных заслуг Державина, с точки зрения критика, и состоит в том, что он «был первым поэтом русским, сумевшим и, главное, захотевшим выразить свою личность такой, какова она была, – нарисовать портрет свой живым и правдивым, не искаженным условной позой и не стесненным классической драпировкой» [2, с. 41-42]. Но нам

здесь видится признание того факта, что историко-биографический подход к отдельному произведению или к целому этапу в жизни художника наряду с неоспоримыми достоинствами имеет и свои слабые стороны, ограничивающие возможности его использования. В частности, с его помощью можно проанализировать, как преломляются обстоятельства биографии поэта в его творчестве, но когда речь заходит о формировании индивидуальности художника, его творческого почерка, данный подход вряд ли может помочь что-либо объяснить. Таким образом, на наш взгляд, Ходасевич образца 1916 года признавал необходимость использования различных видов анализа стихотворного текста, не исключая и имманентного анализа, не обремененного историко-биографическим, культурологическим и иными контекстами. При этом неразрывная связь жизни с творчеством для Ходасевича всегда была аксиомой, выявить это единство в каждом конкретном случае критик неизменно стремился, и, по сути дела, главную задачу, которую он решал в своих работах, можно определить как воссоздание облика художника во всей его многогранности через обращение в равной степени как к творчеству, так и биографии.

Таким образом, В.Ф. Ходасевич, безусловно, выступал за анализ творчества с учетом времени, общественно-политической ситуации, исторической и культурной обстановки, но важнейшим из всех видов контекста для критика является биографический. Однако, как следует из статьи о Державине 1916 года, возможность возникновения ситуации, когда в оценке эстетической значимости текста не помогает никакой контекст, и даже, напротив – знание обстоятельств и повода его создания могут помешать адекватному восприятию произведения – Ходасевич тоже учитывал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зорин А.Л. Начало // Ходасевич В.Ф. Державин. – М.: Книга, 1988.

2. *Ходасевич В.Ф.* Державин (К столетию со дня смерти) // *Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. - Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922-1939.* – М.: Согласие, 1996.

УДК 379.8

В. С. Голованова

г. Екатеринбург, Россия

**ПРОИЗВОДСТВО КУЛЬТУРЫ В УДМУРТСКОМ СЕЛЕ:
КЛУБНЫЕ ПРАКТИКИ 1950-х ГОДОВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ**

АННОТАЦИЯ. В статье на основе проведенного глубинного интервью дается характеристика деятельности сельских клубов в 1950-е годы. Выявляются функции, выполняемые клубами в этот период. Анализируется влияние распространения телевидения на популярность клубов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: советская культура, клубы, досуг, культура села

V. C. Golovanova

Yekaterinburg, Russia

**PRODUCTION OF CULTURE IN UDMURTIAN VILLAGE:
CLUB PRACTICES OF THE 1950S IN MEMORIES
OF PARTICIPANTS**

ABSTRACT. The kinds of activities in Soviet rural clubs in the 1950s are characterized on the materials of in-depth interview. The functions of clubs are revealed. The influence of television on popularity of clubs is analyzed.

KEYWORDS: Soviet culture, clubs, leisure, rural culture

Одним из самых удачных советских социально-культурных проектов по праву можно считать создание системы изб-читален и рабочих клубов. С первых же дней существования советского государства власть стремилась сформировать нового человека. Это диктовало необходимость целенаправленного воспитания и перевоспитания масс. Наиболее эффективным способом «формовки» человека нового типа выступала культура, ставшая инструментом власти. Очень точно риторика власти воссоздана в книге «Архитектурный образ советских общественных зданий: клубы и театры» К.К. Лагутина, где отмечается, что «до Октябрьской революции тяжелые условия труда, нищета и бесправие лишали народ возможности пользоваться духовными благами культуры» [2]. «Духовные блага культуры» в советском обществе могли принимать разные формы. Помимо прямой пропаганды и незамаскированного идеологического воздействия, властью активно использовались и досуговые практики, которые в новых условиях

приобрели «легкий привкус идеологии». Именно на это была нацелена клубная деятельность.

В первые годы после революции советская власть переоборудовала дворцы и особняки под клубы, а также церкви и производственные помещения. Активное строительство специальных клубных зданий приходится на 20-30 гг. XX века. Это отмечают и современные исследователи советской клубной жизни: «в конце 1920-х под эгидой Главполитпросвета, входившего в систему Наркомата просвещения, началось массовое строительство общенародных и общедоступных пролетарских дворцов и домов культуры» [1]. Этот период можно условно назвать «золотым веком» клубов.

Но в первое десятилетие после войны, в 1950-е гг., строительство и развитие клубов находится в упадке. Этому были и объективные причины: за годы войны культурно-досуговые учреждения понесли большие потери – и материальные, и кадровые. Однако в послевоенные годы по-

степенно меняется и отношение населения к клубам. Так, «на рубеже 1950-60-х годов в советской печати развернулась дискуссия о клубах, в которой раздавались голоса, утверждавшие, что клубы теряют просветительскую и воспитательную функцию и при наличии современных средств массовой информации их задачей должна стоять организация отдыха, развлечений и художественного обслуживания» [1]. Действительно ли клубы в послевоенные годы теряют свои функции? В данной статье мы проанализируем этот вопрос, опираясь на информацию, полученную от свидетеля эпохи, что позволяет увидеть советский сельский клуб 50-х гг. глазами участника этого времени.

Хотя феномен клубной жизни является уникальным, тема советских клубов очень слабо освещена в научной литературе. В основном все источники о клубах и исследовательские работы относятся к советскому периоду, что обуславливает не всегда объективную оценку деятельности клубных учреждений. Немалая часть научных публикаций, посвященных клубам, относится к области исследований архитектуры (например, работы, характеризующие архитектурные образы советских общественных зданий), а также представлена пособиями для клубных работников. Однако крайне редко в этих работах присутствует «голос» посетителей клубных учреждений и анализ социокультурных функций, выполняемых клубом. Восполнить этот пробел возможно, если использовать метод глубинного интервью, которым мы и воспользовались.

Наша информантка 1940 года рождения в 1950-е гг. проживала в селе Новая Чернушка Удмуртской Автономной советской социалистической республики. На основе интервью с ней можно проследить состояние сельских клубов 50-х гг. и их роль в жизни населения села.

По свидетельствам историков, «с победой в Великой Отечественной войне произошли изменения в общественно-политических настроениях, духовной сфере, создавался нравственно-психологичес-

кий настрой на будущую мирную жизнь» [3]. И хотя к началу 1950-х гг. многие эти настроения и надежды остались в прошлом, определенный «энтузиазм труда и досуга» по-прежнему сохранялся. Послевоенные годы – это период постепенного восстановления страны и культурно-досуговой сферы в частности. Так, например, сельский клуб в селе Новая Чернушка в Удмуртии, по воспоминаниям респондента, сначала был тентом, в котором собирались работники предприятия «Росторф». Затем силами пленных немцев был построен барак. Он был небольшой: гардероб и актовый зал со сценой. Вместо кресел – лавки, которые после концерта убрали в стороны, освобождая тем самым место для танцев. Но, несмотря на небольшое пространство, место хватало всем желающим посещать клуб. Около клуба был стадион, на котором мужчины играли в футбол, а женщины – в волейбол.

Особое внимание при анализе интервью мы уделили выявлению функций клуба.

Во-первых, клуб выполнял *образовательную* функцию. В нем была маленькая библиотека с небольшим ассортиментом книг. Информантка вспоминает, что «*в 13 лет еще ладом не читала, а вот в 15 уже начала здорово читать*». Благодаря книгам из клубной библиотеки она научилась быстро читать и увлеклась этим занятием, которое на всю жизнь стало ее хобби.

Примечательно, что посетители клуба любили слушать лекции, например о сельском хозяйстве. А еще интересней для жителей села Новая Чернушка были лекции на политические темы. Они внимательно слушали лекторов, которые рассказывали, например, о Гражданской войне. Любили задавать «каверзные» вопросы, что свидетельствует об особом «азарте» и интересе людей к новой информации, которая подавалась в клубе и была для них неким дефицитом. Свой интерес к лекциям респондентка объясняет тем, что «*не было ни радио, ни телевизоров, ни у одного человека на поселке*», следовательно, и узнать о произошедших и происходящих со-

бытиях не было возможности, кроме как из первых уст или от образованных людей из города.

Познавательную и обучающую функцию выполнял кружок шитья, где девушек и женщин учили шить. Это было не только интересно, но и очень необходимо. Одежду купить было негде, а шить умели не все. Не было даже выкроек, все приходилось делать «на глаз». Да и ткани не было. Если дадут премию – штапель на платье, тогда и будет из чего шить. А если очень экономно расходовать материал, то можно вместо одного сделать три платья. Этими соображениями и определялся интерес жителей села к этому кружку. Кружок шитья помогал отвлечься от основной трудовой деятельности, а также провести время с пользой.

Оздоровительная функция в клубе осуществлялась посредством спортивных соревнований, например, по волейболу и футболу на площадке возле клуба.

Культурно-досуговая функция, как наиболее значимая функция для посетителей клуба, выполнялась наилучшим образом. Во-первых, люди могли петь в хоре. Респондентка отмечает абсолютную доступность участия в хоре для всех желающих: *«кто любил петь, тот и приходил»*. Для русского человека петь в хоре – это особая традиция, поэтому внедрение этого опыта в клубную жизнь было очень важным аспектом для сохранения и развития многих певческих традиций. Во-вторых, у рабочих, которые посещали клуб, была возможность реализовывать свой творческий потенциал. Основная их деятельность была связана с тяжелым физическим трудом, поэтому возникала потребность в творчестве, реализуемая, например, через участие в театральном кружке. Рабочим не навязывались конкретные роли и действия. Более того, работники клуба советовались с участниками театрального кружка, прежде чем ставить какую-либо пьесу: им важно было понять способности каждого человека и, исходя из имеющихся талантов, придумать постановку (*«Не все же все умели делать»*), как комментирует это ин-

формантка). В-третьих, до появления сетей кинотеатров клуб был уникальным местом, в котором можно было познакомиться с наиболее популярным видом искусств – кинематографом. В село привозили кино один или два раза в неделю и показывали по три раза на дню для разных возрастных категорий. Стоимость сеанса составляла 5 копеек. Просмотр фильмов оказался наиболее важным аспектом в клубной работе, привлекая все больше посетителей, например, из соседних сел, где не было клуба. В-четвертых, излюбленным времяпрепровождением сельчан были танцы. Несмотря на то что в клуб ходили после работы, люди совсем не чувствовали усталости и с удовольствием шли на танцы. Порой они оставались даже после полуночи. Тут и начиналась «клубная романтика»: свет был только до часу ночи, а остаться в клубе на танцах хотелось подольше. Как вспоминает наша респондентка, *«когда оставались допоздна, каждый уже приносил свечку. Ставили их на сцену. При таком освещении и танцевали. Танцы очень любили. Это было наше главное раздолье»*. И действительно, многие исследователи подчеркивают, что «для многих людей, занятых тяжелым трудом, клубные учреждения культуры были просто местом разрядки, где на танцевальных вечерах можно было “отвести душу”» [1].

Рекреационная функция осуществлялась в контексте проведения праздников. Респондентка вспоминает, как они отмечали праздники с особой радостью, в первую очередь – праздники, введенные советской властью: 1 мая – праздник весны и труда, 7 ноября – день Великой Октябрьской социалистической революции, 8 марта – Международный женский день.

Все вышеперечисленные функции работали на самую важную – *нормативную*. Она не проявлялась обособленно, а была включена в контекст других функций и, как «невидимая рука», регулировала общественные настроения и помогала внедрению идеологии и принципов социализма.

В целом клуб в 50-ые гг. выполнял свои функции, однако ему было сложно соперничать с активно развивавшимися на тот момент технологиями – радио и телевидением. Появление телевидения повлияло на уклад жизни миллионов людей, перераспределило бюджет их свободного времени, оказало воздействие на формирование их духовных интересов, потребностей, ценностных установок и ориентаций. Это же отмечает и наш респондент. По ее словам, люди, жившие до и после появления телевизоров, остро почувствовали изменения в своей досуговой жизни. Если до распространения телевидения люди «бежали» в клуб даже после тяжелого трудового дня, увлеченно слушали лекции на политические темы, то после появления телевизоров произошел заметный спад посещаемости клубов: *«Но когда это все появилось, мы меньше стали встречаться и меньше в клубы ходить»*. Однако парадоксальным образом на вопрос, что было интереснее: ходить в клубы или смотреть телевизор, – респондентка уверенно отвеча-

ет, *«что в клубе было все равно интереснее»*.

Вышеперечисленные исследования помогают ответить нам на вопрос, утратили ли клубы роль очагов культуры в послевоенное время или же они оставались центром досуга. На наш взгляд, клубы в послевоенное время не потеряли свою актуальность, а наоборот, выполняли важные функции, которые были необходимы людям, чтобы преодолеть тяжелые воспоминания о войне, настроиться на мирное существование, вернуть в свою жизнь радость.

Однако назвать клуб «очагом культуры», каким он был в 20-30 гг., в этот период уже проблематично. Вместе с распространением новых технологий происходит постепенное «одомашнивание» досуга. Досуг даже в сельской местности становится более семейным или индивидуальным занятием, что приводит к постепенному уменьшению доли клубного досуга в структуре свободного времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеленцова Е.В. Будущее домов культуры. Какие культурные центры нужны современному городу? // Дом Бурганова. – 2014. – № 4. – С. 52–64.
2. Лагутин К.К. Архитектурный образ советских общественных зданий. Клубы и театры. – М.: Искусство, 1953. – 235 с.
3. Моисейченко Л.А. Власть и духовно-нравственное состояние общества в послевоенные годы (1946-1953): региональный аспект // Известия Саратовского университета. Серия «История. Международные отношения». – 2013. – № 4. – Т. 4. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vlast-i-duhovno-nravstvennoe-sostoyanie-obschestva-v-poslevoennye-gody-1946-1953-regionalnyy-aspekt>

УДК 882

И. А. Головнёв

г. Санкт-Петербург

Е. В. Головнёва

г. Екатеринбург, Россия

«ОТКРЫВАЯ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК...»:

ОБРАЗЫ ТЕРРИТОРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. К. АРСЕНЬЕВА

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект 18-59-23007

«Опыты изучения и визуальной репрезентации фронтальных территорий России и СССР в визуальной антропологии первой половины XX века: на примере исследований российских и венгерских ученых и кинематографистов»

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется творчество исследователя и путешественника Дальнего Востока В. К. Арсеньева (1872–1930) с целью выявления в его трудах репрезентационного потенциала образа региона. На основе методологии социального конструктивизма выделяются и анализируются научный и художественный способы конструирования образа Дальнего Востока и показывается место каждого из них в творчестве Арсеньева.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образ региона, конструирование, конструкт, визуализация, Дальний Восток, В.К. Арсеньев

I. A. Golovnev

Saint-Petersburg

E. V. Golovnev

Yekaterinburg, Russia

«OPENING UP THE FAR EAST...»:

THE IMAGES OF THE TERRITORY

IN THE WORK OF V. K. ARSENYEV

ABSTRACT. The article analyzes the work of the researcher and traveler of the Far East V. K. Arsenyev (1872-1930) in order to identify in his works the representative potential of the image of the region. On the basis of the methodology of social constructivism, scientific and artistic methods of constructing the image of the Far East are identified and analyzed and the place of each of them in Arsenyev's work is shown.

KEYWORDS: region image, design, construct, visualization, far East, V. K. Arsenyev

Одним из самых актуальных вопросов в изучении региональной проблематики на современном этапе является вопрос о конструировании образов российских регионов. Как известно, значимый вклад в конструирование образов территории исторически был сделан профессиональными исследователями и путешественниками. Именно исследования путешественников и ученых зачастую превращали образ определенного региона в объект целенаправ-

ленной разработки в требуемом направлении с использованием специальных приемов. Среди подобных исследований особое место занимает творчество В. К. Арсеньева, изучавшего Дальний Восток на протяжении тридцати лет и оставившего после себя, как детальное научное описание края, так и нарративы художественного плана.

В настоящее время, несмотря на ряд работ, посвященных Арсеньеву [1; 2; 6],

его творчество часто рассматривается без учета имеющихся в мировой науке концепций конструирования образов территорий. Исходя из этого, логика данной работы будет выстраиваться с опорой на идеи социального конструктивизма. В рамках этого подхода предполагается уделить основное внимание роли самой фигуры исследователя как актору конструирования образа региона, установлению приемов такого конструирования, а также выделению компонентов формирования образа Дальнего Востока и выяснению средств его поддержания и трансляции на внутреннюю и внешнюю аудиторию.

В качестве источников данной статьи выступают как обзорные работы, посвященные творчеству Арсеньева, так и архивные данные Общества изучения Амурского Края (г. Владивосток), наиболее ценными из которых являются экспедиционные дневники Арсеньева (с 1906 по 1927 годы).

К берегам р. Уссури

Получив военное образование в Петербургском пехотном юнкерском училище, В.К. Арсеньев с детства проявлял интерес к изучению отдаленных территорий, образ которых формировался у него на основе описаний и оценок, усвоенных из бесед, и прочтения тематической литературы. По воспоминаниям Арсеньева: «...судьбе было угодно, чтобы я очутился на службе в Управлении рыболовными, морскими и звериными промыслами Дальнего Востока. Это был мост, по которому я тогда перешел на Камчатку, Беринговы острова и море Шелехова (Гижигинская и Пенжинская губа) и обратно в Уссурийский край. Мои краеведческие познания обогатились множеством личных впечатлений и наблюдений» [АОИАК¹. Ф. 14. Оп. 6. Д. 142. Л. 140].

Приехав на Дальний Восток в 1900 г., от лесничего Уссурийского казачьего войска Н. А. Пальчевского он получил

книги об Уссурийском крае, а также познакомился с синологом М. Г. Шевелевым, давшим ему ценные советы по археографии, а впоследствии оставившем ему карты Уссурийского края и Восточной Маньчжурии с пометками, где надо искать развалины древних городов. Бывший политический ссыльный на о. Сахалине, а впоследствии старший этнограф Музея антропологии Л. Я. Штернберг снабдил Арсеньева разнообразной этнографической литературой («Инородцы Амурского края» Шренка, «Коренные обитатели Сибири» Миддендорфа, «Путешествие по долине Уссури» Маака и «Первобытная культура» Тайлора). Уже став известным путешественником, Арсеньев писал: «Когда мечта моя сбылась, и я выехал на Дальний Восток, сердце мое замирало в груди» [АОИАК. Ф. 14. Оп. 6. Д. 135. Л. 35].

В течение пяти лет (1900-1905) Арсеньев совершает ряд поездок по Южно-Уссурийскому краю, занимаясь изучением Дальнего Востока и его туземного населения. В 1906-1909 гг. он предпринимает четыре больших экспедиции в центральной части хребта Сихотэ-Алинь, в 1917 г. – в горную область Ян-де-Янга, несколько экспедиций в Гижигинский район, на Камчатку (1919-1926) и, наконец, летом 1927 года пересекает Сихотэ-Алинь по маршруту: Советская Гавань – Хабаровск.

Со свойственной Арсеньеву аккуратностью, в течение всех своих путешествий он ведет дневники, рисует схемы, делает зарисовки, таблицы и даже наклеивает из тонкой березовой коры фигурки зверей, людей, божеств, сделанных туземцами (орочами, удэгейцами, нанайцами, тазами, ульчами). Путешественник так искусно располагает географический, этнографический, исторический и геологический материал, что читатель его путевых дневников сегодня «совершенно отчетливо представляет себе путь экспедиции, обстановку пути, рельеф местности, прекрасные картины окружающей природы, буквально ощущает антураж, сопутствующий экспедиции на всем ее пути» [5, с. 4]. Всего исследователь оставил после себя более 50

¹ АОИАК – Архив Общества изучения Амурского Края (г. Владивосток)

произведений, некоторые из них написаны на специальные научные темы (география, этнология, археология, статистика), другие же относятся к числу собственно литературно-художественных произведений («По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «В дебрях Уссурийского края», «Сквозь тайгу» и др.). По признанию биографов Арсеньева, сама фигура исследователя, в котором, по известному выражению А.М. Горького, «объединены Брем и Фенимор Купер», и сконструированный им образ Дальнего Востока надолго определили восприятие данной территории как внутри страны, так и за рубежом.

Как же образ региона конструируется в творчестве Арсеньева? Что является основанием для синтеза представлений о Дальнем Востоке, сложившихся в его трудах? Каким образом пересекаются и сосуществуют научный и художественный дискурс в исследованиях Арсеньева?

Научные экспедиции В. К. Арсеньева

В творчестве Арсеньева можно выделить два способа конструирования образа Дальнего Востока – научный и художественный. Характерной особенностью здесь является тот факт, что научное и художественное в произведениях Арсеньева тесно переплетены между собой и, к примеру, научное описание края часто опирается на художественные нарративы, используя комплекс художественных идей для собственного содержательного обогащения.

Исходным основанием образа Дальнего Востока для Арсеньева является все же его научное (географическое, демографическое, статистическое) описание. В обзорной статье «Положение Дальневосточного края и его границы» (1920-е гг.) Арсеньев пишет: «В исследовательском отношении всю территорию Дальневосточного края можно разделить так: детальная изученность региона – 10%, поверхностная – 60%, районы, совершенно не изученные даже в географическом отношении – 30 %» [АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 49. Л. 1-3].

Для отграничения территории Дальнего Востока Арсеньев использует процедуру наименования. С точки зрения конструктивизма, именно нейминг локальных объектов географического пространства делает возможным представленность региона в социокультурном пространстве. Репрезентация дальневосточной территории осуществляется Арсеньевым с помощью картографирования, топографической съемки, составления плана местности. В дневниках исследователя содержатся карты-схемы промысловых рек, горных перевалов, лесной местности, в которых наглядно отражены, помимо прочего, географические представления аборигенов. Определение рельефа в этих картах отличается большой дробностью характеристик, использованием названий, связанных с охотой и рыболовством, растительным миром, хозяйственной деятельностью, с наименованием родов и племен. Путевые дневники Арсеньева содержат также детальные научные описания физико-географических и климатических условий русского Дальнего Востока, его рельефа, населения, ресурсов, особенностей колонизации.

Параллельно с описанием самой территории Дальнего Востока Арсеньев делает основанные на включенном наблюдении заметки относительно населения края. В дневниках Арсеньева содержатся подробные этнографические сведения о жизни аборигенного населения Дальнего Востока – орочах, гольдах, и более всего – удэгейцах. Адаптационные способности разных народов на Дальнем Востоке Арсеньев связывает, в том числе, с их культурными установками и ценностными ориентациями. Он отмечает, например, что китайцы по своей натуре не колонисты, «это люди развитые, с философским складом ума, предприимчивые, энергичные, гордые своей многовековой цивилизацией, а потому и малопокладистые» [Там же. Л. 26]. Качество корейцев – стремление и готовность всегда прийти на помощь ближнему... Они не способны властвовать над кем-либо и сами легко подпадают во

власть сильнейшего [Там же. Л. 40, 43]. Японцы же сплочены в сильную организованную массу, и, благодаря своему обществу во Владивостоке «Урадзиваки орюминкай», поддерживают друг друга в момент опасности [Там же. Л. 95].

Арсеньев осуществляет также научное прогнозирование развития территории, дает экспертную оценку в плане ее эффективного политического и экономического управления. По словам исследователя, «единственный способ оградить районы от иноземной иммиграции – это наиболее плотное заселение их экономически сильным элементом. Лучшими колонистами, по нашему мнению, будут переселенцы из северных губерний Европейской части Союза (великороссы) и в особенности сектанты старообрядцы [АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 64. Л. 37].

В «Стране Дерсу Узала»

Наряду с научным изучением территории, ее художественное описание также может рассматриваться как значимый фактор конструирования образа Дальнего Востока. Именно в художественном плане в полной степени было раскрыто диалогическое отношение Арсеньева к краю, представлены размышления исследователя о встрече в регионе двух культур: колонизаторской и аборигенной. Художественные нарративы, созданные Арсеньевым, также формировали стандартизированные образы дальневосточной природы и жителей региона, оформляя и закрепляя авто- и гетеростереотипы.

Арсеньев сознательно использовал художественные средства в описании Дальнего Востока, позволяющие ему точнее и эмоциональнее передать свои впечатления о крае. Какое значение придавал исследователь художественной отделке своих сочинений, видно из сохранившихся в его архиве рукописей и корректур. В течение продолжительного времени Арсеньев исправлял отдельные слова в рукописях, подбирал наиболее выразительные обороты, заменял неудачные выражения. В архиве исследователя хранится большое ко-

личество аккуратно нарезанных лоскутков бумаги, расположенных по конвертам с надписями: «Дождь», «Буря», «Утро», «Огонь». «Море», «Птицы», «Лунная ночь» и др. [АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 102]. В каждом конверте были короткие выписки из произведений классиков мировой литературы, романистов, из отчетов путешественников, натуралистов, естествоиспытателей (А.М. Горький, Ч. Диккенс, А. Куприн, К. Фаррер, И.С. Тургенев, А. Брэм, Н.Н. Пржевальский).

Используются Арсеньевым и такие чисто художественные выразительные средства, как сравнение, метафора, развернутая метафора, олицетворение. Приведем один отрывок из книги «По Уссурийскому краю»: «С первого шага буйные травы охватили нас с головой. Они были так высоки и так густы, что человек казался в них утонувшим. Внизу, под ногами – трава, спереди и сзади – трава, с боков – тоже трава и только сверху – голубое небо. Казалось, что мы шли по дну травяного моря» [3, с. 29]. И, верный себе, автор добавляет научное пояснение: «Главными представителями этих трав будут: тростники (*Phragmites communis Trin.*) высотой до 3 метров, вейник (*Calamagrostis villosa Mutel*) – 1.5 метра...» (Там же). К использованию средств художественного конструирования относится и персонификация территории в образе ее коренного жителя – Дерсу Узала, обладающего, с одной стороны, уникальностью и живостью характера литературного героя, а с другой – символически представляющего те черты, которые акцентируются Арсеньевым в образе региона: непосредственное единство с природой, стойкость и жизненную силу, естественность мировосприятия и нравственного действия.

Посредством созданных Арсеньевым литературных нарративов, во-первых, у читателей возникал образ Дальнего Востока, имеющий сильную эмоциональную составляющую, во-вторых, – в силу самой природы художественного отображения реальности формировалось многомерное (нелинейное) представление о регионе и

населяющих его жителях. Как отмечалось в прессе конца 1920-х гг.: «Недоступный для широких масс и лишь в ничтожных количествах доступный для ученых кругов материал, требовавший огромных трудов и значительных затрат для его поиска, отбора, приобретения... весь этот материал дается в живой связи друг с другом, со своей средой, со всей подлинной, самобытной, интересной и мало кому ведомой до сих пор жизнью» [АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 56. Л. 18].

Заключение

В целом, образ Дальнего Востока в творчестве Арсеньева выстраивается на пересечении научного и художественного дискурса. При его формировании Арсеньевым используются различные приемы (научное описание, нейминг, картографирование, фото- и кино-визуализация, литературное творчество), обуславливающие

комплексное и целостное восприятие дальневосточного края [4, с. 110].

Доминантами образа Дальнего Востока, сконструированного В. К. Арсеньевым, на наш взгляд, являются:

- образ территории необычайно разнообразной, первозданной природы, пока еще свободной от экспансии культуры и прагматического преобразования;
- образ края, где сохраняется возможность суровой и опасной, но при этом наполненной смыслом, настоящей жизни, мира, ожидающего своих открывателей и исследователей;
- образ региона, обладающего богатыми и разнообразными ресурсами, открывающими совершенно новые возможности и перспективы развития;
- образ пространства взаимодействия различных культурных традиций, российского «окна в Азию», места контакта с богатейшей культурой Китая, Японии, Кореи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аргудяева Е.В.* В.К. Арсеньев – путешественник и этнограф: Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В.К. Арсеньева: материалы, комментарии. Владивосток: ДВО РАН, 2007.
2. *Аристов Ф.Ф.* В.К. Арсеньев (Уссурийский) // Дальний Восток. 1974. №4. С. 127 – 136.
3. *Арсеньев В.К.* По Уссурийскому краю. Дальневосточное кн. изд-во, 1986.
4. *Головнев И.А., Головнева Е.В.* Дальний Восток в фильмах А. Литвинова: конструирование образа пространства // Quaestio Rossica. Т. 5. Екатеринбург: Изд-во УрФУ. 2017. No 1. С. 109–124.
5. Литературное наследство В.К. Арсеньева // Красное знамя. 1945. № 177.
6. *Тарасова А.И.* Владимир Клавдиевич Арсеньев. Владивосток: Общество изучения Амурского края, 2012.

УДК 7.036

Т. П. Жумати

г. Екатеринбург, Россия

**РЯДОМ, НО НЕ ВМЕСТЕ: АЛЬТЕРНАТИВЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО АНДЕГРАУНДА.
ДИСТАНЦИРОВАНИЕ ОТ ДИССЕНТА**

АННОТАЦИЯ. В статье уделено внимание такому явлению, как советский художественный андеграунд, характеру альтернатив, с которыми выступало это сообщество, их отличию от протестной практики диссента.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: художественный андеграунд, неофициальное искусство, альтернативы, оппозиция, диссент

T. P. Zhumati

Yekaterinburg, Russia

**SIDE BY SIDE BUT NOT TOGETHER: ALTERNATIVES
TO THE ARTISTIC UNDERGROUND. DISTANCING FROM DISSENT**

ABSTRACT. The article explores the phenomenon of Soviet artistic underground, the nature of alternative solutions proposed by this community, and their difference with the protest dissent practices.

KEYWORDS: artistic underground, non-official art, alternatives, opposition, dissent

Ситуация запрета «второго авангарда» в период «послеоттепельной» реакции и последовавшие за ней времена «застоя» не остановили развития этого искусства. Делая невозможным выход художественного андеграунда на официальный уровень, позиция официоза не предполагала и крайних репрессий, которые бы вели к его ликвидации. Не стало решающим для развития сил андеграунда и усиление идеологического диктата. В условиях несвободы происходит смена творческих генераций. В 1970-х, по мнению И. Уваровой, «застой охватывает официальную санкционированную культуру... но набирает силу всевозможный андеграунд...» [9, с. 20]. На это десятилетие приходится расцвет художественного андеграунда Москвы и Ленинграда. Напомним, что сами понятия «неофициальное искусство», «андеграунд» появляются только в 1970-е годы.

Важным представляется уточнение типологической специфики андеграунда как художественного сообщества. Сами участники диссента – открытой оппози-

ции, выступившей в середине 1960-х, – указывали на различие внутренних идеологий диссидентства и художественного андеграунда. Рассуждая об этих проблемах, А. Ю. Даниэль говорит о выраженном своеобразии этой творческой оппозиционной среды [2, с. 114–115]. «Безыдейные художники» были нацелены на решение своих «узкокорпоративных» задач. Общим делом художников андеграунда было авангардное творчество, ориентированное на преодоление традиции и сложившихся в искусстве стереотипов, именно оно солидаризировало членов сообщества, как считали сами представители андеграунда.

Много ближе к идеологической оппозиции неофициальная литература. Правозащитное движение, одной из печатных трибун которого являлся «политический» самиздат, подпитывало и его художественное крыло. В самиздатской прозе недовольство власти вызывали не стилистические новации, отличавшие немногие тексты тех лет, а формулируемые в ней идеи. Дававший примеры яркого формального

поиска поэтический самиздат также представлен разными авторскими категориями – создателями поэтического авангарда и диссидентской поэзии.

За известным спадом в деятельности альтернативной художественной среды в начале 1970-х следует ее активизация, проявление интенций к новому позиционированию. Середина 1970-х – время известных публичных выставок московского и ленинградского андеграунда. В новых устремлениях художественного сообщества, прежде всего в проявлении активности вовне, многие видят сближение с тактикой диссента. О выступлениях андеграунда в середине 1970-х Л. Алексеева пишет: «На ... 1974–1975 годы пришлось первые организационные успехи художников нонконформистов...» [1, с. 34]. Обратим внимание на общую оценку лидерами диссента деятельности художественного андеграунда в этот период: успех им видится прежде всего в организации авангардистами публичных мероприятий и достижении общественного резонанса. Хотя деятельность, в том числе организационная, в пределах художественного сообщества была успешна и прежде, – это существование творческих групп и объединений, успешные коммуникативные связи, необходимые для его функционирования и развития творческого поиска. О многом свидетельствует и неоднозначное отношение к конфликту с властями в андеграундной среде, ощущение многими навязанных, несвойственных форм активности, элементов борьбы, прямого противостояния системе. Известно, что выставки 1970-х годов имели значительный международный резонанс. Конфликт с официозом, его публичность, близость произошедшего к установкам диссента дали повод говорить о попытке смены статуса художественного андеграунда. В публикациях тех лет мы сталкиваемся с очевидной предвзятостью в трактовке этого явления, с утрированием отдельных черт, что искажало его суть. Общим местом в этих публикациях является нивелирование значения художественного поиска представителей андеграунда, приравнива-

ние альтернатив, с которыми выступало это сообщество, к протестной практике открытой оппозиции. Исходя из такой трактовки, западная критика описывает искусство советских авангардистов в терминах «диссидентское искусство», «нонконформистское искусство». Со временем в отечественных и западных изданиях звучит более объективное мнение, близкое к следующему: искусство андеграунда было «нонконформизмом и одновременно – вторым русским авангардом» [См.: 5, с. 8]. Приведем высказывание, с которым согласится большинство авангардистов: «Абсурдность заключалась в том, что уже заранее другое искусство делали искусством сопротивления. А оно хотело быть просто искусством... И было им ...» [8, с. 6]. Среди важнейших характеристик этого искусства – антитрадиционалистская направленность. В числе его главных альтернатив – альтернативы авангардного искусства. Искусство советских авангардистов – за пределами реалистической изобразительности и, конечно, за пределами «соцреалистической» изобразительности. Нонконформистские настроения находили свое специфическое выражение преимущественно в творчестве представителей неофициальной художественной среды. Нонконформизм в искусстве, по мнению Ф. Инфанте, предстает прежде всего как «различие и разнообразие индивидуальностей» (конформизм в свою очередь понимается как «одинаковость форм») [5, с. 56].

В числе редких и в целом нетипичных проявлений радикализма и «экстравертного поведения» в художественной среде – акции СМОГа середины 1960-х. На этом и на других этапах не происходит размывания границ художественного сообщества, действительного смещения интересов авангардистов с собственного дела – художественных исканий – в сторону практик, инструментария, используемого диссентом. Приведем следующую характеристику андеграунда, уточняющую его статус, бывший прежде «социально-эстетическим явлением», а с середины 1970-х ставший ближе к эстетической оп-

позиции [См.: 4, с. 2]. Художественный андеграунд, по словам И. Уваровой, являл собой особый контингент, «не желавший иметь ничего общего с официозом и даже не утруждавший себя прямыми или косвенными выпадами против него» [9, с. 20]. Дистанцированность от диссидентского движения стоит соотносить с меньшим распространением на новом этапе самой идеи официализации, прежде звучавшей в андеграундной среде.

Внимание исследователей долгое время было сосредоточено на неофициальной культуре центра, составлявшей ядро явления, сфера распространения которого, его периферия представлялась незначительной [7, с. 265]. Сегодня речь идет о проявлении этого феномена как в столичной, так и в провинциальной ситуации¹. Являясь составляющей формировавшейся в советском обществе оппозиции, вливаясь в общий поток неконформизма, художественный андеграунд, его представители – создатели альтернативного искусства, в том числе и здесь, в провинции, не отождествляли свою деятельность с диссидентским движением. Художники далеки от оппозиционных структур, в деятельности которых выражен политический компонент. Последние представлены в городах Урала, и в частности в Свердловске,

рядом самостоятельных организаций². При очевидной выраженности, диссент не мог проявиться в провинции так активно, как в центре. С одной стороны, явления такого рода не могли иметь здесь столичного масштаба. С другой – подобная ситуация складывалась и в силу специфики региона: все эти годы Свердловск оставался «закрытым» городом. Контролируемость всех процессов особым образом влияла на важнейшие сферы жизни города.

Позиция свердловских авангардистов по отношению к диссенту выражена в словах Анны Таршис, одного из лидеров альтернативного художественного сообщества: «Рядом, но не вместе!». Авангардисты демонстрируют активность иного рода: разрозненные одиночки объединяются вокруг талантливых, генерирующих творческие идеи лидеров, формируя среду, в которой независимое искусство может функционировать. Власти по существу игнорируют «игры» «безыдейных» художников, занятых формальным экспериментом. Гражданская позиция, общественно значимые идеи звучат, скорее, в официальном искусстве. В 1960-х гонениям подвергаются прогрессивные мастера Союза художников – Геннадий Мосин, Миша Брусиловский. Эзопов язык, которым изъясняется официальное искусство 1970-х, доносит новые значимые смыслы. Свобода мышления проявит себя и в бардовском движении, которое набирает силы в провинции. В годы «оттепели» творчество авторов-песенников «из-за несвободы печатного слова стало главным носителем возникшего независимого общественного мнения» [7, с. 74].

В атмосфере не востребоваемости, переживаемой маргинальности художники андеграунда далеки от выражения протестных настроений, солидаризации с диссентом. Авангардисты – за пределами круга общения и информационного поля, со-

¹ Среди изданий, посвященных альтернативному искусству, сборник статей, в который вошли материалы конференции, организованной в 1990 году свердловскими искусствоведами. См.: Авангардные направления в советском изобразительном искусстве: история и современность / сост., науч. ред., авт. вступ. ст. Г.В. Голынец. – Екатеринбург, 1993. См. также публикации автора: Жумати Т.П. Художественный андеграунд 1960–1980-х годов: столицы и провинция // Известия Уральского государственного университета, Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2005. – № 35. – Вып. 9. – С. 173–182; «Второй авангард» в искусстве провинции: поиски свердловских художников в 1960–1980-х годах // Опыты авангарда: от утопии к практикам повседневности: материалы международ. симпозиума. – Екатеринбург, 2016. – С. 162–172.

² Проявлению диссидентского движения, радикальной политической оппозиции на Урале посвящена работа А. И. Прищепы, ставшая первым региональным исследованием на эту тему [См.: 7].

относимых с диссентом. В местной ситуации не возникает «салонов», подобных столичным, – мест возможных пересечений представителей художественной среды и деятелей диссента. Затрагивающий тему альтернативных исканий в искусстве Свердловска Г. Козлов указывает на наибольшую близость к «настоящему андеграунду» группы «Уктусская школа» [3, с. 197]. Творчество «Уктусской школы» (1964–1974), первой группы свердловских авангардистов, включает опыт самиздата – издание одноэкземплярного журнала «Номер». Среди материалов, публиковавшихся в «Номере», – оригинальные рисунки и тексты «уктуссцев» и других авангардистов. Появляется в творчестве группы и социально-политическая тематика. В работах, близких к соцарту и концептуализму, «уктуссцы», как и столичные авторы, творят, как пишет Н. Алексеев, «не впадая в диссидентское противостояние» [9, с. 25]. В отношении представителей художественной среды со стороны контролирующих органов применяется обычная для того времени практика «профилактирования». В случае с «уктуссцами» предъявленное требование – не тиражировать

журнал – совпадало с их собственным замыслом, для создателей «Номера» идея нетиражируемости, одноэкземпляльности была концептуально значима.

Оппозиционные настроения проявятся в рядах новых неподконтрольных движений 1980-х. Неформалы далеки от сформировавшихся идейных течений [См.: 10], но тенденция к политизации заметна и в этой среде. В годы перестройки уже на легальных, санкционированных властями выставках с остросоциальными работами выступит новое поколение художников-неформалов. В середине 1980-х искусство «второго авангарда» уже не несло в себе того пафоса «переоценки ценностей», которым полнились ожидания творческой среды в годы «оттепели». Такая переоценка, основы которой удалось заложить в 1960-х годах, произойдет с характерной постепенностью и неотвратимостью в течение последующих полутора десятков лет – в 1970-х и первой половине 1980-х, в условиях тотального контроля советской системы, «на глазах у официоза». Эти процессы проявят себя в отечественном искусстве в целом, затронув и официальную сферу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. (Новейший период) // Самиздат века / сост. А. И. Стреляный, Г. В. Сапгир, В. С. Бахтин, Н. Г. Ордынский. – М.; Минск: Полифакт, 1997. – С. 19–45.
2. Даниэль А. Ю. Диссидентство: культура, ускользающая от определения // Семидесятые как предмет истории русской культуры / ред.-сост. К. Ю. Рогов. – М.; Венеция: О.Г.И., 1998. – С. 111–124.
3. Козлов Г. Культура Екатеринбурга и Свердловской области // Политика и культура в российской провинции / ред. С. Рыженков, Г. Люхтерхандт-Михалева. – М.; СПб.: Летний сад, 2001. – С. 185–206.
4. Лев Рубинштейн: существование отечественного андеграунда – это, в основном, те или иные мифы, и я – не исключение. Интервью. Беседовала Ирина Регенер // Гуманитарный фонд. – 1992. – № 7 (110). – С. 2.
5. Нонконформисты. Второй русский авангард. 1955–1988. Материалы Круглого стола (Москва, ГТГ, 23. 07. 1996 г.) // Вопросы искусствознания. – 1997. – №1(X). – С. 5–63.
6. Петров В. М. Субкультура российского андеграунда 1960–1980-х: системные черты // Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое / Ред.-сост. Н. М. Зоркая. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 264–297.
7. Прищепа А. И. Инакомыслие на Урале. Середина 1940-х – середина 1980-х гг. – Сургут: Сургутский гос. ун-т, 1998. – 280 с.

8. *Ракитин В.* Другое искусство: свобода и художественный идеализм // «Другое искусство». Москва 1956–76. К хронике художественной жизни: в 2 т. Т. 2 / сост. Л. Талочкин, И. Алпатова. – М.; СПб.: Худож. галерея «Моск. коллекция», Интербук, 1991. – С. 5–14.
9. «Семидесятые» как проблема истории русской культуры. Материалы дискуссии // Семидесятые как предмет истории русской культуры / ред.-сост. К.Ю. Рогов. – М.; Венеция: О.Г.И., 1998. – С. 7–28.
10. *Шубин А.* Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. – URL: <http://litresp.ru/kniga/ru/%D0%A8/shubin-aleksandr-vladlenovich/dissidenti-neformali-i-svoboda-v-sssr>

УДК 009

Е. В. Каменская

Екатеринбург, Россия

**ОБРАЗЫ «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В КИТАЕ
НА СТРАНИЦАХ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1960-х гг.**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается информационное освещение политики «культурной революции» в Китае в советской прессе второй половины 1960-х гг. на примере «Литературной газеты», кратко анализируются основные жанры, темы, источники информации, создаваемые образы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культурная революция в Китае, история СССР, советская пресса, «Литературная газета», образ

E. V. Kamenskaya

Yekaterinburg, Russia

**THE IMAGES OF «CULTURAL REVOLUTION»
IN CHINA IN LATE 1960S «LITERARY GAZETTE»**

ABSTRACT. The article reviews the information coverage of the policy of the "cultural revolution" in China in the Soviet press of the second half of the 1960s. Using the example of "Literaturnaya gazeta", it briefly analyzes the main genres, themes, sources of information, and resulting images.

KEYWORDS: cultural revolution in China, Soviet press, history of the USSR, "Literaturnaya gazeta", image

«Культурная революция» – один из самых сложных периодов в новейшей истории Китая [см., 1, 2, 4, 15, 16 и др.]. В стране происходили массовые репрессии среди членов партии и интеллигенции, число пострадавших исчислялось миллионами. Ключевой целью руководства КПК была борьба с оппозицией, стремление отвлечь внимание населения от внутренних проблем. Изменения в культурной сфере часто носили насильственный характер – внедрение новых норм происходило на фоне уничтожения богатейшего культурного наследия.

Одной из составляющих «культурной революции» стала политика антисоветизма, что привело к резкому обострению возникшего еще в хрущевский период конфликта между СССР и КНР. Изменения во внутренней и внешней политике КПК вызывали большой интерес (и опасения) у советских граждан. В этих условиях для Москвы крайне важно было создать нужный информационный фон относительно

«культурной революции» в Китае и советско-китайских отношений.

Необходимо отметить, что советское руководство после смены партийного лидера в 1964 г. стремилось улучшить отношения с Китаем, в том числе, создавая достаточно благожелательный образ этой социалистической страны в прессе. В центральных изданиях регулярно печатались небольшие заметки о развитии экономики Китая, поддержке с его стороны внешнеполитических инициатив Советского Союза, деятельности общества советско-китайской дружбы и т.д. Публикации о Китае шли в рубриках «В странах социализма», «В братских странах», что было очень показательно в условиях жесткой системы координат, существовавшей во внешнеполитическом разделе советских газет. С началом «культурной революции» в 1966 г. произошла смена информационной политики в отношении Китая.

Рассмотрим освещение «культурной революции» в КНР на страницах «Литера-

турной газеты» во второй половине 1960-х гг. Выбор данного издания для исследования обусловлен с одной стороны, значительным вниманием, которое уделяла эта газета данной проблеме, с другой стороны – специфической направленностью издания (массовая еженедельная газета, ориентированная на освещение культурных процессов в СССР и за рубежом, печатный орган Союза писателей СССР).

С середины 1966 г. количество статей о Китае в центральной и региональной прессе значительно снизилось, а их тональность стала негативной. Под рубрикой «События в Китае» в газетах размещались небольшие материалы, в основном в жанре заметки или фельетона, в которых кратко описывались кризисные явления в китайской экономике, падение уровня жизни, антисоветские действия китайского правительства. В «Литературной газете» публикации о Китае помещались почти в каждом номере. В газете появились специальные рубрики «Культурная революция», «Китай. “Культурная революция”»¹, просуществовавшие несколько лет. В них публиковались развернутые статьи, в том числе, аналитика, очерки, обзоры зарубежной прессы, повествующие о внедрении нового курса КПК в жизнь. Так, весной 1969 г. одной из важных тем в прессе были советско-китайские пограничные столкновения на о. Даманский. «Литературная газета» кроме откликов писателей, очерков о пограничниках Дальнего Востока, фотографий жертв боев, заметках о реакции за рубежом начала публиковать главы из книги «Человек, бог или сфинкс. Политический портрет Мао Цзэдуна», выпущенной на Цейлоне [11, с. 15; 12, с. 15; 13, с. 15]. Публикация занимала целую полосу и сопровождалась подборкой фотографий.

Советские журналисты, освещая события в Китае, пользовались почти исключительно опосредованной информацией. Сбор сведений собственными корреспон-

дентами в этой стране у изданий был затруднен, поэтому неизбежным было обращение к иностранным источникам. В «Литературной газете» в публикациях о внутренней ситуации в Китае и внешнеполитических инициативах китайского правительства цитировался очень широкий набор зарубежных информагенств и изданий: «Вашингтон пост», «Нью-Йорк таймс», «Синьхуа», «Киодо Цусин» и многие другие.

Часто чужие статьи перепечатывались полностью, особенно если в них содержались «рассказы очевидцев». Сотрудники «Литературной газеты» указывали, что зарубежные материалы могут иметь неточности и проверить их сложно. Но, поскольку изложенные в перепечатываемых публикациях факты укладывались в принятую схему показа «культурной революции», то журналисты считали их заслуживающими доверия. К примеру, в начале публикации статьи гонконгской газеты о жестокостях властей в провинции Гуандун отмечалось, что «нельзя ручаться за подлинность всех приведенных в ней сведений».

Однако подобные сообщения имеются и во многих других органах печати [10, с. 15]. Другим вариантом для издания были заметки, очерки, написанные после общения с людьми, уехавшими из Китая. К примеру, статья «Синьцзянская трагедия» была основана, как указывал автор, на беседе с бывшими жителями провинции Синьцзян, переехавшими в среднеазиатские республики СССР [14, с. 15]. Иногда публиковались письма китайских авторов, но в основном без указания имен.

Заголовки статей говорили о критической направленности журналистских текстов. «Перлы китайского радио», «Миф о «великой победе»», «Пекинское сальто», «Что они делают с детьми», «Кукла по-пекински», «Двуличие Пекина», «Кого они жгут» – подобные названия использовались при освещении событий в странах Запада, что четко сигнализировало об уровне советско-китайских отношений в этот период. Частое применение кавычек, пере-

¹ В названии рубрики указывался также текущий год («культурная революция» – 68, «культурная революция» – 69 и т.д.).

носного значения слов, вопросительных форм, иронии – все эти приемы были очень хорошо знакомы читательской аудитории, так как давно использовались журналистами для создания образа враждебного капиталистического мира, полного обманных иллюзий. Стоит отметить, что и регулярные публикации о событиях в Китае в жанре фельетона, когда в сатирической форме изображались перегибы «культурной революции», также усиливали негативный настрой. Данный жанр никогда не использовался для социалистических стран, с которыми у СССР были дружественные отношения.

Ассортимент рассматриваемых в «Литературной газете» тем соответствовал общей информационной линии советских СМИ. Сравнительный анализ материалов советской прессы второй половины 1960-х гг. показывает, что в «Литературной газете» в основном развивались те же сюжеты, что и в других центральных изданиях СССР: культ личности Мао Цзэдуна, отсутствие поддержки партии и правительства со стороны рядового китайского населения, существование серьезной политической оппозиции Мао Цзэдуна в стране, деятельность организаций цзяофаней и хунвейбинов, китайско-американские связи [3]. В основном рассматриваемое издание выделялось не тематикой публикаций, а объемом материала по Китаю, разнообразием используемых жанров и источников информации, богатым фоторядом.

Однако при показе «культурной революции» в «Литературной газете» были и свои темы-лидеры. В частности, разрушение семейных ценностей в китайском обществе, натравливание властями детей на своих родителей, духовное растление молодежи [5, с. 9; 6, с. 15; 10, с. 15 и др.]. Символом этого процесса в публикациях являлись молодые люди, обвинявшие своих родителей в неверном понимании идей культурной революции, подвергавшие их наказанию и заставлявшие публично признавать правильность нового курса партии

[6, с. 15; 9, с. 15]. В публикациях регулярно говорилось о жесткой и мелочной регламентации жизни в Китае. Читателям показывали факты, свидетельствовавшие, что и на работе, и дома китайцы были под постоянным контролем власти, действовали с оглядкой на карательные органы. Большое внимание уделялось отдельным персоналиям, с чьим именем ассоциировалась «культурная революция» – Мао Цзэдуна, его жене Цзян Цин. Газета публиковала объемные разоблачительные статьи с жесткой критикой их деятельности, которая характеризовалась как трагедия для всего государства, преступление против своих граждан. Не оставались незамеченными и нападки китайских руководителей на советскую и мировую литературу [7, с. 9; 8, с. 15].

В течение всего периода «культурной революции», но особенно во второй половине 1960-х гг., в «Литературной газете» создавался образ Китая как страны, в которой царит хаос, насилие, беспредел властей. Согласно публикациям КНР была охвачена массовой истерией, постоянное использование цитатников «великого кормчего» было сродни религиозному фанатизму. Авторы публикаций подчеркивали безумность пропагандируемых идей и насаждаемых норм поведения.

Материалы о насильственном внедрении новых культурных образцов, слепом поклонении председателю КПК и жестоким преследованиях ослушавшихся свидетельствовали о регрессе во всех сферах, включая культуру. Фотографии, которые регулярно размещались на страницах издания, подкрепляли эти представления. Кричащий человек с явно читающейся агрессией (сжатые кулаки, яростная гримаса, замах для удара и т.д.) – самый распространенный визуальный образ в издании – стал символом «культурной революции» в Китае на страницах «Литературной газеты».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галенович Ю.М.* «Культурная революция» в КНР что же это такое было? // Заметки китаевода. – М., 2002. – С. 261–272.
2. *Галенович Ю.М.* Пэн Дэхуай и Мао Цзэдун. Политические лидеры Китая XX века. – М.: Огни, 2005.
3. *Каменская Е.В.* «Культурная революция» в Китае во второй половине 1960-х годов на страницах советской прессы и в восприятии населения // Вестник Пермского университета. – Серия: История. – 2014. – № 4 (27). – С. 159–167.
4. *Кузьмин С.Л.* Скрытый Тибет. История независимости и оккупации. – СПб.: Изд. А. Терентьева, 2010.
5. Литературная газета. – 1967. – 18 окт.
6. Литературная газета. – 1968. – 7 авг.
7. Литературная газета. – 1968. – 21 авг.
8. Литературная газета. – 1968. – 18 сент.
9. Литературная газета. – 1969. – 12 февраля.
10. Литературная газета. – 1969. – 26 февраля.
11. Литературная газета. – 1969. – 19 марта.
12. Литературная газета. – 1969. – 26 марта.
13. Литературная газета. – 1969. – 2 апреля.
14. Литературная газета. – 1969. – 7 мая.
15. *Усов В. Н.* «Культурная революция» в Китае // Китай: история в лицах и событиях. – М., 1991. – С. 157–160.
16. *Усов В.Н.* КНР: От «большого скачка» к «культурной революции»: (1960 – 1966 гг.). – М.: ИДВ РАН, 1998. – Ч. 1, 2.

УДК 009

Е. В. Кизюн

Т. А. Кемерова

Екатеринбург, Россия

КУЛЬТУРНАЯ МИССИЯ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В ХАРБИНЕ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется культурная миссия эмигрантов из России и ее роль в сохранении русских традиций на примере Харбина как центра русской эмиграции на Востоке. Приводятся данные из семейного архива, связанные с жизнью в Китае.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революция, Харбин, традиции, культурная миссия, эмиграция, архив, культурная среда

E. V. Kizyun

T. A. Kemerova

Yekaterinburg, Russia

CULTURAL MISSION OF RUSSIAN EMIGRANTS IN HARBIN

ABSTRACT. The article analyzes the cultural mission of emigrants from Russia, and its role in preserving Russian traditions on the example of Harbin as the center of Russian emigration in the East. Data from the family archive related to life in China are given.

KEYWORDS: Revolution, Harbin, traditions, cultural mission, emigration, archive, cultural environment

В постсоветский период в науке достаточно часто обращаются к опыту русских эмигрантов, уехавших на Запад. Действительно, этот слой высокообразованных интеллектуалов оставил след в философии, в литературе, в искусстве и других сферах. Однако не стоит забывать, что эмигрирующие на Восток также участвовали в сохранении русских традиций, поддержании качественного образования и развитии культурной жизни населения. Справедливость данного утверждения можно показать на примере истории Харбина как центра русской эмиграции на Востоке.

Харбин – город на северо-востоке Китая, основанный в 1898 году русскими строителями и служащими КВЖД. Одна из причин, по которой эмигранты приезжали именно туда, заключалась в том, что эта территория была уже освоена русскими, следовательно, в городе имелся опыт совместного проживания и деятельности двух разных народов. Кроме людей,

имеющих непосредственное отношение к железной дороге, к моменту прибытия эмигрантов из рушащейся империи, здесь находились и жертвы русско-японской войны. Так что Харбин по праву назывался в то время «русским городом». Как пишет В.П. Петров, русско-американский писатель и историк, «русские были хозяевами в полосе отчуждения, и поэтому даже не стремились изучать язык страны, в которой они жили» [6, с. 18]. Революция, падение Империи, провозглашение власти Советов и Гражданская война были толчком для оттока граждан из страны. Прилив беженцев и белогвардейцев в Харбин пришёлся на 1919 год, после отступления армии Колчака в Сибири. Так, русское население Харбина, по данным В.П. Петрова, увеличилось в это время до двухсот тысяч человек [6, с. 21]. К.Е. Ситниченко так описывает состав прибывших из России: «Войска Белой Армии, разбитые большевиками, уходили в Манчжурию. Следом прибывали гражданские лица – дворяне,

чиновники разных рангов, казаки, купцы, интеллигенция и даже крестьяне» [8, с. 227]. Уже в 1920 году русское население в Китае потеряло своё гражданство, т. к. консульство Российской империи прекратило своё существование. После 1922 года, когда Красная армия заняла Владивосток, в Харбин приезжает последняя волна беженцев. Далее, в 1924 году численность населения увеличилось за счёт новых советских специалистов из СССР, ведь теперь на КВЖД могли работать только советские и китайские граждане [9, с. 1]. А после продажи дороги японскому марионеточному государству Маньчжоу-го в 1935 году из Китая в СССР были вывезены тысячи русских харбинцев, многих из которых ожидала ужасная участь в сталинских лагерях. Чистки продолжились и после 1945 года, а к середине 1960-х (в преддверии кровавой «Культурной революции») русского населения в Харбине почти не осталось.

Русская эмиграция на Востоке пережила много нелёгких событий, однако она не отступала от своей миссии: сохранить русскую культуру и традиции и передать их потомкам. Прапрапродственники одного из авторов данной статьи также оказались не в стороне от происходящего: Глушко Фёдор Денисович и Августа Кузминична пешком перешли границу в 1922 году и осели в Чунцине, а после их судьба переплелась с Харбином. Всю свою жизнь они помнили и любили Россию и мечтали вернуться на Родину. Их дети родились уже в Китае, однако гордо называли себя русскими. Так, их опыт подтверждает наблюдение А. Плотниковой, что «носителями культурной памяти становятся уже не обязательно современники тех или иных актуальных событий» [7, с. 323]. Их сын, Пётр Фёдорович, имел трёх дочерей, которые, в свою очередь, воспитывались в русских традициях, хотя и были полностью интегрированы в китайскую культуру (ходили в китайский детский сад, общались с няньками, учителями, любили китайскую еду, свободно говорили по-китайски и т.п.). Их «бабуся» (так они ласково назы-

вали Августу Кузминичну) очень расстраивалась, что девочки мало говорят по-русски, ведь язык по праву считается основой культуры.

Действительно, ещё И.Г. Гердер в 1784 году писал о прочной связи языка и культуры в своём монументальном труде «Идеи к философии истории человечества». Кроме того, как отмечает С. Г. Тер-Минасова, «язык – зеркало культуры, в нем отражается ... общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мир» [10, с. 13]. Так, язык стал одним из главных защитных факторов культуры в русском Зарубежье. Лекции в университетах читались на русском языке, в доме даже «бои» (прислуга) говорили на русском языке; кроме того, выходила специальная русская газета. Всё способствовало тому, чтобы сохранить «русскую речь, великое русское слово» [1].

Русские традиции сберегались и на бытовом уровне. Это проявлялось в обустройстве интерьера и экстерьера дома, приготовлении привычной пищи и пр. Многие окружали себя и памятными вещами, вывезенными из России. Но ещё сильнее были духовные традиции; ведь простительно было иметь у себя дома, например, китайские салфетки с вышитым тигром, а вот не пойти в воскресенье в церковь – серьёзное отклонение от русской культуры. Эмигранты, как и у себя на родине, отмечали Рождество, Пасху и другие церковные праздники. Как говорилось в фильме Н. С. Михалкова «Русские без России», русские семьи снимут с себя последние украшения, но Рождество отпразднуют [3].

В Харбине работало несколько духовных учреждений: Никольский собор, Иверская церковь, Покровская церковь и Софийский собор и ещё около 18 храмов. Вот как пишет К.Е. Ситниченко о роли русской православной церкви: «Православная церковь поддерживала внутреннее душевное настроение человека на чужбине, рассматривая духовную составляющую, осознание Духа внутри себя как ос-

нову христианства» [8, с. 280]. Церковь была не только привычным знаком из прошлого, отражающим важную часть русской культуры, но и опорой для оказавшихся в ситуации глубочайшего кризиса и потерянности. Она объединяла людей разного социального положения и давала надежду. Примечательно то, что родственники автора, будучи верующими людьми, вернувшись на Родину, сохранили свои религиозные убеждения, ведь они играли роль спасательного круга в хаосе исторических событий.

Многие отдавали все свои силы науке, основываясь на базе российского образования, дававшего возможность плодотворно заниматься наукой. Особо славились Политехнический, Педагогический и Коммерческий университеты. Помимо вузов в Харбине функционировали техникумы, гимназии и школы. Уже упомянутый Пётр Фёдорович был младшим сыном в семье, и именно ему выпала честь поехать в Харбин на обучение в Политехническом университете на коммерческом факультете. Затем он преподавал в родном ему городе Чунцине русский язык. Харбинский Политехнический университет до сих пор входит в десятку лучших университетов Китая, и этим он обязан русским профессорам-эмигрантам. Если говорить о науке эмигрантов, то можно выделить «юристов Г. К. Гинс, Н. В. Устрялова, экономистов М. Н. Ершова, Н. И. Морозова, синологов И. С. Баранова, Г. Г. Авенариуса, учёных и исследователей: Э. Э. Энерт, Т. В. Бутова, Б. М. Велимировича, М. К. Гордеева, В. Я. Толмачёва, А. П. Хионина, П. В. Шкуркина и многих других вошли в историю Маньчжурии и Китая» [8, с. 280].

Невозможно не отметить и традиции русской предпринимательской культуры. В то беспокойное время в разрушенной России не было никакой возможности проявить свой талант предпринимателя. Вот как описывает благоприятную для частных дел среду Р.Ф. Пиотровский в фильме «КВЖД 110 лет. Русские в Харбине»: люди начали открывать салоны красоты, курсы изучения иностранных языков,

машинописи и пр. [4] Двери Маньчжурии и Китая были широко открыты людям с деловой хваткой, тому свидетельство знаменитая компания «Чурин и Ко», основанная иркутскими купцами. Она была открыта ещё в 1900 году, а во время русской революции и позднее российские филиалы были уже ликвидированы. Так, на волне эмиграции в Харбин фирме пришлось расширяться в Маньчжурии и вплоть до 1940-х годов (когда в ее деятельность вмешались японцы, а затем и СССР) «Чурин и Ко» пользовались огромной популярностью и славились своим качеством [2].

Но, наверное, одним из ярких проявлений сохранения русского дореволюционного уклада жизни было поддержание культурного уровня в самом городе. Как пишет К.И. Новосельский, «смею утверждать, что ни один собственно российский город не обладал столь высокой концентрацией, интенсивностью и взлетом культуры, которая непрерывно и спокойно развивалась в Харбине на протяжении примерно 40 лет. Пели Нежданова, Лемешев, Обухова, Шаляпин, Вертинский, лучшие голоса Италии. Именно отсюда “есть пошел” джазовый биг-банд Олега Лундстрема. Можно было выбирать между симфоническим и струнным оркестрами и тремя консерваториями» [5, с. 1]. Город даже имел своего русского поэта, А.И. Несмелова, который воспевал Харбин в стихотворениях. Н.С. Михалков в фильме «Русские без России» даёт следующую характеристику культурной среде города: «артисты попадали в мир относительной свободы и изобилия, русский Харбин принимал гостей радушно и даже трепетно» [3]. В Харбине гастролировали и западноевропейские артисты, прибывавшие из европейских центров русской эмиграции.

Следует сказать и о внешнем виде пристанища для эмигрантов. На первый взгляд Харбин можно было принять за обычный уездный русский город. Бурные эмоциональные высказывания по поводу облика города можно найти в романе Евгения Анташкевича «Харбин». Действи-

тельно, построенный русскими Харбин тогда сильно напоминал другие обычные города Российской империи. Свидетельством тому слова К. И. Новосельского: «Большинство зданий в Новом городе и в районе пристани построено по планам русских архитекторов: русские православные церкви <...> и деревянные дома, такие же, как где-нибудь в Омске, создавали впечатление, как будто находишься не в Маньчжурии, а где-нибудь в центре Сибири. Русскими были и реклама, и названия улиц, и говор на улице» [5, с. 1].

Таким образом, русская эмиграция, живя в прошлом как в актуальном настоящем, выполнила свою культурную миссию, а именно: сохранила черты русской дореволюционной культуры в сложный период истории в языке, в образовании, в духовных традициях, в предпринимательской деятельности, в культурной среде и внешнем облике города Харбина. Многие из представителей харбинской диаспоры впоследствии вернулись в Россию и принесли с собой эмигрантскую культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахматова А. А.* Мужество. – URL: <http://www.stihi-rus.ru/1/Ahmatova/76.html>
2. История торговой империи «ЧУРИН И Ко» // Исторический портал города Владивостока и Приморья. – URL: <http://oldvladivostok.ru/articles/?a=259>
3. *Михалков Н.С.* Русские без России. Цикл документальных фильмов. – URL: <http://www.videorusi.ru/publ/10-1-0-400>
4. *Никитина Н.* Русские волны. Авторская программа. – URL: <http://iks2010.info/?p=655>
5. *Новосельский К. И.* Харбин – «Атлантида» русской культуры. – URL: <http://lib.icr.su/node/2439>
6. *Петров В. П.* Город на Сунгари. – Вашингтон: Рус.-амер. ист. об-во, 1984. – 260 с.
7. *Плотникова А. А.* Роль общественных организаций в сохранении культурной памяти (на примере самоорганизации российских немцев) // Культурная память и культурная идентичность: мат-лы Междунар. научн. конф. (XI Колосницынские чтения), 25 марта 2016 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 322–326.
8. *Ситниченко К. Е.* Россия и Китай: культурный диалог (на примере эмиграции «первой волны») // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем: мат-лы Междунар. научн. конф. (IX Колосницынские чтения), 16-17 апр. 2014 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – С. 277–281.
9. Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Кит. Респ. – Пекин: Б. и., 1924.
10. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

УДК 009

М. А. Клинова

г. Екатеринбург, Россия

**ОБРАЗ «ОКТЯБРЯ 1917» НА СТРАНИЦАХ
ЖУРНАЛА «КРОКОДИЛ» 1940-х гг.**

АННОТАЦИЯ. В работе выявлены механизмы и специфика презентации образа Октябрьской революции в текстах и иллюстрациях, помещенных на страницах журнала «Крокодил» 1940х гг. Образ «Октября 1917 г.» являлся своеобразным символом, обладающим смыслом сакрального, эпохального. Данный образ в дискурсе 1940-х гг. фигурировал не только как самостоятельный, но и использовался для построения новых символов, характеризующих внешнеполитические и внутривнутриполитические реалии периода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революция, Октябрь, образ, символ, пропаганда, журнал «Крокодил», СССР.

M. A. Klinova

Yekaterinburg, Russia

**THE IMAGE OF "OCTOBER 1917" ON THE PAGES OF "CROCODIL"
MAGAZINE 1940s**

ABSTRACT. The work reveals the mechanisms and specific features of the presentation of the image of the October Revolution in texts and illustrations, placed on the pages of the magazine "Crocodile" of the 1940s. The image of "October 1917" was a kind of symbol with a sense of sacral, epochal. This image in the discourse of the 1940s. figured not only as an independent, but also used to build new symbols that characterize the foreign policy and internal political realities of the period.

KEYWORDS: revolution, October, image, symbol, propaganda, magazine "Crocodile", USSR

Революция Октября 1917 г. для нашей страны является одним из важнейших событий XX в. На протяжении столетия в отечественном идеологическом и информационном пространстве существовали различные трактовки и оценки октябрьских революционных событий. Через визуальные образы, тексты, кинематографические и литературные произведения в сознании населения формировался образ Октябрьской революции. В данной работе мы попытаемся реконструировать механизмы и специфику презентации образа Октябрьской революции в СССР 1940-х гг., опираясь в качестве источника на тексты и иллюстративные материалы журнала «Крокодил».

Упоминание или описание на страницах «Крокодила» Октябрьской революции реализуется через исключительно положительные коннотации. Октябрь 1917 г.

презентовался как точка отсчета советского государства. В октябрьском номере 1948 г. на страницах «Крокодила» публикуется рассказ о крейсере «Аврора», выстрел которого «возвестил новую эру» [10, с. 8–9]. С показателями 1917 г. сравнивались последующие достижения СССР. На страницах одного из номеров издания 1948 г. приведены иллюстрации, озаглавленные «Из исторического альбома Крокодила», на которых изображены признанные герои (маршал Конев, академик Лысенко), а также территории важных советских экономических объектов, какими они являлись в 1917 г. [10, с. 6–7]. Ежегодно в октябрьских номерах издания подводились определенные итоги развития страны, подчеркивались достижения, их важность для государства [9, с. 1].

В рамках советского идеологического и информационного пространства

образ Октября 1917 г. фигурировал не только как самостоятельный, но и использовался для построения новых символов, а также для конструирования в массовом сознании «правильных» интерпретаций событий 1940-х гг. При контекстуальном взаимодействии с революционной тематикой любое явление действительности осеялось положительным смыслом, трактуясь как оправданное, верное, истинное. В свою очередь, событие, противопоставляемое революционной символике, или интерпретируемое через сочетания с антиреволюционными «буржуазными» символами, в рамках советского дискурса получает ярко выраженную негативную трактовку.

Достаточно востребован образ Октября 1917 г. был во время Великой Отечественной войны. Победоносный символизм Октября используется на плакатных изображениях «Крокодила», призванных поднять боевой дух Красной армии и демонстрирующих военную мощь СССР [2, с. 1]. Праздничная символика Октября также фигурирует на страницах издания, но с учетом специфики военного времени: праздничной иллюминации «во временно оккупированных областях» [5, с. 2], «октябрьских» подарков бойцам Красной армии [4, с. 3], поздравлений с Октябрем [6, с. 1].

Революционная символика применяется и в построении негативных образов, конструируемых с использованием аналогии. В частности, проводятся параллели фашизма с российским царизмом. Ярким примером является иллюстрация «Братья по крови», на которой изображены идущие по рекам крови Гитлер и Николай II [3, с. 16].

В послевоенный период в текстах и иллюстрациях, посвященных Октябрьской революции, рельефно подчеркивалась антикапиталистическая, направленность данного события. Карикатурные изображения представителей капиталистического мира (как собирательных образов, так и достаточно узнаваемых политических деятелей) часто фигурируют на страницах издания в русле «октябрьских» сюжетов. Те-

матика «октября» используется в контексте построения сюжетной антитезы «Мы – они», маркирующей пространство СССР – капиталистический мир. В качестве примера можно привести иллюстрации, посвященные двадцати пятилетию и тридцатилетию Октября, не которых собирательные образы «врагов СССР», сопровождаются фразами «Руки коротки» [5, с. 1] или «тридцать лет назад они ... нас так же пугали, а мы их так же не испугались» [8, с. 1]. В праздничном номере журнала 1945 г. также подчеркивается идея противостояния СССР внешней агрессии: *«Советский народ-победитель празднует день рождения своего государства в мирной обстановке. Молодо советское государство: двадцать девятый год ему пошёл. А какая богатая жизнь им уже прожита! Сколько отсталых государств, сколько гнилых правительств рухнуло за это время! Сколько лопнуло раздувшихся реакционных ничтожеств, потрясавших кулаками перед нашим носом!»* [13, с. 3].

Антитеза «социализм-капитализм» реализуется не только в контексте защиты СССР от «враждебного» западного мира, но и предполагает активную позицию советской страны, успешно борющейся с капитализмом. В этом контексте также используется «октябрьская» символика. В одном из номеров 1948 г. приводится карикатурное изображение «капиталистов», сопровождающееся следующим текстом: *« – Почему мистер Смит утверждает, что ему только тридцать лет, когда ему наверняка все шестьдесят один? – А он считает, что последние тридцать один год ему большевики жить не давали.»* [10, с. 9]. Прием «исторического экскурса» широко используется в сюжетах «Крокодила», посвященных внешнеполитической тематике. В изданиях журнала 1940-х гг. приводятся иллюстрации, на которых изображаются карикатуры «битых» представителей Запада, совершавших «поход против СССР» в период Гражданской войны Интервенции в России [10, с. 10]. В карикатурной манере изображаются «бывшие» на страницах журнала 1940-го г. Фельетон

«Советы путешествуящим» дополнен иллюстрациями под заголовком «Неудачные маршруты», где изображено бегство «белых», отступающих под натиском Красной армии [1, с. 3]. Один из сюжетов, озаглавленный «Уместное напоминание поджигателям войны», сопровождает назидательное высказывание Козьмы Пруtkова: *«Настоящее есть следствие прошлого, а по-сему непрестанно обращай взор свой на зады, чем сбережешь себя от знатных ошибок»* [12, с. 16]. Данная цитата была призвана подчеркнуть бесперспективность любого нападения на СССР.

Интернациональное значение Октября, как символа революционных перемен также подчеркивается на страницах «Крокодила». В октябрьском номере 1948 г. поздравление советских граждан с Октябрем завершается фразой: *«На весь мир сияют праздничные огни Октябрьской годовщины, великий факел свободы, счастья и мира между народами»* [10, с. 2]. В сюжетах «Крокодила» подчеркивается стремление населения западных стран к революционным переменам. Иллюстрация «Слушая Красную площадь», помещенная в октябрьском номере журнала 1948 г., на которой изображены отец с сыном, слушающие радио, сопровождается текстом *«– Настанет день, Джимми, когда и на нашей улице будет такой же праздник!»* [10, с. 11]. В аналогичном интернациональном ракурсе «октябрь» рассматривается в сюжетах, посвященных внешнеполитическим победам социализма. В тридцатом номере 1949 г. помещен сюжет «Светлый путь Октября», где изображения флагов социалистических стран дополнено текстом: *«После 1917 года на карте мира становится все меньше темных пятен»* [11, с. 1]. На последней странице этого номера иллюстрация, где советский и китай-

ский товарищи поздравляют друг друга «С Октябрем» [11, с. 16].

На страницах журнала «Крокодил» 1940-х гг. с использованием октябрьской символики конструируются образы советских экономических реалий. Особенно популярными данные сюжеты становятся в послевоенное время, когда экономика страны нуждалась в восстановлении. На обложке праздничного номера 1946 г. помещена иллюстрация, посвященная варианту «неудачного оформления» ворот завода к Октябрьскому празднику (план выполнен на 60%) и «удачного оформления» (план выполнен на 132 %) [7, с. 1]. В конце 1940-х гг. призывы к выполнению планов, а также отчеты об их выполнении будут неотъемлемыми атрибутами праздничных Октябрьских демонстраций, иллюстрации о которых помещены на страницы «Крокодила». [10, с. 1, 12, с. 1]

Таким образом, предпринятый анализ изданий журнала «Крокодил» 1940-х гг. позволяет прийти к выводу, что образ революции Октября 1917 г., достаточно активно используется в дискурсе периода. В рамках советского информационного пространства события Октября 1917 г. презентовались как веха, обозначающая начало нового исторического периода – советского периода в истории государства. Описание данного события, как правило, реализовывалось в торжественной, высокой стилистике, сопровождаясь иллюстративным рядом, отображающим его «антикапиталистическую» направленность. В то же время, образ Октябрьской революции в дискурсе 1940-х гг. фигурировал не только как самостоятельный, но и использовался для построения новых символов и образов, характеризующих внешнеполитические и внутрисоциальные реалии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крокодил. 1940. № 21. 16 с.
2. Крокодил. 1941. № 28. 16 с.
3. Крокодил. 1941. № 29. 16 с.
4. Крокодил. 1942. № 40. 16 с.
5. Крокодил. 1942. № 41. 16 с.

6. Крокодил. 1944. № 40. 16 с.
7. Крокодил. 1946. № 30. 16 с.
8. Крокодил. 1947. № 30. 16 с.
9. Крокодил. 1948. № 30. 16 с.
10. Крокодил. 1948. № 31. 16 с.
11. Крокодил. 1949. № 30. 16 с.
12. Крокодил. 1949. № 31. 16 с.
13. На мирном положении // Крокодил. 1945. № 34. С. 3.

УДК 009

К. А. Крашенинникова

Екатеринбург, Россия

**РЕВОЛЮЦИЯ ПРОТИВ НЭПА:
БОРЬБА ЗА ТЕАТРАЛЬНУЮ СЦЕНУ
В ЕКАТЕРИНБУРГЕ В 1921-1925 гг.**

АННОТАЦИЯ. 14 марта 1921 года X съездом РКП(б) была принята Новая экономическая политика (НЭП), направленная на возрождение рыночных отношений и частного предпринимательства. Эта экономическая реформа, в частности, затронула сферу искусства, поскольку многие культурные институты были сняты с государственного финансирования. Таким образом, в учреждениях культуры и, в частности, в театральных студиях принцип классовой борьбы начал медленно замещаться борьбой за публику как единственный финансовый источник. Это неизбежно повлияло на репертуар клубов и студий, а также формы культурных практик. Данная статья посвящена конфликту культурных парадигм эпохи НЭПа – социалистической и капиталистической – в театральной жизни Екатеринбурга.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: театр, социалистическая революция, НЭП, агитация, сакрализация

К. А. Krashenninnikova

Yekaterinburg, Russia

**SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATIONS WITHIN THE CONTEXT
OF URBAN STUDIES: SYMBOLIC FUNCTIONS OF URBAN SPACE**

ABSTRACT. On the 14th of March, 1921, the 10th Congress of the Russian Communist Party (Bolsheviks) established the New Economic Policy (NEP) aimed at the re-introduction of market relations and private entrepreneurship. This economic reform had resulted in many changes, influencing the art sphere, among others: many Soviet cultural institutions were denied state financing and left fending for themselves. As a result, cultural institutions – including theatre studios – began to gradually move from the class struggle to the struggle for the audience, which became their only source of income. The substitution of very concrete and financial goals for the lofty ideological projects inevitably changed clubs' and studios' repertoires, as well as various cultural practices. This article explores the conflict between NEP socialist and the capitalist cultural paradigms within the theatrical milieu of Yekaterinburg.

KEYWORDS: theatre, socialist revolution, NEP, agitation, sacralisation

Последствием социально-политических изменений, квинтэссенцией которых являются революции, становятся трансформации городского пространства. Новый уклад жизни, с одной стороны, приводит к модификации комплекса социальных практик, а с другой – к изменению символического контекста их существования. Общим знаменателем этих факторов становится желание порвать с прошлым и зафиксировать этот разрыв, контрапунктировать его всеми средствами. Новые архитектурные формы и пространственные решения входят в их число.

Любая власть нуждается в своих «местах памяти» [5, с. 25–27], что и приводит к созданию новых архитектурных сооружений. Города – хранители истории и культуры, поскольку каждое из строений отражает идеи своей эпохи. В городах «время становится видимым» [10, р. 4], поэтому они, по мнению Л. Мамфорда, являются прекрасным наглядным пособием для изучения истории культуры. Л. Мамфорд называет города музеями, указывая на тот факт, что они являются материальной памятью об истории развития цивилизации и позволяют понять акту-

альные проблемы современности. Мы систематически пытаемся реконструировать настоящее из прошлого и представить само настоящее как историю [6, с. 42]. И все эти попытки невооруженным глазом видны в окружающей нас городской среде.

Сегодня все чаще можно услышать тезис о том, что вследствие развития информационно-коммуникационных технологий положение в географическом пространстве теперь не соотносится с положением в социальном пространстве [1, с. 91], а города теряют свое значение. Однако символическая функция городов не уходит в прошлое. Города, по-прежнему, привлекают людей и новые архитектурные проекты, отражающие их идеи и настроения.

Символом городов XIII века были соборы, в XVI веке их вытеснили дворцы, а в конце XIX века триумфом инженерной мысли становятся небоскребы и подобные им сооружения [10, р. 207, 209]. Смена исторических периодов приводит к необходимости освобождения места для возведения символов новой эпохи. Наполеон III в третьей четверти XIX века поручил барону Ж. Э. Осману реконструировать Париж. Многократный рост населения города, интенсификация перемещений его обитателей требовали создания новой системы улиц, ключевыми характеристиками которых становились прямота и ширина. Помимо задач развития города, в этом нашли выражение и политические интересы — широкие улицы сложнее перегораживать баррикадами, а перемещение по ним войсковых контингентов осуществляется гораздо быстрее. Таким образом, Наполеон III хотел снизить вероятность революционных потрясений, которые для Франции, начиная с 1789 года, стали привычным явлением. Хотя планы развития Парижа разрабатывались предшественниками Ж. Э. Османа на посту префекта города, только он получил все необходимые полномочия для реализации столь масштабного проекта.

Стихийные изменения в городском пространстве Парижа начались после Великой Французской революции, когда го-

рожане разобрали здание тюрьмы Бастилии, которая воспринималась как символ абсолютной монархии (своеобразная ирония судьбы заключалась в том, что проекты сноса Бастилии разрабатывались и до революции, поскольку ее содержание слишком дорого обходилось). Барон Ж. Э. Осман завершил трансформацию городского пространства, придав его ключевым локациям — Елисейскими полям, Площади согласия, Площади звезды и др. современный вид и превратив их в символы столицы Франции, ее подлинные «места памяти».

Создание новых «мест памяти» почти всегда сопровождается разрушением или утратой прежних, Париж в этом смысле не стал исключением. Многие жители Парижа воспринимали происходящее как процесс утраты исторической городской среды, разрушения прошлого. Однако высказывалась и иная точка зрения, согласно которой это был неизбежный прогресс, принесший широкие улицы, канализацию, водопровод и другие блага цивилизации. Современный Париж уже не сожалеет об утраченном средневековом прошлом, своеобразным символом которого можно считать описанные В. Гюго в романе «Собор Парижской богородицы» «дворы чудес» (*cour des miracles*). Миллионы туристов приезжают посмотреть на город, построенный бароном Ж. Э. Османом, в свою очередь, уже ставший историческим наследием. Таким образом, еще в XIX веке была актуализирована проблема демаркации: какие здания представляют собой историческую ценность, а какие могут быть безболезненно снесены.

Строительство Эйфелевой башни также вызвало множество споров. Многие парижане сожалели о безвозвратно испорченном облике города, но со временем она превратилась в его символ. Инженерное сооружение, возведенное к столетию Великой французской революции, смогло стать значимым «образом-воспоминанием», способным объединить городское сообщество [3, с. 471], и даже превратилось в один из символов Сопро-

тивления, поскольку во время пребывания фашистов в Париже лифт Эйфелевой башни не работал, однако, через несколько часов после освобождения города странным образом стал исправен.

Один из наиболее масштабных проектов реконструкции в нашей стране – преобразование Москвы в начале XX века. Санкт-Петербург изначально строился Петром I как столичный город, план которого был четко выверен. Москва на два столетия оказалась предоставлена сама себе и развивалась, напротив, весьма хаотично. Возвращение столицы в Москву в 1918 году привело к необходимости модернизации города.

Городское пространство столицы государства, в котором победу одержал пролетариат, по определению должно было иметь колоссальную символическую нагрузку: «Москва ... должна была стать местом демонстрации достижений нового режима, городом, обитатели которого в повседневной жизни смогут ощутить на себе светлое коммунистическое будущее, а также коммунистической Меккой для зарубежных пилигримов» [2, с. 19]. Москва стала центром революции пролетариата, на которую должны были ориентироваться рабочие других стран. Столица всегда выполняет идеологическую функцию, в СССР она была гипертрофирована: «Преобразуя Москву, большевики конструировали новый фасад своего режима, представлявший их как неоспоримых правителей страны. Их задачей было не только строительство новой советской столицы, но и создание города, который стал бы одновременно символом всей большевистской миссии и будущей мировой столицей» [2, с. 26]. 1920-е и начало 1930-х годов – время градостроительных дебатов и смелых экспериментов. Многие проекты того времени носили ярко выраженный футуристический характер, что некоторые исследователи связывают с ожиданием мировой революции [9, с. 6].

Особый статус города объясняет повышенное внимание к его реконструкции. Из множества градостроительных проектов

необходимо было выбрать тот, который лучше других отражал бы идеологию новой власти. Ле Корбюзье предлагал кардинальную перепланировку, основанную на системе прямоугольников, которая включала в себя даже освобождение Кремля «от некоторых загромождающих и малоценных зданий»; Н. А. Ладовский считал целесообразным развитие города в виде параболы в северо-западном направлении вдоль Ленинградского шоссе, чтобы в конечном итоге Москва соединилась с Ленинградом; Э. Май настаивает на необходимости сохранения радиально-кольцевой структуры города и так далее [9, с. 15–20]. Показательно, что Генеральный план развития города был утвержден лишь в 1935 году, когда наметилось изменение приоритетов: от ожидания мировой революции перешли к построению социализма в одной отдельно взятой стране. Утверждение плана реконструкции Москвы было встречено с восторгом: «Освободившись от ветоши капиталистического наследия, растет и расцветает новая Москва – красная столица Советской страны, где бьется горячее сердце мировой революции, несущей освобождение всему угнетенному человечеству» [9, с. 35]. Естественно, что подобные идеи требовали своего подтверждения в реализации масштабных проектов.

Символы прошлой эпохи должны были освободить место новым. Особое значение имела идея строительства Дворца Советов на месте храма Христа Спасителя: разрушение главной московской церкви – символа победы царизма над Наполеоном – было одним из шагов в процессе удаления символов прошлого из публичного пространства [2, с. 23]. Дворец Советов так и не был построен, но было возведено множество других одиозных архитектурных сооружений.

Советская власть не ставила перед собой цель сохранить какое-либо культурное наследие. Более того, его безжалостно уничтожали. Полемизируя с Ле Корбюзье, М.Я. Гинзбург писал: «Вы превосходнейший хирург современного города... Вы делаете великолепные сады на крышах

многоэтажных домов, желая подарить людям лишнюю толику зелени, вы создаете очаровательные особняки, давая обитателям их идеальные удобства, покой и комфорт. Но все это вы делаете потому, что вы хотите лечить город, пытаетесь его сохранить по существу таким, каким его создал капитализм. Мы здесь, в СССР, находимся в более благоприятных условиях: нас не связывает прошлое... Мы ставим диагноз современному городу. Мы говорим: да, он болен, смертельно болен. Но лечить его мы не хотим. Мы предпочитаем его уничтожить и хотим начать работу над созданием нового вида человеческого расселения, которое было бы лишено внутренних противоречий» [8, с. 11]. Социалистический город должен был предложить своим жителям, преимущественно рабочим, принципиально новые условия жизни. Идеологической основой социалистического городского планирования стал марксистский тезис, согласно которому человек представляет собой «совокупность общественных отношений» [4, с. 19]. Подобная логика рассуждений предполагала, что изменение бытовых условий жизни приведет к изменению самих людей.

Дома-коммуны стали наиболее полным воплощением идеи «обобществления быта» и получили широкое распространение в довоенных советских городах. Они являются наследием предвоенной эпохи и свидетельством социальных и архитектурных экспериментов 1920-30-х годов, напоминающим нам об эпохе конструктивизма с ее идеями. Дома-коммуны занимают промежуточное положение в городском пространстве – с одной стороны, сохранившиеся до наших дней постройки обычно имеют статус памятника архитектуры, как широко известный Дом Наркомфина на Новинском бульваре в Москве, с другой стороны, их состояние обычно настолько плачевное, что для городских властей поддержание таких объектов в жизнеспособном состоянии превращается в такую же проблему, как и капитальный ремонт «хрущевок». Исключения из этого правила редки, одним из них можно считать судьбу

дома-коммуны на улице Орджоникидзе (дом-коммуна Текстильного института), пережившего девятилетнюю реконструкцию, которая успешно завершилась в 2016 году. Неоднозначное отношение к тому историческому периоду, символом которого являются дома-коммуны, усугубляет двойственность их статуса – они являются свидетелями и памятниками слишком неудобного для многих прошлого, и это обстоятельство ставит их существование под угрозу.

Стандарты жилищного строительства, однако, кардинально пересматриваются после прихода к власти нового политического лидера – Н. С. Хрущева: он предлагает другую идею – отдельная квартира для каждой семьи вместо коммунального быта. И начинается стремительное возведение новых кварталов. Строительство однотипных домов стоило относительно дешево, и позволило в короткие сроки обеспечить множество семей малогабаритными, но отдельными квартирами. Произошло формирование новой городской культуры, основанной на принципе «минимума жизни», в первую очередь, на «минимуме пространства» [10, р. 179]. Эти дома, известные как «хрущевки» сейчас никто не воспринимает как историческую городскую среду, а скорее, наоборот, они превратились в проблему, доставшуюся в наследство нынешним поколениям. Московские власти, например, заявили о желании снести в городе все жилые дома, построенные при Н. С. Хрущеве.

Освобождение от прошлого в городском пространстве может принести немалую выгоду. К сожалению, безжалостное уничтожение архитектурных объектов, имеющих историческую ценность, стало символом постсоветской реконструкции и уже привычным явлением: «Сегодня руины создаются за одну ночь, при поддержке ОМОНа и в соответствии с кулуарно принятым решением, – и также стремительно исчезают. Понятно, что здесь я говорю лишь о кучах строительного мусора, которые быстро уберут, чтобы начать строить жилую высотку или торговый центр, кото-

рые в свою очередь тоже могут застыть незавершенными заложниками капризов финансовой фортуны» [7, с. 176]. Облик города приносится в жертву экономическим интересам. Оправдать свои действия можно, принизив значение, например, советской эпохи. Сталинская Москва не рассматривается как историческая городская среда, поэтому вполне возможно ее разрушение. Например, возведение бывшего офиса компании «Трансаэро» около станции метро «Парк культуры» дисгармонизирует с окружающей средой. Но если ее не воспринимать как ценность, то и проблемы здесь нет. Получается, что неоднозначное отношение к истории удобно, а порой и выгодно.

Наиболее серьезную смысловую нагрузку несут архитектурные сооружения столичных городов, в политико-культурном пространстве которых власть старается оставить долгую память о себе. Именно столица, как правило, становится

полигоном для апробирования архитектурных инноваций, в том или ином виде воспринимаемых затем в других городах. При этом, необходимо отметить, что чрезвычайно редкими являются случаи, когда города представляют собой единый целостный архитектурный ансамбль. Как правило, нечто подобное можно увидеть в новых городах, которые возводятся по определенному плану, однако это является характеристикой лишь раннего этапа их существования. Планы масштабных реконструкций далеко не всегда реализуются в полной мере, и современные города, особенно, большие, в значительной степени представляют собой совмещение множества идей и проектов, приходивших на смену друг другу. Смешение архитектурных стилей и символических реальностей зримо отражает разные эпохи в истории города, которые пересекаются и накладываются друг на друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемова Т. С.* Понятие «доступ» в социологической теории Дж. Рифкина // Социология. – 2012. – №3. – С. 84–96.
2. *Берендс Я. К.* Строительство новой Москвы: меняющийся символ советской модерности // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 3 (133). – С. 18–29.
3. *Васильев А.* *Memory studies*: единство парадигмы – многообразие объектов // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 5 (117). – С. 461–480.
4. *Меерович М. Г.* Административно-хозяйственное районирование страны в 1920-1930-х годах – основа градостроительной политики советского государства // Советское градостроительство 1920-1930-х годов: Новые исследования и материалы. – М., 2010. – С. 8–29.
5. *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / под ред. П. Нора. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – 328 с.
6. *Полякова Н. Л.* Методологическая саморефлексия социологии в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в.: «спор о позитивизме» // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2012. – № 4. – С. 24–53.
7. *Трубина Е. Г.* Примиряясь с упадком: руины 2.0 // Неприкосновенный запас. – 2013. – № 3 (89). – С. 175–194.
8. *Ушакин С. А.* Отстраивая историю: советское прошлое сегодня // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 6 (80). – С. 10–16.
9. *Чекмарев В. М.* Сталинская Москва: становление градостроительной темы «мировой коммунистической столицы». – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 80 с.
10. *Mumford, L.* *The Culture of Cities*. – San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. – 586 p.

УДК 304.2

И. Р. Либина

Е. И. Рабинович

г. Екатеринбург, Россия

«РЕГГЕЙ НА ГРЯЗНОМ СНЕГУ»: КУЛЬТУРА РАСТАФАРИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

АННОТАЦИЯ. Рассматривается культура растафари как реакция на социально-экономический кризис в Ямайке конца 1930-х гг. Выявляется роль общественного деятеля Маркуса Гарви в качестве «пророка» растафарианства. Проводится параллель с ситуацией в России 1990-х гг., когда, в результате слома советской системы и последующего за ним кризиса идентичности, возникла российская субкультура растафари.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: растафари, социально-экономический кризис, культурная идентичность, новая религиозность, раста, реггей

I. R. Libina

E. I. Rabinovich

Yekaterinburg, Russia

«I AM DANCING REGGAE ON THE DIRTY SNOW»: RASTA IN POST-SOVIET RUSSIA

ABSTRACT. In this article rastafari culture is ranked as a response to the socioeconomic crisis in Jamaica in the late 1930s. The public man Marcus Garvey is viewed as a prophet of Rastafari. The situation in Jamaica in 1930s is compared to the one in Russia in 1990s. As a result of the crush of soviet system and the crisis of identity rastafari culture has grown up.

KEYWORDS: rastafari as culture, socioeconomic crisis, cultural identity, new religiosity, rasta, reggae

Условно культура растафари представляет собой сумму продуктов материальной и духовной деятельности последователей религиозно-философского учения, возникшего на Ямайке в 1930-х годах. Рассмотрим некоторые социально-экономические предпосылки возникновения этой культуры.

К 1930-ым годам экономика Ямайки оказалась в кризисе, вызванном последствиями «великой депрессии», стагнацией банановой промышленности из-за «панамской болезни», падением мировых цен на сахар, растущей безработицей, свертыванием возможностей эмиграции, быстрым ростом населения [2]. Поскольку банановая и сахарная промышленность составляли основу экономики Ямайки, кризисные явления в этих сегментах определяли экономическую ситуацию острова. Ситуация

усугублялась и тем, что фактически до 1962 года Ямайка является колониальным владением Великобритании. Один из крупнейших исследователей культуры растафари Л. Барретт отмечает, что: «каждый аспект жизни ямайского общества контролировался европейцами. На тот момент для жителей Ямайки представлялось почти невозможным улучшить свое положение» [1].

Кажущиеся неразрешимыми социально-экономические проблемы создали благоприятную почву для возникновения культа, который должен был объяснить причины социального неравенства, угнетения, нищеты и т.д. В подобной ситуации ямайское общество нуждалось в харизматичных лидерах, которые могли бы воодушевить народ и показать пути выхода из кризиса. Такими лидерами стали обще-

ственные деятели Маркус Гарви и Леонард П. Хоуэлл. Первый из них стал фактическим пророком нового культа: «во-первых, он хотел создать всемирное братство представителей негроидной расы; во-вторых, он мечтал увидеть развитие Африки от отсталого и колониального континента к самодостаточному «гиганту» <...> в-третьих, он хотел видеть в Африке место, в которое любой чернокожий человек может вернуться» [1]. В условиях кризиса, проповеди М. Гарви помогали сформировать новую, более привлекательную идентичность. Осознание того, что ты не одинок в этом мире, что где-то есть твой настоящий Дом, позволяло поверить в свои силы и уникальность. Дж. Оуэнс говорил о М. Гарви: «Гарви активировал подсознательные, подавленные желания чернокожих людей. Подобным образом Раства активировала подсознание чернокожего населения Ямайки» [3].

Религиозно-философское учение, ставшее ответом на кризис 1920–30-х годов, со временем отливается в форму новую идентичность – культуру растафари. Последователь нового учения был уже не бедным ямайцем из Настоящего, но еще не африканцем мира Будущего. Творческий потенциал такого промежуточного положения стал почвой для развития огромного количества идей, которые были нацелены на движение к духовному совершенству, оказывая активное сопротивление деструктивным реалиям жизни. Идеологическим фундаментом этих идей стало инспирированное М. Гарви движение «Назад в Африку», которое подразумевало не столько физическое переселение, сколько воссоздание африканской идентичности. Л. Барретт отмечает, что: «философия М. Гарви "Африка для африканцев – дома и за границей" была использована различными движениями чернокожих после его смерти. Среди Растафари распространено мнение, что <...> М. Гарви сказал: "Устремляйте свой взор к Африке, к коронации Чернокожего Короля, он будет Спасителем". Для Растафари этим королем стал Хайле Селассие» [1].

Известие о том, что скоро на другом континенте появится персонифицированный Живой Бог, который всех спасет, вызвала мощный эмоциональный отклик. Впрочем, сам М. Гарви, вероятно, не имеет отношения к этому пророчеству. Н. А. Соновский отмечает, что «легендарная фраза о единении чёрной расы вокруг будущего могучего императора ему приписывается. Мало того, невольно став основоположником культа, сам Гарви к нему относился неприязненно» [7]. Возможно, недовольство Гарви было вызвано крахом надежды занять африканский трон (известно, что он придумал для себе титул «Временного императора Африки» [1]). Впрочем, в культуре растафари М. Гарви и сегодня считается пророком.

Интересную параллель можно провести между Ямайкой позднеколониального периода и российской культурой 1980–1990-х годов. После распада СССР, подобно ситуации, сложившейся на Ямайке в 1930-е годы, остро возникла потребность в конструировании новой идентичности. Культура растафари выступила здесь одной из самых экзотических моделей для сборки.

Растафарианство проникает в позднесоветский культурный ландшафт через музыку реггей. Достаточно скоро период простого потребления переходит в творчество, рождая самобытное направление – русскоязычную музыку реггей. Вероятно, первооткрывателем реггей в музыкальной среде стала группа «Аквариум» (песни «Единственный дом (Джа даст нам всё)», «Река», «Рутман» с «Синего Альбома» 1981 года). Первой культовой реггей-группой стал «Комитет Охраны Тепла». Рок-музыкант А. Паршиков так охарактеризовал песни лидера «Комитета охраны тепла» Сергея Белоусова («Олди»): «в опусах Олди в единое целое сплелись мрачные напевы наших северных широт, тюремные прихваты, и безнадега. <...> Трагизм ситуации Олди: душа его тянется к сказочной Ямайке, но кругом «красные волки», «серые крысы» и Суровая северная страна.

Поэтому ему приходится танцевать «реггей на грязном снегу» [6].

Немного странное заимствование нуждается в дешифровке. Чем антиколониальное музыкальное направление могло привлечь советских людей? Вероятно, тем, что произошла любопытная инверсия и реггей прочитывался как музыка «советских негров». Удушающая атмосфера времен заката СССР, провоцировала специфические ассоциации. Советский человек – это белый негр. Коммунистическая партия – локальная версия колонизатора. Характерно, что русскоязычный реггей в его наиболее интересных ранних вариантах 1980-х годов создается именно на колониальной советской периферии: «Комитет охраны тепла» в Калининграде, эксперименты на стыке реггей и панка Егора Летова в Омске, «сибирской колонии» (проект «Посев» – предтеча «Гражданской обороны»). Фактически, это позволяет сделать отечественную музыку реггей 1980–90-х годов объектом постколониальных исследований. Мрачный, жесткий позднесоветский реггей, чем дальше к востоку страны, тем больше переходящих в панк, вполне вписывается в европейское восприятие стиля, как и всей культуры растафари. Так Джонни Роттен («Sex Pistols») говорил о панке как «реггей белых людей». Многие молодые англичане конца 1970-х как и молодежь советского Омска прочитывали се-

бя как «белых негров». Ситуация усугублялась климатом – желание вернуться назад, на африканскую прародину, в февральской Западной Сибири приобретает большую остроту, чем в Манчестере. Особую прелесть позднесоветской культуре растафари добавляла связь церковей – эфиопская православная церковь догматически дружелюбна русской.

Любопытны и аналогии между дальнейшей трансформацией культуры растафари в ямайском обществе 1970-х и российском 2000-х: религиозное, предельно идеологизированное растафарианство стало превращаться в субкультуру с доминантным вниманием к внешним атрибутам. В одном из интервью Олди говорил об этом так: «Я сразу предсказывал, что из этой чистой культуры, которая от сердца идет, сделают конфетку. Суть утеряна. Истинные растаманы – люди божественные. <...> Быть растаманом, это не развлечение, это тяжелая-тяжелая работа. Косички – это косичкам, а Богу – Богово» [5]. Фактически, подобно М. Гарви, отказавшегося от титула «пророка растафарианства», Олди испытал глубокое разочарование, считая, что растафарианство превратилось в заплетание дредов, курение марихуаны и использование цветовой символики эфиопского флага (красный, желтый, зеленый) в качестве деталей стиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barrett, L. The Rastafarians: the dreadlocks of Jamaica. – URL: <https://archive.org/details/rastafariansdrea00barr> (дата обращения: 10.03.2018).
2. Jamaica information service. – URL: <http://jis.gov.jm/information/jamaican-history/>
3. Owens, D. Dread: The Rastafarians of Jamaica. – URL: <https://archive.org/details/dreadrastafarian00owen> (дата обращения: 10.03.2018).
4. Новый солдат покинул свой пост. – URL: https://www.gazeta.ru/culture/2010/11/08/a_3435479.shtml
5. Олди. Быть растаманом – не развлечение, а тяжелая-тяжелая работа. – URL: https://vk.com/komitetohtoranitepla?z=video-13725717_456239021%2F188f3e00a763f7e6c1%2Fpl_wall_-13725717
6. Паршиков А. Реггей на грязном снегу: о трибьоте Олди. – URL: <http://www.siapress.ru/blogs/27142>
7. Сосновский Н. А. Культура растафари. – URL: http://www.libros.am/book/read/id/164905/slug/kultura-rastafari-1#n_200

УДК 009

С. Н. Оводова

г. Омск, Россия

СОВЕТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ И ТЕЛЕСНЫЙ КОЛЛЕКТИВИЗМ: ПРАКТИКИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается, как трансформировались телесные повседневные практики в период становления советского социалистического общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: тело, культура, модерн, повседневность

S. N. Ovodova

Omsk, Russia

SOVIET SOCIALISM AND THE COLLECTIVISM OF BODIES: TRANSFORMATIVE PRACTICES OF EVERYDAY LIFE

ABSTRACT. The article examines the ways in which everyday body practices were transformed during the formation of the Soviet socialist society.

KEYWORDS: body, culture, modernity, everyday life

Культурные революции нельзя рассматривать в отрыве от антропологических координат и социальных практик, которые видоизменяются вслед за трансформацией культуры. Мы предлагаем рассмотреть, как создание советского социалистического общества трансформировало повседневные телесные практики, как идеологические установки находили свое воплощение в создаваемых на тот момент шаблонах повседневного телесного поведения.

Л.А. Закс точно определил бытийное единство культурного, социального и антропологического, указав на их взаимообусловленную связь: «Общество как социокультурная система, социокультурный (а с учетом человека-индивида как самостоятельной его “единицы” – антропосоциокультурный) мир и его конкретные составляющие, их рождение, существование и развитие выступают общим объектом всех социально-гуманитарных наук» [1, с. 305], «границ взаимоотношений социального и культурного осуществляются в рамках... их *бытийного единства*, образующего сложноорганизованное целостное искусственного (надприродного) происхождения “тело”, в котором только концептуальное абстрактное мышление может

выделить и проследить специфические свойства и закономерности (“логику”, как уже говорилось) каждого из основополагающих начал-аспектов единого целого социума» [1, с. 305]. Приближаясь к пониманию проекта модерна как особого антропосоциокультурного проекта, мы будем апеллировать и к культуре, и к социальным практикам, и к доминирующим антропологическим проектам.

В советский период конструировался новый человек, призванный трудиться во имя новых идеалов и, следовательно, быть носителем новых ценностей. Формирование массового советского человека сопровождалось созданием новых норм повседневности, которые касались жилья, питания, одежды, отдыха, праздника, физического воспитания, массового образования и т. п.

Механизмы создания институтов общепита и перепрограммирования жилищных условий подробно описаны в книге Н. Лебиной «Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю»: «Первой и главенствующей стала мысль о том, что нового человека невозможно сформировать в условиях старых архитектурных про-

странств, то есть в зданиях привычной планировки» [2, с. 78]; «Дома-коммуны должны были воплотить в жизнь идею коллективного жилищного быта, необходимой для формирования «коммунальных тел» [2, с. 78]. Пространственно-предметная среда влияет на человека, организуя его повседневное бытие. Цвет, форма, принцип комбинации вещей не просто создают определенное психологическое состояние человека, но и преобразуют социальную реальность, оказывают влияние на формирование культуры. Спроектированная среда содержит в неявном виде модели поведения, способы бытия человека. Наличие стульев и стола предполагает определенные позы и принципы размещения человека в пространстве, что влияет на характер коммуникации. Пространственно-предметная среда задает поведенческие координаты. Уплотненные жилищные условия советского периода, предполагающие сокращение личного домашнего пространства советского человека, призваны были объединить разрозненные индивидуальности в единый коллектив. Предметы домашнего обихода, спроектированные ВХЕТЕМАС (ВХУТЕИН), например, такие как диван-кровать, раскладные кресла, тумбочки, трансформирующиеся в большие раздвижные столы, и т. п., демонстрировали вынужденную рационализацию обустройства жилища. Совмещение нескольких функций в одном предмете мебели, – ответ на объединение функциональных зон (зона сна, рабочая зона, досуга) в жилом помещении, обусловленное сокращением жилых метров. Общежития-коммуны, фабрики-кухни, пространственно-предметные интерьерные решения представляли собой рационализацию повседневности, где все старались распланировать, где жизнь отдельного человека подчинялась ритму единого коллективного тела. Общепит 1920-х был призван не только распределить имеющиеся продукты питания между гражданами, но и сформировать привычку коллективного времяпрепровождения, выработать единые вкусовые привычки.

Дизайн предметов массового потребления, неважно, будет ли это дизайн одежды, дизайн среды или дизайн массового праздника, создает социальную реальность. Техническое и художественное преобразование предметной среды влечет за собой формирование новых телесных практик, новых принципов коммуникации, новых способов объединения людей. Человечество издревле переустраивает окружающий мир под свои нужды. Человек культурный живет в искусственной среде, в ходе окультуривания окружающей реальности человечество выкристаллизовывало себя как новый тип, отличающийся иными способами и принципами общности, и этот процесс не завершен.

Советский период отличается формированием новых телесных практик. Типизация, коллективизация, публичность и рационализация – это те координаты, в соответствии с которыми перестраивалось повседневное пространство советского человека. Планирование повседневности было частью задачи по созданию нового советского пролетарского коллективизма. Проникновение идеологической машины на уровень повседневности демонстрирует рациональный характер управленческих решений советской власти.

Культ разума характерен для тоталитарных режимов, презентующих миру свою разумность и целесообразность. Рациональность тоталитаризма проявляется в подчинении личного и временного – всеобщему и вечному, позволяет достигать «великих» целей, вырваться в авангард мировой истории. Необходимость придерживаться выбранного политического курса аргументировалась формулой «это разумно». Отказ от религии, создание коллективных хозяйств, покорение космоса, проекты по повороту рек, изменению климата в СССР – все это обосновывалось как разумное поведение, а следовательно, самое достойное. Отличает тоталитарное государство монополизация процесса принятия решений, планирование экономики, управление и контролирование всех сфер дея-

тельности, одним словом, воплощенная рациональность.

Именно в модерне появляются изобретения, упрощающие и одновременно ускоряющие жизнь человека, что приводит к усложнению и большей технократизации культурной среды, увеличению ее искусственности. Однако наряду с упрощением жизни человека искусственность культурной реальности повышалась, что привело к максимальному ее уподоблению рационализированному механизму. В модерне возникает феномен тотальной мобилизации, направленный на реализацию мегапроектов модерна, которые требовали от человека усилий, во многом превосходящих возможности человеческой природы. В модерне человек должен работать на достижение сверхцели, которая невоплотима в пределах его жизни. Великие проекты модерна СССР и США находятся за гранью как жизненного пути, так и усилий отдельно взятого конкретного человека. Идея доминирующей мировой системы, великих прорывов в науке, производстве, культуре, покорение космоса, успешная жизнь по образу американской мечты – все эти проекты рассчитаны на сверхрациональное расходование сил и времени человека.

Однако, несмотря на то что сверхцели советского проекта были недостижимы, пролетарский коллективизм формиро-

вался посредством повседневных практик. Концепт социализма получил свое коллективное тело, визуализация которого наиболее явной становилась в техниках массовой работы с телом. Шествия, физкультурпарады, массовые праздники – формирование коллективного тела осуществлялось и в праздничное время: «просто заниматься физическими упражнениями людям круга Луначарского – мечтателям и строителям новой жизни – казалось недостаточным. Физкультура должна была стать частью театрального представления, а театр – использовать возможности физкультуры. Из этого составлялось “массовое действо”, и физкультурный парад, как оказалось, вполне мог стать одной из его разновидностей» [3]. Эти практики работы с массами можно охарактеризовать как реальное визуально-физическое воплощение воображаемого социалистического сообщества. Если в организованной повседневности единство пролетарского коллективного тела могло быть неявным, то в массовых мероприятиях оно визуализировалось. Идеологическая сила массовых мероприятий заключалась также в том, что демонстрировалось согласованно действующее и управляемое невидимой рациональной силой коллективное тело советского социализма, формирование которого происходило в повседневности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Закс Л. А.* Общество в культурологическом дискурсе: к проблеме «культурное vs социальное», или культурология vs социология // Уральская философская школа: 50 лет – 50 имен. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та управления – филиала РАНХиГС, 2016. – С. 294–309.
2. *Лебина Н. Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 488 с.
3. *Сироткина И.* «Театр коллективного энтузиазма»: Мейерхольд, Подвойский и рождение жанра физкультурпарад // Теория моды. – 2014. – № 33. – URL: <http://www.nlobooks.ru/node/5356>

УДК 76.01

О. В. Пермякова

г. Екатеринбург, Россия

**ОТ ЧАСТНОГО К ВСЕОБЩЕМУ. ПРЕДПОСЫЛКИ
ФОРМИРОВАНИЯ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ
ПЕЧАТНОЙ ГРАФИКИ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ**

АННОТАЦИЯ. В центре внимания – произведения зарубежной печатной графики из собрания Екатеринбургского музея изобразительных искусств, ставшие музейными экспонатами в первые десятилетия XX века. Прослеживается история бытования предметов до поступления в фонды Свердловской картинной галереи (первоначальное название Екатеринбургского музея изобразительных искусств). Анализируются сведения из инвентарной книги Художественного отдела музея Уральского Общества любителей естествознания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коллекция, печатная графика, гравюра, коллекционирование на Урале, УОЛЕ, музейная коллекция, Екатеринбургский музей изобразительных искусств

O. V. Permyakova

Yekaterinburg, Russia

**FROM THE PARTICULAR TO THE UNIVERSAL. PRECONDITIONS
OR DEVELOPING MUSEUM COLLECTIONS OF PRINTED
GRAPHICS IN YEKATERINBURG**

ABSTRACT. The article focuses on the works of foreign printed graphical art stored in the collection of Yekaterinburg Museum of Fine Arts, which became a part of museum collection in the first decades of the twentieth century. It traces the history of these objects before they became a part of Sverdlovsk Picture Gallery collection (the first name of the Yekaterinburg Museum of Fine Arts). We analyse the data stored in the inventory register of the Art Department of the Ural Society of Natural History Enthusiasts.

KEYWORDS: collection, printed graphics, engraving, collecting in Ural, Ural Society of Natural History Enthusiasts (UOLE), museum collection, Yekaterinburg Museum of Fine Arts

На сегодняшний день в собрании Екатеринбургского музея изобразительных искусств хранится несколько десятков листов зарубежной печатной графики, датируемых XVII–XIX веками. Для регионального музея подобная коллекция является достаточно крупной. Будучи сформированной в отдалении от центральных регионов страны, где практика коллекционирования гравюр и литографий имела более значительные масштабы, она позволяет предполагать существование определенного интереса к собиранию печатной графики на Среднем Урале в конце XIX – первой трети XX века. В настоящем исследовании

впервые сделана попытка систематизации и анализа имеющихся сведений.

Печатная графика, представляющая несколько европейских школ, поступила в собрание Свердловской картинной галереи (первоначальное название музея) в момент ее основания – 1 апреля 1936 года. Произведения были переданы в числе других имеющих художественное значение из Свердловского краеведческого музея. К моменту передачи это была уже оформившаяся группа работ, включавшая в себя более 200 листов.

В свою очередь, Свердловский краеведческий музей был «преемником» крупнейшего по тем временам музея

Уральского Общества любителей естествознания, основанного в Екатеринбурге еще в 1871 году. История УОЛЕ, его состав, деятельность его членов и коллекции музея рассматривались в нескольких значительных исследованиях Л. Зориной [2], Д. Владимирского, М. Русиновой [5] и др.

Как отмечают исследователи, образование УОЛЕ было не случайным, а вполне закономерным событием. Судя по отчетам деятельности его музея, представленным в «Записках УОЛЕ», наиболее активно формировались следующие коллекции: археологическая, зоологическая, ботаническая, минералогическая, палеонтологическая, нумизматическая. По замечанию А. А. Ваганова, «определение научной ценности предметов в музее УОЛЕ проводилось в основном членами общества» [1, с. 22], специалистами в соответствующих областях. Комплектование же художественных коллекций не было приоритетом для членов общества.

На сегодняшний день основными документами, отражающими состав коллекций музея, являются инвентарные книги. Живопись, графика, икона и другие предметы, имеющие художественную ценность, значатся в Инвентарных книгах Художественного отдела музея УОЛЕ.

Гравюры и литографии европейских мастеров приведены в инвентарной книге № 1 «Художественного 11-го отдела музея Уральского общества любителей естествознания».

На форзаце книги помещено Распоряжение директора облмузея¹ Щепкина «№ 36 от 10 апреля 1937 года», сообщающее, что «Начатая согласно приказа от 21/XI-1934 года сплошная проверка экспонатов Музея в основном закончена ... считать инвентарные книги и книгу поступления с 1935 года основными документами при дальнейшей проверке наличия экспонатов».

¹ Музей УОЛЕ в 1925 году был выделен из состава общества и получил новый статус – Уральского областного государственного музея (Облгосмузей).

Полнота сведений, приводимых в данной инвентарной книге, различна. У одних произведений указаны автор, год создания, имя дарителя, размеры. Напротив других экспонатов – много пробелов. Гравюры и литографии появляются на страницах книги несколько раз.

Первые записи в книге относятся к 1919 году, однако с третьего листа какие-либо указания на год поступления отсутствуют, что на данный момент не позволяет сделать выводы о времени поступления гравюр в музей.

В графе «Кем определено» указано: «Х. Зарецкий» (либо «х. Зарецкий»). Упоминание о «художнике Зарецком» удалось найти в обзоре выпусков газеты «Уральский рабочий» за апрель 1926 года, где шла речь «об уникальной художественной находке» в Кыштымском районе: «Вернулись из поездки в Кыштымский район заместитель директора Уралоблгосмузея т. Хандрос и художник Зарецкий. Приехавшие привезли с собой картину, которая, по определению художника Зарецкого, принадлежит кисти знаменитого голландского художника Ван Дейка...» [3]. Здесь же автор обзора В. Костюк упоминает должность Зарецкого – «зав. художественным отделом облгосмузея».

Все записи в инвентарной книге сделаны от руки, на полях – многочисленные пометы, выполненные красным и синим карандашами. На обороте гравюр и литографий, хранящихся ныне в Екатеринбургском музее, встречаются номера, написанные от руки подобным красным карандашом. Вероятно, эти отметки были сделаны в результате сверки наличия экспонатов, о которой шла речь в распоряжении.

При сопоставлении чисел на обороте листов с порядковыми номерами инвентарной книги в большинстве случаев обнаруживается соответствие в названиях указанных произведений.

Однако некоторые листы с большим порядковым номером, помимо записей, выполненных от руки, содержат на обороте штампы, в которых фигурирует 1910

год поступления в музей. Таким образом, очередность порядковых номеров, приведенных в инвентарной книге, все же не соответствует очередности поступления экспонатов в сам музей.

В целом гравюры и литографии, хранящиеся в ЕМИИ, подчиняются систематизации по жанрам. Так, можно выделить сцены из Ветхого и Нового Заветов, образцы орнамента и костюмов разных народностей, аллегорические изображения, мифологические сюжеты, пейзажи, портреты, архитектурные мотивы, бытовые сцены. Очевидно, что ряд листов представляют серии: иллюстрации к «Фаусту» И. Гете, листы с образцами костюмов сибирских народностей и костюмов русского духовенства и др.

Кем и когда были собраны эти произведения, еще предстоит выяснить, однако очевидно, что в 1920-е годы они входили в состав художественной коллекции Уральского областного государственного музея.

Интересные сведения, касающиеся истории музейного дела Среднего Урала в первые послереволюционные годы, приводит Е. К. Леденцова в своем исследовании. В частности, она отмечает, что после «1917 г. УОЛЕ активно участвовало в деле сохранения культурного наследия: в 1919 году была создана Комиссия по охране научных и художественных ценностей, которая за два месяца своей работы собрала значительное количество разнообразных коллекций» [4, с. 196-197]. В дальнейшем, 1 июня 1920 года, в Екатеринбурге был

создан окружной отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины, согласно постановлению которого «все ценности, находящиеся в Екатеринбурге и губернии (как в частных руках, так и в учреждениях), принимались на учет» [4, с. 192].

Важно понимать, что в первые послереволюционные годы «культурное наследие было сохранено музеями и краеведами» [4, с. 199].

Как общественная организация УОЛЕ официально прекратило свое существование в 1929 году [5, с. 83]. Однако музей продолжил свою деятельность. В 1934 году Уральский областной государственный музей был переименован в Свердловский областной краеведческий, а в 1936 году на базе Художественного отдела была основана Свердловская картинная галерея.

Таким образом, гравюры и литографии, вошедшие в 1936 году в собрание Свердловской картинной галереи, долгое время являлись частью художественной коллекции музея УОЛЕ, формирование которой происходило на протяжении нескольких лет существования музея и Общества. Послереволюционный период был отмечен необычайным оживлением художественной жизни. Активная деятельность краеведов по комплектованию и обработке музейных коллекций позволила сохранить культурное наследие частных коллекций. Углубиться в вопрос частного коллекционирования печатной графики на Урале позволяют дальнейшие исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ваганов А. А. Становление и развитие музеев на Урале во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2015. – 30 с.
2. Зорина Л. И. История Уральского Общества любителей естествознания, 1870-1929. Из истории науки и культуры Урала. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1996. – 207 с.
3. Костюк В. До могилы «дедушки Ленина»... // «Уральский рабочий», 15 ноября 2016. – URL: <http://газета-уральский-рабочий.рф/society/22048/>
4. Леденцова Е. К. Формирование музейной сети на Среднем Урале в 1917–1929 гг. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2010. – № 1 (72). – С. 190–200. – URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/>

5. *Русинова М. П.* Основные этапы становления Уральского общества любителей естествознания // Педагогическое образование в России. – 2010. – № 3. – С. 79–84. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-stanovleniya-uralskogo-obschestva-lyubiteley-estestvoznaniya>

УДК 009

К. А. Подойникова

Нижняя Синячиха, Россия

**«СЛЕДЫ» СОВЕТИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ
НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются «следы» советизма в отечественной культуре на примере современной уральской деревни. Под метафорой «следы» в данном контексте понимаются черты советизма, встречающиеся в культуре повседневности жителя постсоветского деревенского пространства. На основе полевых исследований, проведенных в ряде населенных пунктов Алапаевского района, дается оценка влияния советизма на современную культуру сельской среды.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: следы, советизм, советское, современная деревенская культура

К. A. Podoynikova

Nizhnyaya Sinyachikha, Russia

**«TRACES» OF SOVETISM IN RUSSIAN CULTURE:
THE CASE STUDY OF CONTEMPORARY URAL VILLAGE**

ABSTRACT. The article explores the “traces” of sovietism in Russian culture, based on the example of contemporary Ural village. The “environment” metaphor means in the context the aspects of sovietism incorporated into the everyday culture of a post-Soviet rural resident. Based on the field studies conducted in several villages of Alapayevsk region, we evaluate the influence of sovietism on the contemporary rural culture.

KEYWORDS: traces, sovietism, soviet, contemporary rural culture

Споры о судьбе российского государства, путях его развития, политических курсах, взятых руководством, сегодня столь же актуальны, как сто и двести лет назад. Охват аудиторий, в которых ведутся подобные разговоры, довольно широк – от публичных выступлений различных политических деятелей на телевидении до «кухонных» бесед в домашней обстановке. Конечно, ни одна широко- и узкоформатная дискуссия о судьбе России не обходится без упоминания о ее историческом наследии. Особенно резонирует эта тема в год столетия революций, повлекших за собой события, в результате которых Российская империя перестала существовать.

Советская власть, пришедшая на смену имперской, начавшись с Октябрьской революции в 1917 году и закончившись падением СССР в 1991 году, оказала огромное влияние на последующее развитие страны. В связи с оценкой этого влия-

ния проблема трансформации городской и сельской культурных сред является одной из основных, стоящих перед исследователями.

Ученые-социологи, антропологи, культурологи в своих трудах подробно рассматривают как различные аспекты советской культуры, так и ее черты в культуре современной. В частности, проблема «следов» советизма нашла отражение в работе М. М. Дудолаловой, изучавшей эти «следы» в современной городской культуре на примере дискурсивных «книжных» практик [2]. С. Шулежкова нашла пионерско-комсомольский след в современном русском языке, проанализировав адаптированные крылатые выражения пионерско-комсомольской тематики [8].

Объектом нашего исследования являются «следы», черты советизма в российской культуре. Предмет исследования –

отражение советизма и советского в культуре современной уральской деревни.

Цель нашей статьи – проанализировать «следы» советизма в отечественной культуре на примере современной уральской деревни. Для этого необходимо дать определение понятию современной деревенской культуры, классифицировать представителей этой культуры по группам, проанализировать рассказы групп информантов с точки зрения влияния «следов» советского на повседневную жизнь сельского жителя и, наконец, рассмотреть, какие поведенческие стереотипы формируются этими «следами».

Трактуя советизм в широком смысле как вербальный или невербальный знак советской культуры любой сложности [2] и будучи ограничены рамками статьи, мы приведем лишь краткий обзор зафиксированных нами фактов по данной теме.

Что же такое деревенская культура (или культура сельская) в условиях современности?

Л.Н. Коган предлагал разграничивать понятия «сельское население» и «крестьяне». К сельскому населению исследователь относил всех, кто живет в сельской местности и работал на городских предприятиях (в т. ч. горожан дачников, сельчан, служащих), к крестьянам – людей, занимающихся аграрным трудом, причем, когда речь идет о сельской культуре, ее следует воспринимать как культуру только крестьян, поскольку они являются носителями этой культуры [4].

Такое различение понятий, на наш взгляд, справедливо лишь для культуры традиционной, т. е. досоветского периода. В современной сельской местности ситуация несколько сложнее. В наши дни сельскохозяйственный труд для сельского человека является делом второстепенным, так как, помимо обработки земли, вчерашние крестьяне работают на городских и сельских предприятиях. Даже современные крестьяне, зарегистрированные как люди, имеющие фермерское хозяйство, также работают на различных предприятиях. Из этого следует, что граница между

данными понятиями, проведенная Л.Н. Коганом, в условиях современной жизни стирается.

Таково влияние советской власти, оказанное на жителей российской деревни: с одной стороны – повсеместное распространение образования в сельской местности, с другой – стирание границ между «чистыми» крестьянами и сельским населением (по Л.Н. Когану), а также сельской интеллигенцией (учителя, воспитатели и пр.), представители которой сегодня тоже являются выходцами из крестьянской среды.

Таким образом, под современной «деревенской культурой» (сельской культурой) мы вслед за Л.Н. Коганом [4] понимаем культуру крестьян, проживающих в сельской местности (за исключением горожан-дачников), занятых сельскохозяйственным трудом, но, помимо того, работающих на городских или сельских предприятиях и в большинстве случаев имеющих среднее профессиональное или высшее образование.

Исходя из этого определения, деревенская культура в настоящее время не только сохраняет свои традиционные особенности, выделенные Л.Н. Коганом [4], но и трансформируется под влиянием различных факторов, присущих эпохе. Другими словами, в культурном пространстве современной российской деревни можно наблюдать и «следы» советской эпохи, и отголоски имперских времен (т.е. традиционной крестьянской культуры как таковой), и черты городской культуры постсоветского периода.

Для анализа культурных «следов» советской эпохи проведем классификацию сельских жителей по трем основным группам в диахроническом аспекте: люди досоветского поколения, рожденные и воспитанные в соответствии с крестьянскими традициями и обычаями (прабабушки и прадедушки современных сельских жителей, чье воспитание оказало влияние на следующее поколение); люди советского поколения, родившиеся и повзрослевшие в СССР; постсоветское поколение – совре-

менные сельские жители в возрасте до 35 лет, не заставшие либо частично заставшие советский период.

Так как исследование трансформации сельской среды в результате революции – тема отдельного исследования, в статье мы не будем рассматривать группу представителей традиционной крестьянской культуры, а остановимся подробнее на двух последних группах людей.

Постсоветское поколение для нас представляет интерес в сопоставлении с поколением советского периода, так как именно в сравнении особенностей, в частности поведенческих и мировоззренческих, присущих этим двум группам, наиболее ярко прослеживается влияние культуры советской эпохи на современную повседневность сельской местности.

Представители советского поколения – люди 1950-1960 г.р., чьи биографии-интервью преимущественно были использованы нами в работе, – это жители нескольких населенных пунктов Алапаевского района (в частности, это д. Измоденово, п. Верхняя Синячиха, с. Нижняя Синячиха, д. Дружба). Информанты – выходцы из крестьянских семей, являющиеся носителями деревенской культуры. Большинство из них получило среднее или высшее образование. Их рассказы представляют для нас наибольший интерес, так как именно в них наблюдаются «следы» советской идеологии, мировоззрения, руководствуясь которыми эти люди живут в современном мире.

Одним из распространенных «следов» советской эпохи в современной деревне является беспрекословная вера в правдивость различных СМИ. Приведем типичный пример – выдержку из интервью жительницы с. Нижняя Синячиха: *«Раньше было проще жить: школу закончил, направили учиться, потом распределили на работу <...>, а теперь и не знаешь, чего ждать, пенсионный возраст собираются повысить, а то и совсем пенсию отменить. Вон, в газете пишут, значит, правда, а иначе бы писать не стали»* [К.С.Г., 1961, ж., с. Нижняя Синячиха].

В газете пишут – значит, правда. В данной ситуации по-прежнему действует известная поговорка «Что написано пером – не вырубишь топором». *«По телевизору показывают», «в Интернете читали»* – такие аргументы в пользу достоверности какой-либо информации часто встречаются в повседневных разговорах сельских жителей. Упомянув об Интернете, отметим, что речь здесь идет все же о сельской местности, где виртуальная сеть еще не получила массового распространения. Интернет вообще воспринимается деревенскими представителями (преимущественно старшего поколения) как нечто чуждое, неизвестное, непонятное, иногда – с негативным оттенком, иногда – с оттенком благоговения (во втором случае ценность и достоверность информации, полученной из интернет-источников, не имеет значения каких, увеличивается в сравнении с теми же региональными или муниципальными печатными изданиями).

А вот еще один советский «след» в современной деревенской повседневности, уже с точки зрения представительницы постсоветского поколения: *«... Как ни зайдешь в магазин – деревенские бабушки все продуктов набирают: соли, да круп разных. Наша бабушка – не исключение. Мы ей говорим: “Зачем берешь, есть же еще, куда мы это денем потом?” А она: “Пусть будет”. Потом снова идет в магазин и то же самое покупает»* [Д.Л.В., ж., с. Нижняя Синячиха]. Такое поведение достаточно легко объясняется дефицитом товаров в советскую эпоху.

Что касается ритуальных практик советской эпохи, здесь интерес представляет следующий рассказ: *«... так у нас вон до сих пор отмечают советские праздники. Вон, на 7 ноября собираются некоторые товарищи <...>. С флагами колонной через плотину идут»* [Е.Л.А. ж., 1950, с. Нижняя Синячиха]. Вербальный советизм «товарищ» также часто встречается в повседневной речи современных людей.

Из рассказа еще одной представительницы советского поколения: *«У нас совхоз работает все еще. Конечно, не ре-*

гулярно, а только с конца весны по начало осени. Муж мой там трудится. В столовой там, говорит, порции огромные такие дают, как раньше» [Т.Н.С., ж, 1959, с. Нижняя Синячиха].

Среди прочих отголосков советского времени можно выделить неуважение к частной собственности, неприязнь к «богатеям», а также мнение, что «государство должно». *«Почему-то наши люди все еще думают, что государство им должно. Те времена прошли, теперь капитализм, каждый сам должен заботиться о себе»*, – говорит информант из д. Измоденово [Т.А.В., м., 1978, д. Измоденово]. Советская культура также оказала влияние на современный деревенский фольклор. Сре-

ди примеров назовем те же анекдоты, все еще пользующиеся популярностью среди сельских жителей [См.: 1].

Подводя итоги, можно сделать следующий вывод: советская культура и по прошествии 26 лет с момента распада СССР, в целом, продолжает оказывать влияние на культуру постсоветского периода. В частности, это относится к современному деревенскому культурному пространству. В некоторых населенных пунктах и в наши дни существуют совхозы, устойчивые слова-советизмы не выходят из употребления, а ритуальные практики советского времени по-прежнему исполняются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева М. В. Анекдот как феномен повседневной культуры советского общества: на материале анекдотов 1960-1980-х годов: дисс...канд. культурологии. – Екатеринбург: Б. и., 2008. – 196 с.
2. Дудолалова М. М. «Следы» советского в современной городской культуре (на примере дискурсивных «книжных» практик) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 1. – С. 20-22.
3. Карцева Л. В. Городская и сельская культура как фактор социализации личности // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – № 1. – С. 28-33.
4. Коган Л. Н. Социология культуры: учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 120 с.
5. Марченя П. П. Крестьянское сознание как доминанта русской революции // Научный диалог. – 2015. – № 12 (48). – С. 303-315.
6. Мельникова М. И. Русская крестьянская ментальность как предмет междисциплинарного исследования // Гуманизация образования. – 2014. – № 5. – С. 24-33.
7. Миронова Н. М. Городская и сельская культура: обособление и взаимодействие – URL: http://rusnauka.com/1_NIO_2011/Politologia/77320.doc.htm
8. Шулежкова С. Пионерско-комсомольский след в современном русском языке или судьбы крылатых выражений-советизмов. – URL: http://sn-philolsocom.crimea.edu/arhiv/2012/uch_25_64_2/051_shul.pdf

УДК 316.77

Л. Д. Седова

г. Екатеринбург, Россия

ИМИДЖ ЕКАТЕРИНБУРГА: РЕСУРСЫ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме формирования имиджа Екатеринбурга. В ней рассмотрено понятие «имиджа города» и описаны его особенности. Показано, что большая роль в формировании имиджа города отводится социально-культурным явлениям.

Особое внимание уделяется отличительным чертам города Екатеринбурга. В результате анализа выявлено, что город многообразен, и это является проблемой. Именно поэтому на сегодняшний день единого устоявшегося внутреннего образа Екатеринбурга не существует даже в понимании его жителей.

Делается вывод, что хорошим ресурсом формирования имиджа Екатеринбурга может стать современная культура. В случае построения правильного внутреннего имиджа города можно будет говорить о создании нового бренда Екатеринбурга. Для этого вышестоящим органам с помощью команды из профессионалов и инициативных жителей стоит разработать четкую стратегию и план действий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: имидж города, позиционирование, бренд, Екатеринбург, формирование образа города, стратегия

L. D. Sedova

Yekaterinburg, Russia

IMAGE OF YEKATERINBURG: RESOURCES AND PROBLEMS OF FORMATION

ABSTRACT. The article is devoted to the actual problem of image formation of Yekaterinburg. The author considers the concept of "image of the city" and describes its features. The article shows that socio-cultural phenomena play a big role in shaping the image of the city.

Particular attention is paid to the distinctive features of the city of Yekaterinburg. The analysis revealed that the city is diverse, and this is a problem. That is why today there is no uniform internal image of Yekaterinburg, even in the understanding of its inhabitants.

It is concluded that modern culture can become a good resource for the formation of the image of Yekaterinburg. In the case of building the correct internal image of the city, we can talk about creating a new brand of Yekaterinburg. To do this, higher authorities with the help of a team of professionals and enterprising residents should develop a clear strategy and action plan.

KEYWORDS: image of the city, positioning, brand, Yekaterinburg, formation of the image of the city, strategy

Проблема формирования позитивного имиджа городов не теряет своей актуальности и сегодня. Имидж становится основополагающим фактором продвижения общегосударственных и региональных проектов, одним из важнейших конкурентных ресурсов для налаживания партнерских отношений. К тому же положи-

тельный имидж города необходим для привлечения в город инвестиций и туристов, а также для улучшения социального самочувствия жителей.

Хоть данное понятие чаще всего применяется к отдельным личностям или компаниям, существует также термин

«имидж города», который и интересует нас в данной статье.

О понятии имиджа города размышляет Г. Г. Почепцов, который определяет его как «комплекс субъективных представлений в массовом сознании относительно определенной территории» [5, с. 448]. Формируются эти «субъективные представления» на основе различных особенностей, уникальных в каждом городе и регионе. Г. Почепцов отмечает, что имидж города формируется за счет личного опыта либо через посредников, учитывая индивидуальные убеждения личности, особенности и ощущения участвующих в процессе людей.

Сходной трактовки понятия имиджа города придерживается И. С. Важенина: «Имидж города представляет собой совокупность убеждений и ощущений людей, которые возникают по поводу его особенностей» [2, с. 96]. Автор отмечает, что имидж может быть внутренним и внешним; в первом случае носителем и потребителем является житель города, а во втором – гость города или турист. Только когда у жителей сформируется устойчивое представление о городе, благодаря социальным взаимодействиям, можно выстроить и имидж внешний, что даст возможность развитию и продвижению территории, созданию его определенного «статуса» в сознании людей. И. С. Важенина считает, что на формирование имиджа города большое влияние оказывает субъективность человеческого восприятия, которая обычно складывается из трех составляемых: визуальное восприятие, стереотипы, общая оценка.

Первая часть имиджа состоит из различных объектов, визуальных символов, которые ассоциируются с городом. Это могут быть исторические памятники, знаковые места – то, что отвечает за визуальный облик города и связано с физическим городским пространством. Эта часть обычно используется для продвижения территории, выгодно представляя город.

Вторую часть можно назвать «символической», так как ее составляют «ко-

роткие емкие фразы, выражающие общее видение места» [3, с. 216], различные представления, стереотипы о городе, которые разделяются большинством людей и существуют в их сознании в качестве символов города.

Третья часть включает в себя оценочные характеристики из разных сфер жизнедеятельности города (экономической, культурной, коммуникационной). Можно сказать, что это эмоциональная оценка, основанная на личном опыте и ощущениях, и это значит, что она может отличаться у разных социальных групп.

Каждый город имеет свою историю и культуру, поэтому должны учитываться исключительно индивидуальные особенности, создающие уникальный имидж города. Целенаправленное и продуманное формирование образа сможет повлиять на позитивный имидж города.

Е.Н. Богданов и В.Г. Зазыкин, авторы книги «Психологические основы «Паб-лик рилейшнз», попытались выделить универсальные направления, на которые можно опираться, чтобы создать положительный территориальный имидж. Среди них: инфраструктура и качество жизни, власть, кадровые ресурсы, высокие технологии, перспективность и устремленность в будущее, история региона, красота природы [1, с. 116-117].

Комплексная работа по этим направлениям поможет избежать формирования одностороннего имиджа. Городу необходима заинтересованная команда профессионалов, способная выделить и сформировать четкий набор атрибутов, которыми обладает город и на основе него выстроить единую тактику построения позитивного восприятия территории. Кроме того, в этом вопросе нужно обязательно учитывать мнение обычных жителей, т. к. это единственный способ создать надежный и убедительный образ в глазах других людей.

Большая роль в формировании имиджа города отводится социально-культурным явлениям, к которым относится создание благоприятного впечатления,

связь истории и современной культуры, облагораживание и эстетизация, формирование «духа» города [6, с. 24-25]. История города, например, может служить надежным основанием для формирования имиджа, так как она зачастую несет в себе эмоциональную реакцию и является поводом для гордости.

Таким образом, имидж территории – это разноплановый, эмоционально окрашенный, искусственно создаваемый образ данного места, который складывается в сознании людей.

Если говорить об имидже Екатеринбурга, то можно сказать, что он, как и любой другой город, обладает своими уникальными особенностями. Это и крупный транспортный и логистический узел на Транссибирской магистрали, и важный промышленный центр, и столица конструктивизма. Характерными символами Екатеринбурга принято считать Плотинку, памятник Татищеву и де Геннину, водонапорную башню, здание Администрации и др.

Если учитывать богатую историю нашего города, можно выделить особенно популярные исторически сложившиеся концепции позиционирования Екатеринбурга: «город-завод», место расстрела императора Николая II и его семьи; родина первого президента России Б.Н. Ельцина, что довольно крепко укоренилось в сознании старшего поколения.

Не стоит забывать, что Екатеринбург является центром «уральского рока». Здесь образовались группы «Наутилус Помпилиус», «Смысловые галлюцинации», «Агата Кристи», «Чайф». «Свердловский рок-клуб» помнят и уважают до сих пор, пытаясь возродить внимание и интерес к нему через музейные выставки и выступления поклонников творчества клуба.

Особый пласт в образе города образуют легенды и некоторые факты из его истории, имеющие уникальный символический смысл, свою «изюминку». Так, в структуре городской мифологии Екатеринбурга существенное место занимают мифы о знаковых личностях (прибытие в город Фиделя Кастро, рассказ Николая

Коляды о призраке Александра Попова), которые порой дополняют мифы о знаковых местах (городок чекистов, усадьба Расторгуевых-Харитоновых, дом купца Железнова и др.).

Город имеет множество особенностей, привлекающих внимание, и все это, безусловно, влияет на его имидж. Проблема заключается в том, что на сегодняшний день Екатеринбург не имеет четко выстроенной стратегии формирования своего имиджа.

Несмотря на то, что существует большое количество различных вариантов позиционирования Екатеринбурга, как, например, «промышленный город, город машиностроителей, оборонщиков и металлургов» или «опорный край державы» [7], но «единого устоявшегося внутреннего образа Екатеринбурга в понимании его жителей не существует, город – многообразен» [4, с. 65], и это становится проблемой. Можно согласиться с выводом Н. Д. Куклиной, что сегодня невозможно развивать какое-либо единственное направление для продвижения имиджа Екатеринбурга среди горожан [4, с. 64-66].

Кратко охарактеризуем основные варианты позиционирования Екатеринбурга и их сильные и слабые стороны.

До недавнего времени статус Екатеринбурга как «опорного края державы» действительно был основным для имиджа индустриального города, но за последние двадцать лет данная тема потеряла значение и привлекательность, произошла деактуализация имиджа. Сейчас, в более-менее мирное время просто нет необходимости в таком «боевом» позиционировании города [7].

Статус «города-завода» влечет за собой представление о загрязненном воздухе и хмуром небе и даже несмотря на регулярные попытки реиндустриализации региона, тоже потерял свою актуальность.

Образ Екатеринбурга как родины первого президента РФ является довольно неоднозначным, т. к. оценка деятельности Б.Н. Ельцина по-прежнему остается предметом споров.

История расстрела семьи Николая II и вовсе формирует отрицательный имидж, хотя она может быть интерпретирована и как мистическая. Городская мифология и легенды являются элементом географического образа города; с их помощью можно конструировать городскую идентичность, создавая интерес у жителей города, и особенно туристов к изучению истории территории. Проблема состоит лишь в том, что история последнего российского императора, при всей ее узнаваемости и востребованности массовым сознанием, наполнена негативными смыслами.

Образ «столицы уральского рока» можно было бы назвать даже брендом Екатеринбурга, если бы интерес к этому не угасал с каждым годом все больше. Возрождение данного направления вполне возможно. Это не стоит забывать, находясь в поисках чего-то более актуального.

Все же решение проблемы формирования имиджа Екатеринбурга видится лишь в комплексном подходе, который помог бы при участии, как представителей власти, так и общества, вывести единую идею для формирования имиджа города и стратегии его последующего развития, продвижения. Только тогда, когда у жителей города сформируется устойчивое представление о Екатеринбурге, можно будет говорить о попытках конструировать имидж города для внешней аудитории, так как транслировать его будут непосредственно сами жители нашего города. Большая роль в этом вопросе должна отводиться власти нашего города, ведь она имеет большее влияние, чем другие институты.

Имидж города для управленческого аппарата – один из наиболее значимых объектов руководства. Именно поэтому существует «Стратегический план развития Екатеринбурга», в котором обозначена такая миссия Екатеринбурга, как «трансформация города из исторически сложившегося индустриально-хозяйственно-научного центра в современный многофункциональный центр с элементами мирового города, ядром которого станет на-

учно-производственно-финансово-информационный комплекс, способный интегрировать Екатеринбург в глобальную экономику, встроить в новейшие инновационные национальные и региональные процессы и создать комфортную среду для обитания его жителей» [8].

Но проблема в том, что данное направление, во-первых, является чересчур обширным, во-вторых, не предусматривает реализацию первичности и уникальности. На звание научного центра, например, претендует Томск (город университетов и студентов) и Новосибирск, а финансовым центром является Москва. Поскольку в данной миссии не заложены предпосылки формирования имиджа, и все обозначенные критерии являются неприемлемыми, стоит выбрать другой, более подходящий под особенности и реалии нашего города.

Подходящим позиционированием для Екатеринбурга может стать, например, «Центр современного искусства Урала», ведь наш город сегодня является одним из центров развития современного танца, в котором работают театр «Провинциальные танцы», танцевальные команды «Киплинг» и «Танцтрест». Также «Коляда-театр» давно уже стал «визитной карточкой» не только Екатеринбурга, но и всего Урала. Осовременивая постановки и показывая своеобразные спектакли, театр тонко передает уральский дух и характер, становясь ярким брендом. Не стоит забывать и об Уральской индустриальной биеннале, проходящей каждые два года.

Таким образом, хорошим ресурсом формирования имиджа Екатеринбурга может стать культура, а в особенности современная культура. В случае же построения правильного внутреннего имиджа города можно будет говорить уже и о создании нового бренда Екатеринбурга. Но для этого вышестоящим органам стоит разработать четкую стратегию и план действий, а также собрать себе в помощь сильную команду из профессионалов и инициативных жителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданов Е.Н., Зазыкин В.Г.* Психологические основы «Паблик-рилейшнз». – СПб.: Питер, 2003.
2. *Важенина И. С., Важенин С. Г.* Имидж как конкурентный ресурс региона // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 4. – С. 95-103.
3. *Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д.* Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005.
4. *Куклина Н. Д.* Внутренний имидж Екатеринбурга // Вопросы экономики и управления. – 2016. – №3. – С. 64-66.
5. *Почепцов Г. Г.* Имиджелогия. Теория коммуникаций. – М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2001.
6. *Ракевич Е.В.* Роль социального пространства в формировании имиджа города. [Электронный ресурс]. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28588/1/m_th_rakevich_2014.pdf
7. *Салмин Л.* Екатеринбург. Имидж города и опыт культурно-символического позиционирования. [Электронный ресурс]. URL: <http://eff-com.ru/archive/issue5/image/Ekaterinburg-image-goroda-i-ikulturno-istoricheskoe-pozicionirovanie-2.html> (дата обращения: 28.12.2017)
8. Стратегический план развития Екатеринбурга. [Электронный ресурс]. URL: <https://екатеринбург.рф/официально/стратегия>

УДК 009

Тривисессорн Джирапорн

Бангкок, Таиланд

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ НА РЕВОЛЮЦИЮ 1932 ГОДА В СИАМЕ

АННОТАЦИЯ. В России Февральская революция и Октябрьский переворот в 1917 г. были следствиями политического, социально-культурного и экономического кризиса. В Сиаме причины исторической революции в 1932 г. во многом повторяли революционную ситуацию в России 1917 г. Она была продуктом социальных изменений в стране. Вместе с тем на Сиамскую революцию оказали известное влияние революции в России и Китае. В данной статье анализируется опыт Сиамской революции через призму революционных событий в России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Революция 1917 г., Революция 1932 г., Россия, Сиам

Trivissessorn Giraporn

Bangkok, Thailand

THE INFLUENCE OF 1917 RUSSIAN REVOLUTION ON 1932 SIAMESE REVOLUTION

ABSTRACT. In Russia, it is possible to show how February revolution and October Uprising of 1917 emerged from the country-wide political, social and economic unrest. In Siam, the causes of 1932 revolution are similar to Russian: it was the result of social transformation. Russia and China influenced the experience of Siamese communism and revolution. Therefore, the author strives to examine Siamese revolutionary experience through Russian 1917 experience, trying to establish whether it provided a blueprint or a direct influence on revolutions in other countries, including Siam.

KEYWORDS: 1917 revolution, 1932 revolution, Russia, Siam

В исторические науки термин «революция» вошел из латыни. *Revolutio* имеет значение «поворот вокруг». Она является коренным преобразованием в какой-либо сфере человеческой деятельности. Сама идея мировой революции базируется на коммунистической идеологии Карла Маркса, его утверждении о неизбежности грядущей культурно-экономической общности человечества. В политике идея коммунизма рассматривается на основе учения о противоречиях между классами; этот подход был распространен и на сферу международных отношений – пока у власти в отдельных странах находятся представители эксплуататорских классов, войны и вооруженные конфликты неизбежны.

Нет сомнения, что Февральская революция и Октябрьский вооруженный переворот в Петрограде в 1917 г. – пере-

ломные события как для российской, так и для мировой истории XX века; и интерес к ним возрастает в преддверии их 100-летия. Для истории Таиланда много вопросов про идеи революции и коммунизма появилось до второй мировой войны, и они влияли на Революцию в Сиаме (нынешний Таиланд) в периоде с 1932 по 1973 гг., когда доминировали военные диктаторы. Возможно ли, что в Сиаме была принята *культурная революция* из Франции, России, Китая или других стран?

Существует много дискуссий о Сиаме в 1932 г. В отличие от других современных государств Юго-Восточной Азии, Сиама или Таиланда никогда не был колонизирован западными державами. В значительной степени это связывают с усилиями монархов династии Чакри, в частности, Рамы IV и Рамы V, направленными на «модернизацию» сиамской внутрен-

ней и внешней политики, а также с относительно высокой культурной и этнической однородностью тайской нации. Рама IV (король Монгкут, 1804 – 1868) открыл Сиам для европейской торговли, и с этого начинается процесс модернизации страны. Он придерживался политики сближения с рядом европейских стран, одновременно искусно укрепляя самостоятельность страны и избегая ее колонизации. Его сын, Рама V (король Чулалонгкорн, 1853 – 1910), известный также как Phra Buddhachao Luang – Королевский Будда, продолжил начинания своего отца по модернизации страны, укреплению абсолютной монархии и централизованного государства. Однако, успех монархии Чакри тоже посеял семена революции 1932 г. и конца абсолютной монархии.

Модернизация, санкционированная сверху, привела к созданию в начале XX века слоя тайцев из простоллюдинов и низов дворянства, получивших западное образование. При этом их политические настроения не обязательно базировались на демократических ценностях, некоторые из них склонялись к авторитаризму, находились под влиянием идеалов французской и русской революций. Они составили основу нижнего и среднего слоя зарождающейся сиамской бюрократии. Эта новая элита в конечном итоге сформировала Народную партию, которая выступила главной силой революции 1932 г.

Недавние исследования отмечены альтернативными подходами к современной тайской истории, в том числе пересмотром традиционных оценок Сиамской революции 1932 г. Можно сослаться на гипотезу проф. Тхонгчай Виничакула (Thongchai Winichakul), который вводит понятие «гео-тело» (Geo-body) [3] – взаимосвязь территории и ценностей в процессе становления национальной идентичности. Проф. Тхонгчай также утверждает, что традиционные индуистско-буддистские парадигмы культуры, пространства, управления и власти пришли в столкновение с парадигмами цивилизаций, которые сформировались в основном на базе христианства и

гуманизма эпохи Просвещения. Восток теперь стал чаще описываться как «варварский», «незнающий», или «низший» [2]. Это определило «цивилизаторскую» миссию колониальных держав по отношению к «варварским азиатам». В дискуссии «Сивилай» или цивилизации [3] в XIX веке Сиам был фактически частью важнейших стратегий, и его правительство приняло меры, чтобы обеспечить свое дальнейшее существование в качестве суверенного независимого государства и отбиваться от колониального вмешательства.

Можно утверждать, что ключевые стратегии, принятые Сиамским государством, были совершенно аналогичны тем, что приняты западными колониальными державами в управлении своими колониями. Пространство и властные структуры были существенно пересмотрены. Автономные и полуавтономные территории были поставлены под прямой контроль государства в начале XX века. Для определения национальных границ было проведено картографирование территории. Люди были отнесены к этническим группам. Для продвижения новой «западной» структуры, которая вдохновила образованные круги сиамского общества XIX века, главным образом аристократии, начинают проводиться этнографические исследования и создаются собственные версии «другого» с целью укрепления идентичности сиамской нации, подчеркивая собственный высокий статус в отличие от «варварства» горных племен, таких как Лу и Лаху.

Эти новые перспективы создали предпосылку политического доминирования сиамской аристократии, превращения ее в инициатора и режиссера процесса «модернизации/ собственной колонизации» [1]. Это, кажется, противоречит тому, что абсолютная монархия Чакри в начале 1930-х годов была относительно пассивной из-за политической слабости Рамы VI (король Вачиравуд) и Рамы VII (король Прачадипок) и кризисов, таких как Великая депрессия. Они больше не могли контролировать политическую повестку в Сиаме и были отодвинуты в сторону акти-

вистами, которые отстаивали демократические и националистические ценности.

Ревизионисты говорят, что слабые стороны личности монарха не обязательно означают решимости и силы традиционной земельной аристократии или так называемых «Сакдина» (тип общественных отношений, таких как феодализм). Роль аристократии в сохранении своего превосходства посредством отстаивания политических прерогатив абсолютной монархии ни в коей мере не уменьшилась. По их мнению, приписывание начала революции 1932 г. в значительной степени идеалам и амбициям европейски образованных пропагандистов Народной партии затушевывает роль Сиамской монархии и аристократии.

Политическая история Таиланда и его место в истории Юго-Восточной Азии в 1950-х и 1960-х гг. были мало исследованы западными учеными. Таиланд, как государство Юго-Восточной Азии, избежавшее колониального завоевания, считается более стабильным по сравнению с другими новыми независимыми государствами региона. Вследствие это в стране сохранилась преемственность традиций, таких как институт монархии, что позволило затем избежать проблем, вызванных процессами деколонизации, противостоять проникновению революционного коммунизма. Следовательно, с этой точки зрения, в 1932 г. революция была не более чем государственным переворотом, кото-

рый просто заменил абсолютную монархию и аристократию. В перевороте, инспирированном образованными в западном стиле генералами и гражданскими чиновниками в действительности было мало революционного. Дэвид К. Уайт, например, охарактеризовал период тайской истории 1910-1941 гг. как политическую работу вне социальных последствий реформ царствования Чулалонгкорна [1]. Революция 1932 г. характеризуется как неизбежный результат и естественные последствия сил, приведенных в движение Рамой IV и Рамой V.

Именно поэтому представляет интерес вопрос о влиянии революции в России, о том, возможно ли распространение революционной идеологии в других странах. Конечно, до Сиамской Революции 1932 г. (также понимаемой как государственный переворот 1932 г.) в обществе Сиама сформировались демократические слои, и многие сиамцы в начале XX века получили образование в западных вузах (хотя не все разделяли демократические ценности, а некоторые склонялись к авторитаризму). Значительная часть широких масс и представителей элиты находилась под влиянием идеалов Великой французской и русской революций. Когда все студенты вернулись в Сиам и начали работать в среднем и нижнем звене системы государственной службы, сформировалась новая административная система Сиама. Наконец этот новый народ стал сердцем революции Сиама в 1932 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Chakrabongse*. HRH Chula, Prince of Thailand // *Twain Have Met: An Eastern Prince Came West*. – L.: G.T. Foulis & Co., 1957.
2. *Pridi, Banomyong*. A History of Thailand // Translated and introduced by Christopher Baker and Pasuk Phongpaichit. – Thailand: Silkworm books, 2000.
3. *Thongchai, Winichakul*. Siam Mapped: a history of the geo-body of a nation. – Honolulu: University of Hawaii Press, 1994.
4. *Thongchai, Winichakul*. "The Quest for 'Siwilai': a Geographical Discourse of Civilizational Thinking in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries Siam" // *The Journal of Asian Studies*. – 2000. – 59 (3). – 528–549.
5. Natanaree Posrithong. The Russo-Siamese Relations: The Reign of King Chulalongkorn // *Silpakorn University International Journal* – URL: <http://www.journal.su.ac.th/index.php/suij/article/viewFile/218/241>

УДК 37.013.46

А. В. Беляев

г. Ставрополь, Россия

ГОРОДСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

АННОТАЦИЯ. Выявлены недостатки в проектировании городского культурного пространства, противоречия в восприятии его художественного контента. Обращается внимание на новые тенденции в развитии городской скульптуры, ставится задача поиска условий сочетания традиций и новаций. Определены факторы, препятствующие восприятию обучающимися художественных произведений, овладению достоверными знаниями истории родного города. В методических рекомендациях указаны основные направления воспитательной работы на примере исторических и культурных памятников, предложены наиболее эффективные методы и формы воспитания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: памятник, скульптура, культурное пространство, педагогический потенциал, наследие, ценности, индоктринация

A. V. Beljaye

Stavropol, Russia

URBAN ART-CULTURAL LANDSCAPE: THE PEDAGOGICAL ASPECT

ABSTRACT. Describes the characteristics of the urban historical and cultural space as educational resource. Substantiated methods of research educational potential of urban cultural and historical monuments, architectural compositions. Weaknesses in the design of urban cultural space, the contradictions in the perception of its artistic content. Draws attention to the new trends in the development of urban sculpture, the aim is to search conditions combining tradition and innovation. Identified factors affecting perception of students Identified of art, mastering the accurate knowledge of the history of his native city. In the methodical recommendations are listed the main directions of educational work on the example of historical and cultural monuments, offered the most effective methods and forms of education.

KEYWORDS: monument, sculpture, cultural space, pedagogical potential, heritage, values, indoctrination

Городской художественно-культурный ландшафт – это полифункциональный комплекс включенных в городскую среду природных и художественных объектов, отражающих духовно-нравственную и интеллектуальную жизнь города, его прошлое и настоящее. Культурная среда города – один из критериев оценки культурного потенциала городского общества, уровня его гражданского самосознания [6]. В комплекс художественно-культурных объектов входят памятники, скульптурные и архитектурные композиции, мемориальные объекты, указывающие на памятные даты и события. Опреде-

лённый идеологический смысл вносят в культурную среду названия улиц, площадей, скверов, бульваров, парков, заповедных мест.

Городские художественно-культурные сооружения являются одним из важнейших средств формирования у молодёжи гуманитарной картины мира, мировоззрения, эстетических идеалов. По этой причине возникает необходимость рассмотрения понятия художественно-культурной среды в педагогическом аспекте [4; 5]. Особая роль в развитии художественных взглядов, чувств, вкуса имеют обращённые к массовому зрителю город-

ские произведения монументального искусства.

В настоящее время в городах Ставрополя весьма активно возводятся новые памятники истории и культуры. Например, в Ставрополе за последние двадцать лет список городских достопримечательностей пополнили величественный монумент генерал-губернатору Ставропольской губернии Н. Е. Никифораки (1887-1904 гг.), бюст генерала А. П. Ермолова, выполненный из тёмно-бордового гранита и бронзы, памятник ангелу-хранителю, представляющий собой колонну, облицованную красным гранитом, на вершине которой стоит бронзовая скульптура ангела. «Данная скульптура, – говорится в путеводителе, – заставляет прохожих горожан вспоминать о духовности, помогает стать добрее по отношению к родным и близким, друзьям и совершенно незнакомым людям, а также способствует совершению светлых поступков» [2]. В 2017 году установлены монумент князю Владимиру, памятник основателям Ставропольской крепости – хопёрским казакам. В этом же году, в День знаний, на территории Ставропольского президентского кадетского училища состоялось торжественное открытие мемориала «Слава авиаторам России». О героях российской авиации будет напоминать легендарный самолет Л-39 «Альбатрос», до сих пор находящийся на вооружении в более чем тридцати странах мира.

В наибольшей степени насыщен произведениями монументального искусства центр города, в частности, Ермоловский бульвар, являющийся визитной карточкой города. Его открывает великолепный памятник генерал-губернатору Ставрополя Н. Е. Никифораки, внёсшему значительный вклад в развитие не только вверенной в его управление губернии, но и в строительство города. Продолжают заданный торжественный лад Тифлисские ворота (Триумфальная арка) и величественный монумент генералу Ермолову, памятник великому поэту Пушкину, выразителю, как это звучит на уроках литературы, свободлюбивых идей и добрых чувств. Поддер-

живает поэтическую тему бульвара и бюст осетинского поэта Косты Хетагурова. Усиливают торжественную тональность главного проспекта мемориал героям Великой Отечественной войны – «Огонь Вечной Славы», бюст А. В. Суворова. Сквер, расположенный рядом с бюстом полководца, уже многие годы является местом традиционных встреч выпускников суворовских училищ.

Достоинство представлена в культурно-историческом пространстве города военно-патриотическая тематика. Это мемориал «Огонь Вечной Славы», памятник «Юным защитникам Отечества 1941-1945 гг.». Бюст Героя Советского Союза Л. И. Севрюкова – военного лётчика, совершившего таран и погибшего в бою. Бюст установлен рядом с 3-й школой, в которой до войны обучался бесстрашный ставрополец. На улицах города установлены памятники Героям Советского Союза генералу Д. М. Карбышеву, Зое Космодемьянской, капитану 1 ранга И. А. Бурмистрову, лейтенанту Б. Н. Воловодову, руководителю подпольной комсомольской организации на Ставрополье А. И. Скокову, лётчику В. Г. Зайцеву. На Крепостной горе, на месте захоронения, воздвигнут монумент советскому военачальнику генералу-армии И. Р. Апанасенко. Есть в Ставрополе памятники генералу В. Ф. Маргелову, ушедшим на фронт и погибшим рабочим завода «Красный металлист».

В конце 2017 года напротив здания медицинского университета установлен бюст Е. Д. Бочаровой (Бершанской) – участника Великой Отечественной войны, командира 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиаполка.

С именем Победы и военным подвигом связаны названия скверов и парков: сквер «55-летия Великой Победы советского народа над фашизмом», сквер «65-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», сквер «Аллея Ветеранов», сквер «Памяти», сквер «Аллея Героев-десантников», парк Победы. Имена воинов-героев носят улицы города: Мар-

шала Жукова, Апанасенко, Доваторцев, Севрюкова, Булкина, Гризодубовой, Расковой, Осипенко, Серова и др.

В Центральном парке установлен мемориал с фотографиями проживавших в Ставрополе Героев Советского Союза и полных кавалеров орденов Славы. На одной из них – Ф. А. Рысеев, который уже в мирное время работал учителем труда в школе, руководил кружком в Доме пионеров, активно участвовал в общественной работе по патриотическому воспитанию.

Военно-патриотическому воспитанию студентов, сохранению исторической памяти, уважения к подвигу по-прежнему служат памятники-мемориалы, посвященные студентам, преподавателям и сотрудникам ставропольских вузов, павшим на фронтах Великой Отечественной войны в 1941-1945 гг.

Значительным эмоциональным потенциалом для воспитания патриотических чувств у подрастающих поколений обладают артефакты (культурный артефакт — любой искусственно созданный объект, имеющий как определенные физические характеристики, так и знаковое, символическое содержание), демонстрирующие военную технику, оружие: памятник «Танк Т-34», посвященный военным лётчикам монумент «Самолёт»-истребитель МиГ-17, макеты старинных артиллерийских орудий, установленные у стены-крепости в исторической части города.

Возвышенные, героико-патриотические чувства у горожан вызывают памятники «Сотрудникам органов безопасности Ставропольского края», «Защитникам правопорядка Ставропольского края». Закреплению исторической памяти, уважения к прошлому способствуют и мемориалы, посвященные памяти жертв политических репрессий в годы советской власти. В заповедной зоне, у мемориала «Холодный родник», 30 октября 2017 года было открыто новое панно «Возвращение имён» с именами и фотографиями ставропольцев, погибших в годы Гражданской войны. В ограде Андреевского собора в этом же году появился и дру-

гой мемориал, посвященный участникам офицерского восстания, расстрелянным большевиками.

Тревожно и грозно звучит и просматриваемая с бульвара бронзовая фигура красноармейца в будёновке. Памятник этот, воздвигнутый в ознаменование 50-летия освобождения Ставрополя от белогвардейцев, напоминает о так и не поставленной точке в истории Гражданской войны. О том, что такая точка на Ставрополье ещё не поставлена, свидетельствуют и имена официально почитаемых в городе участников братоубийственной войны, устанавливавших советскую власть в Ставрополе и оставивших кровавый след в его истории. Их имена запечатлены на уличных табличках. Напоминанием о трагическом прошлом также являются и другие названия проспектов и улиц: Октябрьской революции, Ленина, Дзержинского, Р. Люксембург, К. Цеткин, Ворошилова, Артёма, Тухачевского, переулок Баррикадный. Названия районов: Ленинский, Октябрьский. А это значит, что индоктринация сознания молодёжи продолжается.

Воспитательное значение имеют и арт-объекты так называемого производственно-отраслевого жанра. Термин «арт-объект» отражает изменения, произошедшие в новое время в оформлении городских художественно-культурных ландшафтов. Арт-объект – это не утилитарная вещь, произведение, передающее творческую идею автора. Для создания арт-объекта используются различные материалы и предметы (например, произведения изобразительного искусства и прикладного творчества, промышленного дизайна). Инсталляция – один из примеров арт-объекта. Инсталляция – это созданная из отдельных элементов композиция, близкая к скульптуре. Однако такая композиция отличается от скульптуры тем, что её не ваяют, а конструируют из различных материалов, в том числе, и промышленного производства [1].

К созданию скульптурных композиций проявили интерес водоканал (арт-объект «Фонтан-водоразборная колонка»).

Есть памятники «Мелиораторам Ставрополя», «Газовикам Ставрополя», арт – объект «Металлический телеоператор», сквер «Аллея судебных приставов». Главный бульвар города украшает скульптурная группа «Девушка со снопом» и «Девушка с виноградом».

Памятник Первой учительнице создавался на народные деньги. В строительство вложили средства предприятия и образовательные учреждения. Памятник «Зачетная книжка», или просто – «Студент», появился благодаря поддержке администрации Ставрополя и местных меценатов.

Пополняются новыми именами мемориалы почётных граждан города и края. Аллея почётных граждан на ул. маршала Жукова, отмечает газета «Открытая», вызывает двойственное ощущение. Большинство обладателей звания «Почётный гражданин Ставропольского края» – это партийные деятели и директора предприятий советской эпохи, имена которых мало что говорят новым поколениям. На их мраморных досках нет ни кратких биографий, ни годов жизни [7]. Остаётся верить, что потомки сумеют разобраться, кто из граждан, чьи имена увековечены на мраморных пилонах, действительно может служить положительным для подражания примером.

Отличительной особенностью изменения современного художественного контента художественно-культурного ландшафта является расширение жанрового разнообразия городской скульптуры. Особенность эта находит выражение, например, в появлении художественных произведений юмористического характера, что способствует развитию у молодёжи опыта восприятия комического в искусстве. Это памятники Чижику-пыжику на Фонтанке (Петербург), Сантехнику (Москва, Екатеринбург, Челябинск, Омск, Волгоград, Ставрополь и др.), скульптура «Остап Бендер и Киса Воробьянинов» (Екатеринбург). В Ставрополе, напротив входа в Комитет городского хозяйства администрации города, энтузиасты данной службы установили скульптуру дворника.

Само появление новых произведений монументального искусства, отличающихся разнообразием выразительных средств арт-объектов – процесс естественный, выражающий стремление авторов к визуальному и эмоциональному контакту со зрителем. Вместе с тем приходится с сожалением отмечать, что устанавливают новые арт-объекты порой без учёта уже существующего художественно-смыслового и исторического контекста.

Комическое возникает, когда есть диссонанс между старым и новым в общественных отношениях, между устаревшими и современными образцами поведения, когда возникает несоответствие возможностей и замысла, противоречие формы и содержания, нарушение меры.

Какие чувства будут испытывать не только приезжие, но и местные жители, когда они, оказавшись в центре Ставрополя, увидят на Ермоловском бульваре установленную по инициативе и на средства бизнесменов скульптуру купца, с собакой, котом, бочонком, корзиной, полной разносолов, выставленной напоказ пачкой денег в руке? Новый герой слишком откровенно и даже хвастливо демонстрирует свои преимущества, что свойственно нуворишам. Однако фальстафовский образ удачливого купца, претендующего на роль хозяина жизни, вступает в противоречие с художественно-смысловым рядом, заданным целым ансамблем памятников и архитектурных композиций, расположенных на главном проспекте города: памятником генерал-губернатору Никифораки, Тифлисскими воротами (Триумфальной аркой), величественным монументом генералу А. П. Ермолову – герою Отечественной войны и покорителю Кавказа. По другую сторону от новосёла, оказавшегося в центре бульвара, высокую поэтическую тональность, как звуки прекрасной лиры, придаёт исторической теме скульптурная композиция великому поэту Пушкину, неоднократно посещавшему Ставрополь. Далее усиливают торжественную тональность главного проспекта мемориал героям Великой Отечественной войны, величест-

венный Казанский собор. Короче говоря, не на своём месте («Не по чину», – как сказали бы в прошлые времена) оказался новый герой на проспекте, являющемся визитной карточкой Ставрополя – «сей великолепной и украшенной многочисленными памятниками столице» края. Более органично новый герой (право которого на существование никто не оспаривает), мог бы занять своё место, с нашей точки зрения, где-либо на рынке или рядом с крупным торговым центром. Если же данному произведению придаётся столь высокое значение в жизни города, то в таком случае «Купец-основатель» мог бы занять место рядом с администрацией Ставрополя.

Местные краеведы пишут, что ставропольские купцы дореволюционной эпохи были рачительными хозяевами, меценатами, заботившимися о благе горожан. Поэтому фигура купца могла бы действительно служить хорошим напоминанием для местной власти о необходимости заботы о гражданах, уважения к развитию предпринимательства в городе и крае. К месту сказать, отлитая в бронзу фигура купца непреднамеренно указывает ещё на одну проблему, характерную для города и требующую к себе самого серьёзного отношения. «Фактически Ставрополь превратился в торговый город, и эта его специфика только крепнет, несмотря на постоянные разговоры о создании всевозможных индустриальных парков и кластеров. Сегодня в городе обеспеченность торговыми площадями в 2,5 раза выше среднероссийского показателя. Кто объяснит, зачем Ставрополю такое количество торговых центров?» [3]. Действительно, чрезмерное предложение рабочих мест в торговле вынуждает часть выпускников университета (особенно имеющих гуманитарные и педагогические специальности) трудоустраиваться в сфере продаж.

О наличии противоречия между старым и новым свидетельствуют и другие примеры. Например, напротив так называемого в дореволюционном прошлом губернаторского дома (ныне здание городской Думы) многие десятки лет стоят бюс-

ты В. Ленина и К. Маркса, установленные в те далёкие времена, когда в здании располагался Ставропольский крайком партии. В результате существовало единое смысловое пространство: местная власть утверждала свою верность вождям и их учению, а вожди внимательно смотрели, чтобы у их последователей не возникали порочные идеи оппортунизма и ревизионизма. Теперь во власть пришли новые люди – могильщики марксизма-ленинизма, особенно в части отношения к общественной собственности. Вот почему ставшие теперь никому не нужными памятники вызывают у прохожих чувства стыда и печали. Быть может, их идеи ещё не погибли? И вожди ещё не утратили надежды на то, что придёт час расплаты за отступничество? Ведь не зря за их спинами, совсем неподалёку, находится бронзовая фигура сурового красноармейца с винтовкой – «образ страстного и целеустремлённого борца за справедливость», как сказано в путеводителе?

По-прежнему главным монументом в городе является памятник В. Ленину, вместе с окружающими его вооружёнными красногвардейцами. Именем В. Ленина называется сквер, расположенный рядом с площадью Ленина. В сквере им. Ленина в непосредственной близости установлены бюст Г. Лопатину (переводчику на русский язык «Капитала» К. Маркса) и статуя поэта Лермонтова. Рядом – драматический театр им. М. Ю. Лермонтова. Обрамляют площадь ул. Морозова, Артёма, Дзержинского. Уровень эклектики, смешения смыслов, культурно-исторических пластов настолько высок, что впору говорить об отрицательном воздействии такого ландшафта на поиск молодыми гражданами мировоззренческих ориентиров, о вероятности искажения системы жизненных ценностей, деформации эстетического отношения к действительности.

В городской среде есть зоны, в идеологическом и культурно-эстетическом отношении не способствующие формированию у учащейся молодёжи ясных представлений о прошлом и настоящем. На-

пример, здания Ставропольского строительного техникума находятся на территории бывшего городского кладбища, о чём напоминает воздвигнутый в честь Святой Великомученицы Варвары храм-часовня. Неподалёку – Крестовоздвиженский храм. Техникум расположен на пересечении улиц Комсомольской и Розы Люксембург. Рядом – улица Спартака (её протяжённость – всего лишь 380 м), на которой находится пивзавод. Неподалёку – улицы Дзержинского и Орджоникидзе. У входа в учебное заведение студентов, преподавателей встречают статуи М.И. Калинина и А.М. Горького. Остаётся только посочувствовать педагогическому коллективу техникума, вынужденному в воспитательной работе преодолевать трудности идеологического, духовно-нравственного и художественно-эстетического характера, прилагать немалые усилия, чтобы исключить возможность возникновения когнитивного диссонанса.

Указанные идеологические, культурно-эстетические противоречия и несоответствия, имеющие место в городских художественно-культурных ландшафтах, несмотря на наличие высокохудожественных произведений монументального искусства, не могут не оказывать отрицательного влияния на процесс формирования мировоззрения юных граждан, не способствуют адекватному восприятию и оценке исторического прошлого, препятствуют овладению достоверными и полными знаниями истории родного города.

Наличие в городском пространстве разнообразных по содержанию и художественно-изобразительным средствам исторических и культурных памятников позволяет педагогам организовать воспитательную работу с учащейся молодёжью по следующим направлениям:

воспитание на примере жизни и подвига ставропольцев – участников Великой Отечественной войны, других боевых действий, защите правопорядка, ликвидации катастроф;

воспитание уважения, интереса к истории Отечества, родного края, города, улицы, семьи;

воспитание бережного отношения к культурно-историческому наследию, к произведениям монументального искусства и природным ландшафтам; организация работы по их восстановлению и сохранению;

проведение профессиональной ориентационной работы, ознакомление с производством, воспитание уважения к труду;

формирование мировоззрения, эстетического отношения к действительности, эстетических идеалов, художественного вкуса;

формирование готовности к оценке художественной ценности произведения искусства, потребности к эстетическому наполнению окружающей среды (места проживания, школы, вуза); обращение внимания на эстетику быта и поведения.

В воспитательной работе могут быть использованы разнообразные методы и формы, позволяющие сочетать традиции и новации: экскурсии (в том числе и виртуальные), работа над проектами (исследовательскими, поисковыми, творческими), подготовка презентаций, создание медиатекстов в форме сочинения-сюжета и социальной рекламы, квест-игры (например, историко-географическая игра «Ставрополь – врата Кавказа»), Web-квесты (с использованием информационных ресурсов интернета) и другие новые организационных форм, содержание которых направлено на углубление знаний о родном городе, повышение интереса к изучению его истории, на развитие потребности в сбережении культурного наследия.

Успешность достижения педагогических целей можно оценить по итогам работы учащихся. Результатами творческого проектирования могут быть дизайн-проекты, проекты экскурсионных маршрутов, медиатексты, макеты, историко-культурные реконструкции, произведения прикладного искусства, компьютерные игры, инсталляции, плакаты, винтажные от-

крытки, рисунки, фотографии, видеоролики.

В настоящее время особенно значимым становится внедрение новых инструментов взаимодействия с учащейся мо-

лодёжью на базе открытых мультимедийных систем, виртуальных сред коллективного взаимодействия, интерактивного телевидения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арт-объект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mustartgallery.ru/monumental_art/85/ (Дата обращения: 15 января 2018).
2. Достопримечательности Ставрополя. Монумент «Ангел-хранитель города» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.openarium.ru/> (Дата обращения: 15 декабря 2017).
3. *Кржижановский А.* Казак и его брат купец // Газ. «Открытая», №36, 13.09 – 20.09. 2017 г.
4. *Неценко О.В.* Понятие «художественно-культурная среда»: необходимость введения в педагогику // Известия ВГПУ. – 2015. - №1(266). – С.79 – 84.
5. *Неценко О.В.* Художественно-культурная среда как ресурс воспитательной деятельности (на материалах современных отечественных гуманитарных исследований) [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2015. – Т. 8. – Вып. 1: Пространство и время образования. – Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov1_e-ast8-1.2015.43 (Дата обращения: 11 ноября 2017).
6. *Смолицкая Т.А.* Городской культурный ландшафт. Традиции и современные тенденции развития / Т.А. Смолицкая, Т.О. Король, Е.И. Голубева. – М., 2016.- 256 с.
7. *Чаблин А.* Атака на историю // Газ. «Открытая», №38, 27.09 – 04.10. 2017 г.

УДК 378

О. П. Мехонцева

г. Челябинск, Россия

**СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматривается специфика современного искусства. Проводится анализ программ по истории искусства образовательных учреждений художественной направленности. На основании выявленных при анализе недостатков, предлагается собственная программа внеурочной деятельности по современному искусству, которая способна расширить кругозор в этой сфере у студентов художественных специальностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: современное искусство, художественные практики, образовательные учреждения художественной направленности, история искусства, программа внеурочной деятельности

O. P. Mekhontseva

Chelyabinsk, Russia

**MODERN ART AS A SUBJECT OF STUDY IN EDUCATIONAL
ART-INSTITUTIONS**

ABSTRACT. This article discusses the specifics of contemporary art. The analysis of programs on the history of art of educational institutions of the art orientation is carried out. On the basis of the shortcomings revealed in the analysis, the authors propose a joint program of extracurricular activities in contemporary art, which is able to broaden the horizons in this field among students of art specialties.

KEYWORDS: современное искусство, художественные практики, образовательные учреждения художественной направленности, история искусства, программа внеурочной деятельности

Биеннале, многочисленные фестивали, форумы, выставки, проекты современного искусства в разных уголках мира свидетельствуют об особом интересе к тенденциям и проблемам современного искусства.

Существует несколько точек зрения относительно того, что собой представляет современное искусство. Первая – происходящие в искусстве изменения связывают с началом XX века, когда язык искусства от повествовательного (или литературного) переходит к изобразительности. Вторая – очерчивает границы этого феномена с 1960 по настоящее время. Именно в этот период возникает большое количество различных течений, движений (боди-арт, ленд-арт, минимализм, концептуальное искусство и др.) и новых жанров в искусстве. Происходит то, что известный критик Л. Липпард

назвала «дематериализация объекта искусства» [10, с. 25-26]. Она утверждает о связи дематериализации арт-объекта с изменением социально-политической позиции художника, товарного статуса произведения искусства и формы его репрезентации.

Осмысление искусства как профессиональной сферы творчества, которое удовлетворяет сложившимся в сообществе художников стандартам и является выражением эстетического, на сегодняшний день, спорно и неоднозначно, так как предполагается, что существует некий «мир искусства», представленный узким кругом специалистов: критики, художники, арт-дилеры, психологи и философы искусства. Именно они определяют то поле, на котором действуют определенные нормативы и методы оценки произведения искусства. Предмет, оказывающийся в этом

поле, должен получить признание права быть произведением искусства. Выявляется парадоксальность ситуации: художник середины XX века, с одной стороны, ориентирован на «мир искусства» и находится внутри него, с другой – он своим творчеством ломает представление об искусстве, задавая ориентиры для развития актуальных художественных практик.

Современное искусство начинается с момента необходимости дать теоретическое обоснование возникновения новых явлений в искусстве: «Без теории в коробке несомненно, едва ли можно увидеть искусство: чтобы узнать ее в качестве части мира искусства нужно как следует освоить эту теорию и изучить историю недавней нью-йоркской живописи. Коробка не могла бы стать произведением искусства еще полвека назад, как не могло быть, при прочих равных, страховки авиаперелётов в Средневековье или ластика для пишущей машинки у этрусков» [8, с. 40].

Современное искусство – переход от создания объекта искусства к созданию художественного события, которое интенционально задает поле, в котором происходит художественное событие. Интерес вызывает не сам объект, а комментарий, объясняющий творческий процесс художника. Изменяется не только произведение искусства, но и выставочное пространство, репрезентирующее его. Создаются нематериальные объекты. Появляется описание, которое функционирует вместо объекта искусства или практики какого-то действия, например, то, что делает Ричард Сера, когда ловит кусок металла (постоянное повторяющееся действие характерное для минимализма). Дж. Кошут говорил о том, что искусство – определение самого себя в поле искусства [11, с. 15-16].

На протяжении всего XX столетия меняется представление об искусстве: на первый план выходит символическая значимость предмета, его контекстуальное оформление, концепция художника. Помещая в музейное пространство, например, бытовой предмет (как это делал М. Дюшан с сушилкой для посуды и писсуаром), ав-

тор переключает своеобразный тумблер в голове зрителя и заставляет посмотреть на этот предмет не просто как на предмет быта, а как на символический объект. И это отличает современные практики искусства от ранее сложившихся представлений об изобразительном искусстве.

В Челябинске в качестве наиболее значимых учреждений, реализующих не только выставочную деятельность, но образовательную, выступает галерея «OkNo», главная цель которой состоит в содействии актуализации художественных процессов в г. Челябинск, в преодолении культурной изоляции, «включении» челябинского искусства в контекст современного искусства России и Запада. На базе галереи регулярно проводятся выставки современных художников, организуются мастер-классы, семинары на актуальные темы. Например, «Радикальные направления в современном искусстве», «Современное искусство в Интернет», «Подход современного художника к выстраиванию собственной выставки: комплекс средств подчеркивающих своеобразие предмета», «Contemporary art: Истоки, понятия, визуальный ряд» [2] и др. В качестве примера можно назвать образовательные курсы «Как разбираться в современном искусстве», проходящие в арт-отеле «Арбат» [6]; курсы, предлагаемые в Интернете: «Открытое образование» [4], «Arzamas» [3], «Лекториум» [7], «Универсариум» [5] и др. Получить представление о современном искусстве может любой желающий.

В образовательных учреждениях художественной направленности курсы, связанные с изучением искусства в его историко-культурной динамике, являются основой подготовки специалистов. Особое внимание отводится вопросам, связанным с актуальными и современными формами бытования искусства, его содержанием во второй половине XX – начале XXI века. В Южно-Уральском государственном институте искусств им. П.И. Чайковского на факультете изобразительного искусства феномен современного искусства является объектом изучения на таких специально-

стях, как 54.02.05 – Живопись, 54.02.07 – Скульптура, 54.02.02 – Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы, 54.02.01 – Дизайн.

Рассмотрение изобразительного искусства второй половины XX – начала XXI в. входит в рамки изучения предмета «История искусств» в программах, рассчитанных на несколько лет. Содержательно курс делится на два блока: «Искусство Западной Европы» и «Русское и советское искусство» [9]. В первом есть раздел «Искусство Западной Европы и США XX века», который и представляет для нас наибольший интерес. На изучение данного раздела выделяется 15 часов, из которых для изучения темы «Искусство авангарда» отводится 6 часов, где рассматриваются темы:

1. Периодизация искусства XX в. Предпосылки рождения нового искусства начала XX в. Термины «авангард» и «модернизм», их содержание.

2. Искусство авангарда начала XX века. Объединения и направления: неопримитивизм, фовизм. Главенствующая роль цвета в живописи. Анри Матисс. Экспрессионизм в Германии. Художественные принципы объединения «Мост». Группа «Синий всадник». Кубизм. Пабло Пикассо. Абстракционизм или беспредметная живопись. В. Кандинский. К. Малевич. Футуризм. Агрессивный характер манифестов: призывы к разрушению старой культуры, воспевание индустриальной цивилизации и апология машины как ее символа.

3. Искусство авангарда периода Первой мировой войны и 20-30-е годов. Художники - метафизики. Жорж де Кирико. Марк Шагал. Пауль Клее. Разнообразие стилей и методов воплощения сюрреалистической концепции в изобразительном искусстве. Хуан Миро. Рене Магритт. Сальвадор Дали.

4. Современное искусство от М. Дюшана к Э. Уорхолу. Дадаизм. Рауль Хаусман «Мысль нашего времени. Механическая голова». Отрицание традиционных ценностей гуманизма и человеческого дос-

тоинства. М. Дюшан. Поп-арт. Гамильтон. Том Виссельман. Класс Олденбург. Энди Уорхолл. Нео-поп (или «Шок поп-арт») 1980-х годов.

Тематически, на наш взгляд, период представлен не полно, так как автор программы, Зайкова Ю.А., останавливается на 1980-х годах, и большое количество направлений и авторов остаются за пределами изучения данной темы. Отсутствует информация, касающаяся специфики, характерных черт современного искусства, которые так важны для понимания художественных практик современного искусства.

В своей программе мы предлагаем более обширную панораму по истории зарубежного искусства второй половины XX – начала XXI вв. Основные темы блока посвящены различным течениям и направлениям в изобразительном искусстве этого времени: Абстрактный экспрессионизм (П. Мондриан, М. Ротко, Дж. Поллок и др.). «Новый реализм» (И. Кляйн, Ж. Тэнгли, Ж. Виллегле). Поп-арт (Э. Уорхол, Р. Лихтенштейн, Р. Гамильтон). Оп-арт (В. Вазарели, Б. Райли). Флюксус (Й. Бойс, Нам Джун Пайк). Минимализм (Д. Джадд и др.). Арте повера (А. Боэтти, М. Мерц). Лэнд-арт (Р. Смитсон, Христо, Н. Полисский). Концептуализм (Дж. Кошут, И. Кабаков, Д. Пригов). Гипперреализм (Г. Рихтер и др.). Боди-арт (М. Абрамович и др.). Видео-арт (Р. Серра и др.). Стрит-арт (Бэнкси и др.).

Остальные часы этого раздела отведены на изучение темы «Архитектура XX века» (2 часа), на самостоятельную работу, которая включает в себя подготовку к контрольному тесту по теме «Западноевропейское искусство XIX – начала XX вв.» (5 часов), а также на проведение итогового теста 2 часа.

На изучение Раздела «Русское и советское искусство», где есть блок, посвященный XX веку, отведено 21 час: «Искусство России 1917-1930 гг.» (2 часа), «Советское искусство 30-х гг.» (2 часа), «Советское искусство 40-80-х гг.» (6 часов), «Искусство конца 80-90-х гг. Сове-

менные тенденции развития искусства в России» (2 часа). На самостоятельную работу отводится 7 часов, на контрольный тест «Советское искусство» – 2 часа.

1. Искусство в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Плакат. «Окна ТАСС». Кукрыниксы, И. Таидзе, В. Корецкий и др. Живопись военных лет. А. Дейнека. А. Пластов. К. Юон, с. Герасимов. В.Д. Корин. Б.М. Неменский и др. Скульптура. Портреты В.И. Мухиной и С.Д. Лебедевой.

2. Искусство середины 1940-х – 1950-х годов. Культ личности Сталина. Постановления о журнале «Звезда» и «Ленинград». Живопись. А.И. Лактионов. Ю.М. Непринцев. Б.В. Иогансон. Т.Н. Яблонская. А.А. Пластов и др. Графика. Политический плакат. Б.И. Пророков. Кукрыниксы. В.Н. Горяев. Книжная графика, с. Герасимов. О. Верейский. А. Каневский. Д. Шмаринов и др. Скульптура. Н.В. Томский. В.Е. Цигаль. Л.Е. Кербель. Е.В. Вучетич. М.К. Аникушин. Архитектура. Создание проектов новых городов и строительство высотных домов в Москве.

3. Искусство 1960-80-х годов. Активизация художественной жизни. Первый Всесоюзный съезд советских художников. Первая Всесоюзная художественная выставка. Живопись. «Суровый стиль». Е.Е. Моисеенко. П.Н. Никонов. В.Е. Попков. В.И. Иванов и др. Многообразие национальных школ и стилевых направлений в живописи. 1970-80х годов Т.Г. Назаренко. А.Г. Ситников. О.В. Булгакова. Н.И. Нестерова и др. Монументальная живопись. Графика. Скульптура. Создание архитектурно-скульптурных комплексов, мемориалов. Г. Йокубонис, Е. Вучетич, М. Аникушин и др.

Как мы видим из содержания, рассматривая данный период истории русского искусства, автор делает акцент на официальном советском искусстве, не уделяя внимания альтернативным, неконформистским и другим неофициальным течениям и авторам, в круг которых входят Лианозовская школа (О. Рабин, Л. Кропивницкий и др.), группа «Двадцать московских

художников», студия «Новая реальность» (Э. Белютин и др.), направление «Московский концептуализм» (И. Кабаков, Э. Булатов, Д. Пригов, П. Пепперштейн и др.), группа «Новые художники» (Т. Новиков, Г. Гурьянов и др.) и многие другие. В то время как без рассмотрения их творчества невозможно приблизиться к пониманию современных тенденций развития искусства.

Художники в 1990-2000 гг. «говорят» на другом изобразительном языке, и специфика художественной реальности становится другой, требующей особых навыков ее восприятия и принципов общения с искусством.

На данный момент, содержание тем, предусмотренных для изучения по программам в Южно-Уральском государственном институте искусств, могло бы значительно расширить представление о феномене современного искусства.

Мы предлагаем программу внеурочной деятельности по современному искусству, в которой учитывается специфика и профессиональная ориентация студентов, сроком на один год. Программа включает теоретический блок, в котором представлены лекции по современному искусству, основные направления и имена художников; посещение музеев и галерей г. Челябинска, г. Екатеринбурга («OkNo», «Екатеринбургский музей изобразительного искусства», «Музей наивного искусства», «Художественный музей Эрнста Неизвестного», «Уральский филиал ГЦСИ», «Екатеринбургская галерея современного искусства» и др.); дискуссии на темы: «Что можно назвать произведением искусства?», «Морально ли искусство?», «Может ли искусство нарушать уголовный кодекс?» и т.д. Также все теоретические знания подкрепляются опытом просмотра выставок современного искусства.

Основное внимание программы уделено практической и проектно-исследовательской работе, в ходе которой студентам предоставляется возможность сделать работы в той или иной стилистике, в разных техниках, с которыми они позна-

комились на теоретических лекциях по истории искусства второй половины XX – начала XXI в. Акцент делается именно на концептуальной составляющей современного искусства – выражении своего концепта или идеи посредством изобразительных средств. Также предложены темы для проектов, например, создание концепции выставки, проект арт-объекта в пространстве города, создание произведения искусства. У студентов есть возможность предложить собственную идею проекта, который будет являться завершающим этапом прохождения всего курса.

Таким образом, благодаря курсу внеурочной деятельности по современному искусству студенты художественных специальностей познакомятся с большим количеством теоретической информации, научатся разбираться в специфике данного феномена, сформируют собственное мнение по поводу современного искусства, а на уровне практической деятельности получат опыт создания арт-объектов в современных техниках и практиках, а также получат возможность заняться проектно-исследовательской деятельностью и реализовать свою идею в рамках этого курса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dickie G. Art and the Aesthetic. An Institutional Analysis.* New York, 1974. P. 34.
2. Галерея «OkNo» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oknogallery.ru/ru/about/workshops.html> (дата обращения: 20.03.2018).
3. Arzamas История, литература, искусство в лекциях, шпаргалках, играх и ответах экспертов: новые знания каждый день. [Электронный ресурс]. – URL: <https://arzamas.academy/>
4. Открытое образование [Электронный ресурс]. – URL: <https://openedu.ru>
5. Универсариум: Межвузовская площадка электронного образования [Электронный ресурс]. URL: <https://universarium.org/> (дата обращения: 25.03.2018).
6. Арт-курсы [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/@art.courses74-raspisanie-meropriyatii-fevral> (дата обращения: 25.03.2018).
7. Лекториум: Онлайн-курсы и медиатека видеолекций на русском языке. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.lektorium.tv/>
8. Данто А. Мир искусства. – М.: Ad Marginem, 2017. – 64 с.
9. Зайкова Ю.А., Пивоварова Н.Е. Программа учебной дисциплины. ОД.02.03. История искусств// ГБОУ ВО «ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского», г. Челябинск. – 2017. – 150 с.
10. Интервью с Люси Липпард// Ханс Ульрих Обрист. Краткая история кураторства. – М.: Ad Marginem, 2012.
11. Кошут Дж. Искусство после философии/ Пер. с англ. А.А. Курбановского// Искусствознание. – 2001. - №1. [Электронный ресурс]. – URL: http://contemporary-artists.ru/art_after_philosophy.html

УДК 378.637(470.5)

Л. Я. Рубина

г. Екатеринбург, Россия

ВЗАИМОСВЯЗЬ ГУМАНИЗАЦИИ И ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ ЛИДЕРСТВА В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются особенности лидерства в педагогическом образовании в единстве двух процессов – гуманизации и технологизации образования. Ее цель – показать, что их связь не может быть дилеммой, как не может быть таковой связь воспитания и обучения. Это взаимосвязь по своему характеру является дихотомической. Она проявляется в сложном, противоречивом единстве двух сторон единого процесса развития, направленного на утверждение лидерского статуса педагогического образования.

В отличие от традиционных подходов, лидерство этого образования рассматривается в рамках кластерной модели его функционирования и раскрывается на опыте деятельности УрГПУ в качестве центра регионального педагогического кластера.

Институциональный подход к лидерству дополняется анализом выделенных проблем на личностном уровне. В личности руководителя отраслевого вуза сочетаются лидерство административное и профессиональное. Уточняется содержание понятия «современный лидер», выделены особенности его ролевого поведения, связанного с принятием и реализацией решений. Проблемы выявления и развития лидерских качеств студентов педагогического вуза рассматриваются с точки зрения их интереса и готовности к специфическому виду труда, частью которого является необходимость выявлять и использовать лидерский потенциал своих воспитанников. Нынешним выпускникам педагогического вуза предстоит работа с непростым поколением, которое не только по-иному овладевает новыми знаниями и технологиями, но отличается иной совокупностью жизненных ценностей. Практика реализации лидерских программ, ее содержательная и технологическая обеспеченность, усиливает интерес к профессии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лидерство в образовании, отраслевое лидерство, современный лидер, культура лидерства, дихотомия гуманизации и технологизации

L. Ya. Rubina

Yekaterinburg, Russia

INTERCONNECTION OF HUMANIZATION AND TECHNOLOGIZATION OF LEADERSHIP IN PEDAGOGICAL EDUCATION

ABSTRACT. The article deals with peculiarities of leadership in pedagogical education in the unity of two processes – humanization and technologization of education. Its aim is to show that their unity cannot be a dilemma, the same as the relationship between upbringing and education cannot be a dilemma either. This relationship is basically a dichotomy. It is revealed in the complex controversial unity of two aspects of the common process of development aimed at establishment of the leading status of pedagogical education.

In contrast to the traditional approaches, the leadership of this education is considered in the framework of a cluster model of its functioning and is described on the experience of the USPU activity as the center of the Regional pedagogical cluster.

The institutional approach to leadership is accompanied by the analysis of the problems under study on the personality level. Here, the dichotomy of interaction between humanization and technologization in pedagogical education is revealed via the activity of its subjects. The personality of the administrator of the leading industrial higher education institution should combine administrative and professional leadership. The notion of the “modern leader” is further specified; we also

determine the peculiarities of his/her role behavior associated with decision making and goal achievement. The problems of revealing and developing the leadership properties of future teachers are looked upon from the point of view their interests and readiness to carry out professional activity presupposing the need to discover and use the leadership potential of their future pupils. The contemporary graduates of pedagogical higher education institutions face future work with a generation far from being simple, who do not only master new knowledge and technologies in a different manner but also possess a different set of life values. The practice of realization of leadership programs, organization of pedagogical classes and pedagogical internship enhances interest towards the pedagogical profession and reinforces the corresponding motivation.

KEYWORDS: pedagogical education; leadership; leadership properties; leadership culture; dichotomy of humanization; dichotomy of technologization

Нет такой сферы жизни общества, формы социальной деятельности, в которой не заявляет о себе феномен лидерства. И нет такой области гуманитарного и естественно-научного знания, где его многообразные проявления не привлекли бы внимания в качестве предмета теоретических, а чаще прикладных исследований. Об их результатах свидетельствует обширная источниковедческая база.

Подробно исследованы теоретические, методологические, практические проблемы вообще и в образовании, в частности. Осуществлены типологии моделей и стилей лидерства, определены лидерские функции, роли, личностные качества, предложена их возможная классификация в зависимости от статуса лидера в той или иной общности, по содержанию и характеру деятельности, ее направленности и другим основаниям. При этом использовались различные концептуально-теоретические подходы, нередко противоречащие друг другу и требующие выбора. Нет смысла воспроизводить весь концептуальный запас, ибо к любому из обозначенных аспектов лидерства можно добавить еще один набор качеств, ролей, стилей, функций и доказать их необходимость.

Этот арсенал потребовался и был освоен в работе творческой группы ученых и преподавателей Уральского государственного педагогического университета (УрГПУ) еще в начале 90-х гг. XX века, проявивших интерес к проблемам лидерства в образовании и реализовавших его в совместной работе с коллегами из Северо-

Восточного Иллинойского университета в США [11]. Результаты проделанной работы не утратили актуальности, и порою кажется странным, что обозначенные четверть века назад противоречия, проблемы, программы по развитию лидерского потенциала в образовании, требовавшие их разрешения, реализации, живы по сей день.

Нелишне вспомнить, что в начальный период нашего сотрудничества с зарубежными коллегами приходилось разъяснять название нашего вуза – педагогический университет. В США, как и в большинстве европейских стран, реализуется академическая модель подготовки педагогических кадров на основе уже имеющегося у студентов образования, полученного в бакалавриате и магистратуре. В российском образовании отраслевая модель имеет глубокие исторические корни и является преобладающей. В Европе в последней трети XIX в., к примеру, в Германии, Франции, были педагогические колледжи или лицеи, которые то преобразовывались в профессиональные университеты, то закрывались, а через какой-то период возрождались в силу практической потребности.

Среди проблем лидерства, которые решались в последние десятилетия реформации и модернизации системы образования в нашей стране, выделим те, которые актуализированы современным этапом развития этой сферы. В центре внимания педагогическое образование оказалось не случайно. От его качества зависит уровень образования в целом, а от него – совокупный индекс человеческого потенциала.

Одна из таких проблем заключается в том, что само развитие педагогического образования связано с перспективами и соответствующей стратегией развития всего российского общества. Как известно, «озвучиваются» как минимум четыре сценария: «устойчивое развитие», «догоняющее развитие», «лидерство в развитии» и «особый путь».

Устойчивость, стабильность – пока на уровне стремлений и надежд. Концепция особого, своего пути идет от веры в нашу сингулярность (единственность, неповторимость), особенно когда у нас что-либо из задуманного не получается. Вариант лидирующей позиции в движении к общему будущему озвучивается властными структурами, но в общественном мнении, в разных дискурсах, в том числе научных, подвергается сомнению. Причина – в масштабах нашего отставания, которое связано не только с грузом накопленных в прошлом проблем, но и с их нарастанием в настоящем: отставанием в новых отраслях (нанотехнологий, нанокompозитов, геномной инженерии), в сфере информационных технологий, в инфраструктурном обеспечении быта и социальной сферы.

Остается в качестве более вероятного этап догоняющего развития, который в конце XX в. успешно прошли такие страны, как Япония, Сингапур, южная Корея, Таиланд, Китай, заимствуя научный и технологический опыт более развитых государств, привлекая инвестиционный капитал, преобразуя всю инфраструктуру. Этот наиболее предпочтительный вариант не означает простого повторения опыта других. Он предполагает необходимость новых исследований, приглашения ведущих специалистов из других стран и не исключает возможности обгонять их на тех направлениях, где есть ресурсы, реальное новаторство, «прорывы в будущее».

Если рассматривать педагогическое образование в контексте будущего, то, на наш взгляд, именно оно предполагает *развитие по модели лидерства*. В сфере образования оно выступает в роли лидера – локомотива, который *везет*, компаса, ко-

торый *ведет*, и барометра, который *предсказывает*.

Другая проблема связана с тем, насколько действенна и подкреплена реальным опытом именно такая модель развития педагогического образования. Мы исходим из того, что в функционировании лидерства есть отраслевая специфика. В данном случае она отчетливо выражена в смыслах, содержании, целенаправленности деятельности на институциональном и личностном уровнях.

Эта специфика подробно описана в психолого-педагогической литературе [3,12,24], философии и социологии образования, культурологии, правоведении [5,6,7,11,14,16,23].

Особенность института педагогического образования в том, что он готовит кадры педагогических работников для системы общего и профессионального образования, включая высшее, для других сегментов социальной сферы, а также педагогов для самого себя, т.е. «его можно с полным основанием назвать редкой регенерирующей системой» [6; с.60]. В рамках такого образования раньше других появляются новые подходы и технологии в воспитании и развитии новых поколений, а новое научное знание преломляется в связи с потребностями школы, особенностями возраста обучающихся и становится «образовательным знанием» [6; с.60].

Ключевым словом для понимания и разрешения споров о первичности обучения, развития, воспитания, формирования, становления личности все чаще становится культура. Именно культура лидерства, культура вузовской среды характеризует его отраслевую специфику, позволяет избежать в подготовке специалиста как профессионального дилетантизма (знать по-немногу обо всем), так и избыточной педагогизации деятельности в учебное и внеучебное время, что чревато «профессиональной зашоренностью».

Обратим внимание, что речь здесь идет не о культуре в ее широком смысле – как о всем, созданном мыслью и трудом человека, обо всем «возделанном» им.

Термин «воздвигать» в классических и современных запасах слов применительно к человеку не употребляется. У В. Даля есть другой – «взрастить», «взрастить» [Т.3; с.200], связанный с этапами становления, роста, развития человека. Буквально это означает «...расти в молодости, достигать постепенно полного роста, величины, силы, мужать, близиться к полному развитию...», а для этого необходимо «пещись о возвращении, о насыщении потребностей молодого, незрелого существа, воспитывать и научать, поселять в нем нравственные качества и укреплять их» [там же].

Отсюда представление о *синтезе воспитания и обучения на разных этапах филогенеза личности от младенчества до старчества*, которых современные специалисты насчитывают от пяти до дюжины. Отсюда же и вывод об институте педагогического образования как о специфической форме организации деятельности по подготовке работников для всех уровней и форм образования, нацеленных на придание «образа» личности.

В региональной системе подготовки таких специалистов участвуют не только педагогические колледжи, лицеи, институты, университеты, но и классические университеты, и вузы непедагогического профиля, реализующие общеобразовательные программы и модули. Складывается *региональный кластер педагогического образования* [9,13,19].

Кластерная модель обеспечивает:

- 1) лидерство в образовательных программах (предлагаются именно те образовательные программы, которые наиболее адекватны современным требованиям, соответствуют ожиданиям работодателей и потребностям регионального развития, опираются на системный анализ потребностей в педагогических кадрах для региона)
- 2) лидерство в научных программах (направления научных исследований и деятельность научных школ реализуют задачи внедрения инноваций в образование)
- 3) лидерство в социально-культурном плане (развивает интеграцию и межведомст-

венное взаимодействие для развития культурно-образовательной среды города/региона/страны)

- 4) лидерство в профессиональном плане (обеспечивает обучение студентов по педагогическим направлениям в том числе в непедагогических вузах).

Почему отраслевой педагогический вуз может быть лидером, центром такого кластера? Как показал опыт деятельности УрГПУ в качестве региональной площадки по теме «Инновационные кластерные модели развития педагогического образования», это стало возможным благодаря тому, что на протяжении своей 80-летней истории он ни на шаг не отступал от стратегии развития, поэтому и сегодня, *в непростых современных условиях*:

- а) обеспечивает функционирование этого кластера как особой среды взаимодействия и сотрудничества на своей площадке образовательных учреждений разного уровня и педагогов для реализации идей инновационного развития территории;
- б) обеспечивает преемственность в системном функционировании уровней образования «школа – СПО – вуз – послевузовское образование», используя для этого новые модели и сетевое взаимодействие;
- в) позволяет решать организационные проблемы взаимодействия внутри системы образования, охватывая через сетевое взаимодействие все его уровни от профориентации в школах и СМИ, педагогических классов, педагогической интернатуры, ФППКВК до поствузовской подготовки и переподготовки;
- г) делает возможным использование единого информационного поля в области обучения и воспитания, опираясь на современный уровень технологизации и цифровизации этой сферы;
- д) вносит ощутимый вклад в формирование современной региональной элиты – интеллектуальной, информационной, культурной, политической.

Совокупность обозначенных и реализуемых возможностей не является простой декларацией. В жизнедеятельности УрГПУ она воспринимается как условие

реализации идей, заложенных в стратегии развития Свердловской области, и имеет общую направленность на повышение эффективности системы подготовки педагогов с устойчивой мотивацией на педагогический труд, на самореализацию в сфере образования.

Элементами такой системы стали педагогические классы, педагогическая интернатура, ресурсный «Центр гражданско-патриотического воспитания учащейся молодежи». Курируют и расширяют масштаб этой работы структурные подразделения ведомства первого проректора – проректора по учебной работе профессора С.А. Минюровой, в частности, Лаборатория региональных образовательных проектов под руководством профессора И.Я. Мурзиной [см. раздел «открытый педагогический университет» на сайте ugl-patrius.ru].

Педагогические классы – это программа дополнительного образования школьников, формирования их мотивации на дальнейшую самореализацию в педагогической профессии.

Цель таких выпускных классов – поддержка целенаправленной педагогической ориентации обучающихся, устойчивого интереса к этой деятельности и одновременно выявление с помощью современных методик и технологий степени пригодности к ней. Работа в этом направлении требует расширения партнерских отношений с муниципалитетами. Без их поддержки вряд ли удалось бы за короткий срок открыть на договорных началах около десяти таких классов. Данная форма в очередной раз убеждает, что развитие коммуникативных и других лидерских качеств, важных для самореализации в системе «человеку-человек», необходимо стимулировать в более раннем возрасте.

Проверкой степени сформированности не только интереса, готовности, но и способности работать по профессии к моменту окончания вуза может служить **педагогическая интернатура**. Термин понятный, хотя в какой-то мере условный: в Законе об образовании его нет, медицин-

ская интернатура как поствузовский период практик на рабочем месте ушла в прошлое. В нашем университете – это образовательная программа, включающая в себя систему практик (стажировок) на базе школ-партнеров для студентов-бакалавров 3 курса, обучающихся по направлению подготовки УГСН «Образование и педагогические науки».

Проект имеет целью приведение структуры, содержания, технологий подготовки в соответствие с утвержденным профессиональным стандартом педагога и новыми федеральными стандартами школьного образования. Он реализуется в формате основной образовательной программы – факультативного теоретического курса и альтернативной формы живой практики в течение учебного года. Параллельная модель теоретической и практической подготовки в рабочих условиях позволяет формировать профессиональное мышление, профессиональные компетенции в единстве знаниевого (компетенция вуза) и деятельностного (компетенция школы) компонентов обучения. Каждый студент может серьезно проверить себя с точки зрения самочувствия в школьном климате и перспектив пребывания в нем. Отношения с наставниками и коллегами по будущей работе помогают и в трудоустройстве.

Эти примеры приведены не для демонстрации побед и достижений, а для того, чтобы показать эвристические возможности использования в практике педагогического образования современных технологий, учитывая не только их новизну, но и изменчивость.

Кластерная модель организации образовательного пространства позволяет выстраивать взаимоотношения его субъектов разного уровня и оценивать процесс его развития с точки зрения гуманизации и технологизации. Осмысление этих процессов нередко требует определенного противостояния упрощенному мышлению по принципу **дилеммы – выбора** «или – или» между противоположностями. Общественному мнению этот стиль демонстрируется

в многочисленных дебатах, ток-шоу, курсах с помощью СМИ, в которых непременно участвуют свой – чужой, добрый – злой, патриот – очернитель, ретроград – модернист и т.д.

В дискуссиях о реформации и модернизации образования к задачам **гуманизации** и **гуманитаризации** образования (в плане более углубленной подготовки по человеко- и обществоведению, развития нравственной, исторической, лингвистической, коммуникативной культуры) добавилась его **технологизация**, неизбежная в информационном обществе, их стали нередко сравнивать и противопоставлять по принципу дилеммы. По мере вхождения в рыночные отношения и усиление внимания к образованию как услуге появилась дилемма «гуманизация или коммерциализация». Уже на слуху новый выбор: «гуманизация или киборгизация», «гуманизация или цифровизация».

В педагогическом образовании упрощений быть не может по определению, ибо обучение и воспитание (вспомним «возвращение личности») есть две взаимообусловленные стороны единого образовательного процесса. Даже сверхновые технологические средства, необходимые для его оптимизации, не могут иметь иных целей, кроме маленького или большого человека, полноценной, самоценной, свободной личности. Они как цель и средства, как содержание и форма связаны дихотомически: как раздвоение единого, при котором одна сторона без другой невозможна. Они должны быть сбалансированы, гармонизированы. Как не имеет права технологизация стать бесчеловечной, так, со своей стороны, гуманизация не может быть абстрактной, необеспеченной технологически.

Еще одна проблема лидерства может быть рассмотрена с точки зрения соответствующего потенциала представителей тех групп, которые являются субъектами взаимодействия в институте педагогического образования: представителей управленческого аппарата, преподавателей, обучающихся всех уровней, учителей, дирек-

торов школ, а также руководителей структур, заинтересованных в результатах этого образования.

Проще всего начать с личности ректора вуза, чья статусная позиция предполагает нормативный набор функций, который воспроизводится как извне, от вышестоящих структур, так и внутри учреждения и связан с вертикалью власти. Его лидерство – синоним руководства, управления, для чего требуются интеграция лидерских функций, направленных на создание безопасной во всех смыслах внутренней среды, ресурсное обеспечение, сохранение здоровья обучающихся и сотрудников, выстраивание команды, стимуляция ее деятельности и т.д.

Ему приходится исполнять весь ансамбль управленческих практик для налаживания отношений с разными категориями работников, нахождения общего языка с людьми при всем разнообразии их характеров и интересов. Кажется общим местом, что практика интерактивных взаимодействий, сотрудничества лучше всего выстраивается на механизме доверия, понимания смысла общих действий и умения учиться у других.

Когда в реальном управлении конкретным учреждением в силу недостаточно доверительных отношений и взаимопонимания в его когнитивном (знание кому, что и почему нужно делать) и эмпатийном («почему Вы не входите в мое положение») смыслах, возникают конфликтные ситуации, лидеру приходится использовать не только властный ресурс, но и педагогические средства воздействия.

Механизм доверия предполагает наличие взаимной ответственности. Ответственность лидера педагогического вуза – не просто его личная ответственность за результат, она многоэтажна: он отвечает за судьбы не только других членов своей команды, но за судьбу не простых обучающихся, а тех, кто сам будет «делать людей людьми», определять судьбы детей, учащихся, студентов, целых поколений, включающихся в жизнь. Поэтому лидерство административное неизбежно сопряже-

но с профессиональным, с потенциалом авторитета, с механизмами влияния – следования [22]. Для субъектов-последователей харизматичность лидера определяется не крутизной выученностью, а органичностью и естественностью поведения.

В наборах лидерских качеств управленца и профессионала без такого статуса много общих, общеобязательных умений, компетенций, но есть и нюансы. К примеру, есть умение одного создать команду, обладая широтой и перспективностью мышления, и есть более глубокая погруженность другого в какую-либо предметную область, его творческая независимость. Тем не менее руководителю вуза необходимо сочетание управленческих качеств с компетентностью как специалиста в той сфере, которой он руководит.

Нелишне вспомнить, что функционирование УрГПУ в режиме развития, работа коллектива на опережение в течение многих десятилетий стало возможным потому, что во всей его истории ректорский корпус всегда был представлен профессионалами в своей области, что позволяло им принимать и проводить в жизнь обоснованные решения. И личность лидера в обеспечении эффективной деятельности вуза играла решающую, даже большую роль, чем хорошо налаженная структура.

В современных условиях университету – лидеру кластера педагогического образования удастся, как и раньше, работать на будущее, на опережение, реализуя Стратегию развития и Программу деятельности до 2020 г., подкрепленные комплексом целевых программ и проектов по всем направлениям деятельности [8,10,15,20,21]. В руках ректора немало инструментов, используемых для принятия решений и контроля за их выполнением. Прежде всего, это четкое распределение полномочий между управленческими структурами – ученым советом, собственно ректоратом, отделами правового, кадрового, организационного, нормативно-документационного обеспечения управленческой деятельности, собранием трудо-

вого коллектива и др. Действует дорожная карта, в которой определены совокупность задач для каждого из этапов выполнения Программы до 2020 г., просчитаны ресурсное обеспечение, возможные внутренние и привходящие риски. Предусмотрен и осуществляется ежегодный мониторинг выполнения показателей, определенных и конкретизированных по каждому направлению деятельности, для обязательной корректировки планов.

Чтобы любой инструмент работал в полную силу, требуется повседневное внимание лидера к кадровому составу руководителей всех сегментов управления с точки зрения их работоспособности, ответственности, инициативности, готовности к изменениям. Без такой команды современному лидеру трудно осуществлять любые преобразования, важные для выполнения новых требований, особенно если они касаются структурных изменений, в необходимости которых все действующие лица должны быть убеждены.

Теоретически он должен уметь все: прогнозировать, проектировать, моделировать, мотивировать, контролировать, казнить и миловать... Принимать решения предсказуемые, взвешенные, обоснованные, непротиворечивые и делать быстро, как требует век скоростей. Это становится затруднительным, особенно в условиях незавершенности и небесспорности модернизационных инноваций, когда в нормативных документах, стандартах, предписаниях любые перемены трактуются как радикальные, кардинальные, масштабные и т.п.

В одном из таких довольно пессимистических документов – «Концепции федеральной целевой программы развития образования в 2016-2020 гг.» [10] есть предупреждение, что если таких «кардинальных» изменений к 2018 году не будет, к примеру, если проектно-целевой подход не вытеснит программно-целевой, то наше образование, оказывается, «начнет отставать от развитых стран...» Стало быть, пока еще не отстают? Причем тогда радикализм в изменениях? И какие, в таком слу-

чае, нужны лидерские решения, чтобы в педагогическом образовании оно не наступило? Как быть ректору такого вуза, как УрГПУ, где проектный подход является функцией управленческих структур, где действует лаборатория региональных образовательных проектов? Ему приходится учитывать и правильно оценивать инерционность системы образования и ее способность мутировать под любые «требования свыше».

Включаясь в практику быстрых и радикальных изменений, руководитель вуза, работающего по сценарию лидерского развития, идущего на опережение последовательно, поэтапно, рискует тем не менее оказаться недостаточно современным.

Что же вообще означает «быть современным», тем более «достаточно»? общепринятое представление – участвовать в непрерывном осовременивании своей сферы деятельности, участвовать в ее модернизации, которая продолжается почти два десятилетия. И руководитель вуза – локомотива в этом процессе, всегда будет современным. Особенно если в силу укрепления связи образования с наукой и бизнесом ему удастся, не переставая быть ученым, стать и менеджером и маркетологом. Да еще если он не побоится не только модных слов, но и практик, освоит хаджетирование, таргетирование, бенчмаркетинг, фандрайзинг, научится бороться с симулякрами, с имитационной деятельностью, то успех ему обеспечен.

В качестве извинения за некоторую ироничность обратим внимание на этимологические тонкости и неопределенность в самом понятии «современный». В английском языке есть два слова для обозначения типов современного лидерства: **modern** – в значении новый, иной и **contemporary** – современный, одновременный, совпадающий во времени. Оба термина не являются атрибутивной характеристикой лидерства, а лишь обозначают его связь с исторической эпохой, этапами ее развития, от которых и зависят его качества.

Лидер эпохи модернити отвечает требованиям социальной системы, воз-

никшей в период становления национальных государств и индустриального типа культуры. Лидер-педагог в этом смысле – носитель и транслятор знаний и ценностей культуры, незыблемый авторитет, его саморазвитие определяется путем самообразования в различных сферах жизнедеятельности наличной системы. *Лидер эпохи контемпорари* отвечает требованиям «текущей современности», выступает как фасилитатор, готовый слушать и слышать меняющийся объективный мир и духовный мир своих воспитанников, главные его ценности – саморазвитие и творчество, чего он добивается и у тех, чья судьба ему доверена. Их нельзя сопоставлять в дилемме «лучше – хуже» и делать предметом выбора, типология предопределена эпохой.

В словаре В. Даля нет понятия «модерн», «модернизм», которые в современных языках используются, в основном, применительно к искусству, моде, стилю. Художника-модерниста в самом ярком проявлении назовут великим творцом, даже гением, но не лидером, в лучшем случае – Учителем. Понятие «мода» есть в классическом словаре русского языка, оно определяется как временная прихоть в чем-либо. Есть и «современный», которое истолковывается как одновременный, отсюда «современник» – всего лишь сверстник, в одно время с нами живущий [Т.4, с.256].

В этом смысле лидеры в сфере политики, бизнеса, культуры, здравоохранения, образования могут иметь среди своих современников-сверстников аналогичного статуса реформаторов и ретроградов, консерваторов и преобразователей, охранителей традиций и инноваторов. Их отношения даже в одной сфере складываются и реализуются в диапазоне от мира до войны.

Достаточной степень современности лидера становится тогда, когда он, идя в ногу со временем, с высоты своего статуса возглавляет модернизационный процесс во вверенной ему сфере, реализует инновации как футурист, имеющий в голове образ будущего. При этом он не «сбрасы-

вает с парохода современности» те традиции, которые уже сложились в практике педагогического образования и эффективность которых подтверждается современным образом жизни вуза.

Приведем пример из опыта УрГПУ, где в течение многих лет разрабатывался и был реализован инициативный проект «Педагогические династии». Он сыграл важную роль с точки зрения преемственности поколений в воспитательной работе внутри университета, в повышении престижа и привлекательности педагогической профессии в момент выбора пути самоопределения молодежью после среднего образования.

К нему есть смысл вернуться и рассмотреть эффект династичности в новом ракурсе – в качестве ресурса социальной мобильности и с точки зрения профессиональной идентификации, соотнесения уровней идентичности у разных поколений той или иной династии. Идентификация, причисление себя к той или иной группе, отождествление с ней зависит от социального самочувствия личности, от ощущения человеком своего места в профессиональной группе и места самой группы в обществе в тот или иной период развития.

Первые зримые результаты наступления цифровой эры уже свидетельствуют о нарушении преемственности поколений, поскольку новые поколения все реже пользуются опытом родителей, уверены в своей уникальности, «самости», ищут другие способы самоопределения, жизнеутверждения. Проверить причинно-следственные связи в происходящем, понять, глубинные ли это ценности или ситуативная реакция на реалии, можно с помощью социологического мониторинга судеб представителей педагогических династий.

Подобным образом можно использовать потенциал многих других успешно реализованных проектов, не утративших своего смысла. И тогда не будет оснований упрекать лидера ни в забвении традиций, ни в том, что он смотрит в будущее с назад повернутой головой. Он станет бесспорно

современным в полном смысле этого слова.

В вопросе о лидерском потенциале других субъектов взаимодействия в педвузовском образовании мы не будем затрагивать группы педагогических работников вуза и учителей, потому что он требует особого внимания и заслуживает подробного анализа. Во-первых, потому что никто не отменял постулата «воспитатель сам должен быть воспитан» и среди его качеств приоритет всегда отдается мудрости. Во-вторых, сегодняшние научные и другие дискуссии вокруг личности таких работников достигли небывалого накала страстей, который сопровождается оргвыводами. В-третьих, именно им в совершенно новых условиях приходится реагировать действием раньше и быстрее других, быть своего рода спасателем. Есть также в-четвертых, в-пятых и т.д.

Поэтому обратимся к тем, на кого направлено их обучающее, развивающее, воспитывающее воздействие, весь креатив. В поле нашего внимания студенты педагогического университета, его выпускники, которые должны не только сами обладать лидерскими качествами, но и научиться выявлять и развивать их у своих воспитанников.

О специфике этих групп можно судить, опираясь на многочисленные психолого-педагогические, социально-педагогические, социально-философские, социологические исследования.

Студенты, обучающиеся по профильным программам, уже на уровне бакалавриата проявляют особую активность в живых коммуникативных практиках типа волонтерской деятельности, стройотрядовского движения (где есть особые педотряды), разнообразных дебатах и др. Раньше других они познают особенности профессиональной деятельности, ее плюсы и минусы, имея перед глазами живой пример своих наставников. Методом «включенного наблюдения» (как сказали бы социологи) за поведением вузовских педагогов, вне зависимости от учебного предмета, примеряют на себя предписанные этому

статусу роли, перенимают модели поведения в отношениях со студентами, коллегами, начальником, впитывают как позитивный, так и негативный опыт. Последний, кстати, они сейчас даже фиксируют с помощью гаджетов, делают ролики и выкладывают в сети для обсуждения.

В результате реализации предложенных лидерских программ уже у бакалавров формируются необходимые компетенции, главные из которых – креативность, критическое мышление, коммуникативность, командность в выполнении задач, особенно в практической деятельности. Их совокупность, по мнению педагогических работников и управленческих структур, вполне отвечает требованиям стандарта и адекватна потребностям регионального рынка труда по количеству и качеству.

Проблема в том, что она не всегда совпадает с требованиями работодателя. Все понимают, что сегодняшний директор школы ждет не «ботаника с красным дипломом», а специалиста, способного оперировать запасом знаний и компетенций в решении стандартных и нестандартных практических задач, при этом обладать хорошей ориентацией в современном мире, обладать широтой и концепциальностью мышления, умением налаживать связи внутри и вне организации. Но на деле он, как показали наши исследования, более конкретен и краток: дайте того, кто располагает такими качествами, как корпоративность, креативность, имеет опыт работы и качественное образование. И если выпускнику на собеседовании удастся показать наличие первых трех, то он получит желаемое место вне зависимости от того, какое учебное заведение окончил.

Пока усложнение допуска к профессиональной деятельности предполагается путем введения итогового экзамена на пригодность к ней. Этот фильтр может привести к еще большему дисбалансу между квалификационными характеристиками выпускников и требованиями работодателя. Нет сомнений в том, что он предпочтет – хорошую оценку за этот экзамен

или наличие опыта педагогической деятельности.

Вопрос о накоплении профессионального опыта в вузовский период проблематичен. Значительная часть студентов очного, тем более заочного обучения совмещают работу с учебой или учебу с работой чаще всего не по специальности. Для трудоустройства этот вопрос настолько важен, что нынешний Министр образования и науки обратилась к работодателям в образовательной сфере с предложением не применять критерий опыта в качестве показателя степени готовности претендента на специфический труд, результат которого имеет характер отложенного, отдаленного, а не ситуативного.

Может ли молодой специалист, даже подготовленный по специальным лидерским программам, проявивший в вузовский период соответствующие способности, стать лидером в профессиональной деятельности и не стесняться своих претензий на соответствующее место?

В УрГПУ вопрос о трудоустройстве и профессиональной мобильности будущих специалистов постоянно в центре внимания. Отслеживаются сферы востребованности выпускников разных институтов и факультетов, усвоивших разные образовательные программы, их фактическая занятость, где и в каком качестве они уже работают. Фиксируются результаты карьерного роста, реализации лидерского потенциала. Системность этой деятельности вуза дает реальные результаты трудоустройства. Ежегодно находят место приложения своих сил практически все выпускники, в том числе не менее 60% по профилю подготовки. Но это не означает что риск невостребованности остается в прошлом и исчезнет беспокойство студентов по этому поводу.

С учетом этого особое внимание обращено на сохранение связи университета с выпускниками, предоставление возможности участия в инновационных вузовских проектах, освоения смежных профессий и областей педагогической деятельности, повышения квалификации на

своей площадке, где обеспечено их взаимодействие с профессиональным педагогическим сообществом.

Мы имели возможность рассмотреть подробно на материалах исследований социальный потенциал магистратуры с ее контингентом, неоднородным по уровню и профилю предшествующей подготовки, разнообразием мотиваций на выбор этой ступени, с опытом работы или без него [16,17].

За двухлетний срок обучения в магистратуре академической, прикладной, исследовательской, универсальной, заканчивающейся защитой магистерской диссертации, выпускник получает право работать в школе и вузе. Небольшая их часть имеет возможность продолжить обучение на факультетах подготовки педагогических кадров высшей квалификации (бывшей аспирантуре), где им уготован будущий статус педагога высшей квалификации, либо научного работника, если будет защищена теперь уже кандидатская диссертация.

Оба статуса позволяют в дальнейшем использовать потенциал профессионального, а по возможности и административного лидерства, стать авторитетным и влиятельным. Не у всех это получится, и не все горят желанием стать лидером в силу разных причин. Поэтому в реализации лидерских программ (президентских, отраслевых, региональных или вузовского уровня) нет необходимости в тотальном охвате всех студентов. Да и работодателю не нужна команда, состоящая из одних лидеров. Ему достаточен уровень развитости у подчиненных тех качеств, которые позволяют им в нужный момент сыграть свое «соло», проявить ситуативное лидерство.

В заключительной части статьи обратим внимание на серьезную проблему, обсуждаемую на разных уровнях дискутирования по поводу не вариантов развития, а общих перспектив человечества с недавним переходом в новую эру – из информационной в цифровую. Компьютерные технологии с момента их открытия прошли путь от инновации до повседневности ис-

пользования, оказав резонансное воздействие на весь образ жизни. На различного уровня форумах цифровые технологии обсуждаются как данность, уже оказывающая влияние на изменения во всех сферах жизнедеятельности, начиная с экономической.

Если раньше мы получали данные, информацию от другого человека, то сегодня его место заняла компьютерная программа, которая обходится без этого другого, выдавая результат по любому запросу. Объем информации таков и увеличивается с такой скоростью, что во всех областях деятельности становится все более насущной потребность в быстрой и качественной обработке огромного массива данных (технология Big data). В будущем, как говорят провидцы, не останется ни одной отрасли, в которой не были бы задействованы цифровые технологии.

В цифровой экономике меняется логистическая цепочка: движение продукта от его производителя к потребителю без посредников в виде инфраструктурных отраслей, людей и групп. Руководители сегодняшних «продвинутых» отраслей уже сводят к минимуму офисных работников, бухгалтерскую, снабженческую и другие службы.

Не будут ли съедены новыми технологиями педагогические профессии, быть или не быть – вот дилемма! Вопрос усложняется еще и возможностью роботизации, киборгизации образования. Современные университеты отвечают на него оптимистически, готовят специалистов по новым педагогическим профессиям с учетом отраслевой специфики. Как отмечают знатоки, «съедаются» те профессии, которые делятся на члененные операции с четкими алгоритмами. С такой работой справляются роботы, а на пороге уже искусственный интеллект, которому можно поручить простейшие интеллектуальные задачи и операции.

Но как отделить обучение от воспитания, с которым даже популярное онлайн-образование не справляется? Никто не ставит под сомнение приоритет личностно-

ориентированной парадигмы в образовании, что подтверждается современным опытом ее реализации в проективно-рекурсивной технологии обучения [2,18].

Когда педагог перестает быть хранителем и репродуктором информации, ему предписываются альтернативные роли: вместо просто лектора – педагог-исследователь, педагог-интегратор, педагог-путеводитель и т.п. Выполняя эти модели поведения, он не выпадает из процесса общения с живым студентом, учеником, следит за их успехами, учитывает их мнения, пожелания, оценки своей деятельности и корректирует дальнейшие действия.

Открывая вакансии на такие профессии, которые находятся на стыке IT и образования, современный работодатель уже требует, кроме навыков программирования, таких компетенций во взаимодействии с воспитанниками, которые коррелируют с компетенциями профессионального лидерства. Это остается особенностью и более футуристических вариантов профессий, таких как разработчик онлайн-платформ, тематический редактор онлайн-уроков, управляющий технологиями в школе, коуч в смешанных (очно-заочных) образовательных учреждениях, преподаватель экспериментальных учебных центров, способный вести междисциплинарные уроки с уклоном в робототехнику и др.

Их деятельность направлена на новое поколение обучающихся, пришедшее уже в новом статусе на смену поколениям «X», «Y», «Z» с новыми способами и скоростью получения информации, формирования личностного мира. На него трудно влиять, тем более запрещать что-либо, но пока еще можно разговаривать, убеждать, помогать ему оценивать ситуации, аккумулировать свои ресурсы, искать способы и цену достижения цели. Такова реальность в современном педагогическом образовании.

Разговор о соотношении гуманизации и технологизации лидерства в педагогическом образовании, как и в других «человеческих» сферах деятельности, не ставил целью демонстрации уже достигнутого и не претендовал на разрешение затронутых проблем. Он остается незавершенным и, надеемся, будет продолжен.

Но есть уверенность в дихотомичном характере связи этих двух сторон единого процесса развития образования, и это качество обеспечивает его будущее в силу их соединенности, а не разобщенности.

Дилеммой в педагогическом образовании остается лишь необходимость выбора между любовью и нелюбовью, интересом и равнодушием, человечностью и бесчеловечностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьева В.* Пять причин, по которым не следует становиться профессором. [Электронный ресурс]. URL: <https://newizv.ru/news/society/16-03-2017/vera-afanasieva-nyneshniy-professor-prebyvaet-v-postoyannom-strahе>
2. *Баженова И.В., Пак Н.И.* Проективно-рекурсивная технология обучения в личностно-ориентированном образовании // Педагогическое образование в России. – 2016 . – №7. – С. 7-13
3. *Виноградова Н.И., Леснянская Ж.А.* Влияние временной перспективы на профессиональное саморазвитие будущего педагога // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2014. – №5. – С. 117-122
4. *Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность // Thesis, 1994, вып. 5. [Электронный ресурс]. URL: https://igiti.hse.ru/data/417/313/1234/5_2_1Gidd.pdf
5. *Дюркгейм Э.* Педагогика и социология / Социология образования. Пер. с фр. Т.Г. Астаховой. М.: ИНТОР, 1996.
6. *Засыпкин В.П.* Модернизация педагогического образования в зеркале социологии. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2010. – 272 с.

7. Засыпкин В.П., Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Социология педагогического образования. – Екатеринбург – Сургут: РИО СурГПУ ; РИО ГУ г. Екатеринбурга, 2011.
8. Комплекс целевых программ по основным направлениям стратегии инновационного развития УрГПУ на 2011-2016 гг. / Ур. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург. 2011. – 118 с.
9. Концептуальная модель регионального инновационного кластера педагогического образования (на базе УрГПУ) / под ред. Б.М. Игошева, Л.Я. Рубиной, А.А. Симоновой. – ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» - 2012. – 43 с.
10. Концепция целевой программы развития образования на 2016-2020 гг. (утверждена распоряжением Правительства РФ от 29.12.2014 №2765-Р).
11. Лидерство в образовании: теоретические, методологические и практические проблемы / Аналитическая справка по гранту USIA.- сост. Бабич Г.Н., Белкин А.С., Беляева Л.А., Жаворонков В.Д., Рубина Л.Я. – Урал. гос. пед. ун-т, Екатеринбург, 1994.
12. Мондонен О.Ю. Влияние образовательной среды педагогического колледжа на профессиональное самоопределение студентов // Аналитика культурологии. – 2009. – №15
13. Мурзина И.Я., Рубина Л.Я. Региональный кластер педагогического образования // Педагогическое образование в России, 2013. – № 1. –С. 225-231.
14. Образовательные риски в условиях трансформации системы высшего образования / Социальное пространство современного города / под. ред. Г.Б.Кораблевой, А.В. Меренкова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015.
15. Программа развития ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» на период 2016-2020 гг.
16. Рубина Л.Я. Повышение роли общественности в модернизации российского образования // Демократизация и перспективы развития международного сотрудничества: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Омск, 2003.
17. Рубина Л.Я. Социализационный потенциал магистратуры в институциональном пространстве высшей школы // Педагогическое образование в России. – 2016. – №7. – С. 254-265.
18. Семенова И.Н. Моделирование расширенной системы методов обучения «Современной» образовательной парадигмы в смешанной модели обучения студентов педагогических специальностей школы // Педагогическое образование в России, 2016. – №7. – с. 67-76
19. Симонова А.А., Минюрова С.А., Рубина Л.Я. Педагогический университет в центре регионального образовательного кластера // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 8. – С. 8-22.
20. Симонова А.А., Рубина Л.Я. Модернизация педагогического образования: обобщение и осмысление опыта // Педагогическое образование в России. – 2015. № 9. – С. 109-117.
21. Стратегия развития ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» 2010-2020 гг.
22. Сухорукова О.Б. Особенности управления образовательными процессами в ВУЗе // Ползуновский альманах, 2009. – №1. – С. 171-180.
23. Тихомирова Е. В. Каким должно быть современное образование // Качество образования. – 2011. – №7 – 8. – С. 38-43.
24. Трофимова Н.Б., Сезин К.А. Основы профессионального самоопределения студентов – будущих педагогов // Казанский педагогический журнал, 2015. – №4.
25. Федеральный закон от 29.12.2012 №273 –ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

УДК 009

Л. Н. Батьянова

г. Иркутск, Россия

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ «ВЛАСТЬ»

(1990-2000 гг.)

АННОТАЦИЯ. Трансформация социокультурных процессов советского, а потом и российского общества показана через дискурсивный анализ категории «власть», выявлены основные общественные противоречия и проблемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурсивный анализ, власть, советское общество, российское общество

L. N. Batyanova

Irkutsk, Russia

DISCOURSE ANALYSIS OF THE CATEGORY OF «POWER»

(1990s–2000s)

ABSTRACT. The transformation of socio-cultural processes within Soviet, and later Russian, society is highlighted through the discourse analysis of the category of “power”, allowing to pinpoint major societal problems and contradictions.

KEYWORDS: discourse analysis, power, soviet society, Russian society

Дискурсивный анализ позволяет изучить общий рефрен того или иного явления, существующий в СМИ в определенный период. Целью данной работы было изучение такой категории как «власть» – определяющей социальное развитие и одновременно отражающей те процессы, что происходили в обществе с 1990 по 2000 гг.

За основу анализа была взята газета «АиФ» за указанный период. Изучались объем внимания и частота употребления категории «власть». В результате были выявлены четкие взаимосвязи использования данного понятия с исторической ситуацией в стране.

В 1990-1991 гг. и в 1993 г. наблюдается резкий скачок внимания СМИ к власти и властным отношениям (до 5% от всего объема). Это связано с политическими преобразованиями, властными перетасовками, с заменой кадров правящей элиты и другими событиями, которые происходили в политической сфере страны в те годы.

С 1994 по 1998 годы наблюдается период относительного затишья – объем внимания к категории «власть» в эти годы понижается (2-4%). Мы это объясняем

стабилизацией партийных расстановок и общих политических ориентаций страны.

С 1999 года заметен четкий интерес к освещению властных отношений с достаточно высоким уровнем объема внимания. В 1999, 2003 и 2008 годах наблюдается максимальный процент (7%) объема внимания к данной категории. В 1999 и 2003 гг. происходили выборы в Государственную Думу, которые изменили внутренние расстановки и взаимоотношения властей на разных уровнях. Поэтому в прессе публиковалось множество объемных статей, посвященных тем или иным вопросам предвыборной ситуации.

Частота упоминаний категории «власть» имеет несколько иное распределение, чем объем внимания к ней. В 1990-1992 гг. он составлял 5-7%, а самый высокий уровень частоты упоминания приходится на 1991 год (7%) – момент изменения самой системы. Поэтому наибольшая активность в это время весьма оправдана [3].

С 1993 по 1998 годы наблюдается стабильный интерес к проблеме власти (3-4%). Наступившие в стране изменения политического режима привели не к такому

светлому будущему, как виделось это вначале. В результате, власти, ведущие страну «не туда», реформы, не имеющие под собой оснований, приводили к более жесткому восприятию института власти в обществе.

Дальнейшая частота упоминания категории «власть» (с 1999 по 2000 гг.) стабильна и составляет 3-5%. Это говорит о том, что внимание к институту власти и ее представителям обострялось в моменты выборов в Государственную Думу (1999, 2003, 2007 гг.), выборы Президента (2000 г.). Хотя в период выборов Президента РФ в 2000 году частота внимания составляла 3% (в силу того, что Путин был относительно новой и малоизвестной фигурой на политической арене), но зато объем внимания был значителен. В остальное время в прессе отражалась текущая социально-политическая ситуация.

Рассматривая смысловое содержание категорий раскрывающих «власть», мы видим четкие взаимосвязи с исторической ситуацией в нашей страны. В апреле 1989 г. открылся I Съезд народных депутатов СССР, на котором был сформирован Верховный Совет СССР, а его Председателем избран М. С. Горбачев. На съезде сформировалась оппозиционная группа депутатов, так называемая «межрегиональная группа», куда вошли бывший секретарь Московского горкома КПСС Б. Н. Ельцин, А. Д. Сахаров, Т. Х. Гдлян, Г. Х. Попов, А. А. Собчак, Н. И. Травкин, С. Н. Станкевич, Т. А. Заславская и другие.

В марте 1989 г. прошли выборы в Верховные Советы республик и местные Советы. В большинстве регионов они одержали победу над партийными структурами. Московский Совет возглавил Г. Х. Попов, Ленинградский – А. А. Собчак. В июне 1990 г. I Съезд народных депутатов РСФСР избрал Верховный Совет республики. Его председателем стал Б. Н. Ельцин.

Тем самым, к концу 1989 года у властных структур накопилась критическая масса готовых к изменениям людей, которые спустя несколько месяцев совершили переворот в стране. За этот период

можно проследить изменения через символические триады: «политика (52,2%) – государственная (53,8%) – поддерживается (51,2%)», «саморазрушение (18,9%) – властных структур (17,8%) – активизируется (20,3%)», «реформы (40,2%) – идеологические (31,5%) – изменяют (37,8%)», «крушение (19,3%) – социализма (17,8%) – начинается (21,1%)», «перестройка (38,7%) – активно (30,2%) – меняет (21,2%)». То есть, в прессе как раз и нашли точное описание те события, которые происходили в стране. Положительное освещение данных тем в эти годы составляет от 80% до 98%.

В 1990-1991 годах произошел перелом, который уничтожил старую систему и обозначил очертания новой. Эти изменения шли с разных сторон. А.И. Солженицын призывал русских предоставить другим народам СССР возможность следовать собственной судьбе, сохранив союз только с Украиной и Белоруссией, то есть со славянскими народами. Другие народы, по его мнению, были насильно присоединены к СССР, поэтому необходимо дать им то, что некогда отняли – свободу и право самоопределения. Тем самым, русские станут жить лучше, избавившись от этого балласта. Эту идею активно использовал Б. Н. Ельцин в борьбе против «центра». Россия – жертва Советского Союза, когда она вернется в свои изначальные территории, то природные богатства и талант народа позволят ей возродить былую славу и могущество, и она станет по настоящему процветающей страной [4]. С этой позиции Советский Союз становился ключевым виновником проблем народа и страны. Б. Н. Ельцин призвал все республики «брать столько суверенитета, сколько хотят и могут удержать» [1, с. 93]. Эта позиция в итоге развалила Советский Союз. Став председателем Верховного Совета РСФСР, Б. Н. Ельцин провозгласил суверенитет России и верховенство российских законов над союзными, что свело власть союзного правительства фактически к нулю.

В июне 1991 г. президентом РСФСР был избран Б. Н. Ельцин, набрав 57% го-

лосов. В своей инаугурационной речи Б. Ельцин сказал: «Я с оптимизмом смотрю в будущее и готов к энергичным действиям. Великая Россия поднимается с колен! Мы обязательно превратим ее в процветающее, демократическое, миролюбивое, правовое и суверенное государство» [1, с. 36]. День 12 июня был объявлен всенародным праздником – Днем независимости России. Посты президентов были введены и в союзных республиках. У власти и там оказались те, кто ратовал за независимость от центра.

В середине августа 1991 года (18-21 августа) в стране произошел «августовский путч» – попытка насильственного отстранения с поста Президента СССР М. С. Горбачева и смены начатого и реализуемого им курса перемен и срыва подписания «Договора о Союзе Суверенных Государств» с целью сохранения целостности государства. Фактически, это была попытка государственного переворота. В декабре 1991 года в Беловежской Пуще под г. Минском было подписано соглашение о прекращении действия Союзного договора 1922 г. и ликвидации Союза СССР. Вместо СССР провозглашалось создание содружества независимых государств. Данное соглашение подписали представители всех бывших республик, кроме республик Прибалтики. Ликвидация СССР автоматически означала ликвидацию органов бывшего Союза. Был распущен Верховный Совет СССР, ликвидированы союзные министерства. В декабре 1991 г. ушел в отставку с поста президента М. С. Горбачев. Советский Союз прекратил существование. Власть изменила свою «личину» [2].

Как показатели вышеописанных явлений, в 1990-1991 годах доминировали следующие триады: *«политический лидер (43,3%) – активно (41,5%) – добивается (31,2%)»*, *«законы (55,2%) – старые (47,7%) – рушатся (45,7%)»*, *«выборы (52,2%) – всероссийские (44,4%) – изменяют (41,8%)»*. Положительное освещение этих тем в данные годы составляет 45%. Политическая власть в обществе меняла свою структуру и форму и в сознании на-

рода этот процесс был обоснован и необходим. Общественные установки, господствующие на тот момент в обществе, отражали необходимость и своевременность перемен.

С 1992 года и до 1999 года ситуация в стране была далеко не спокойной. Произошедшие изменения требовали применения новых подходов к решению властных проблем. Реформирование России Б. Н. Ельцин начал с экономической сферы. Впоследствии его политику назвали «шоковой терапией». Она началась с указа о либерализации цен, ваучерной приватизации и залоговых аукционов, что привело к концентрации бывшей государственной собственности в частных руках олигархов. В это же время возникли проблемы с обеспечением населения продовольствием и товарами народного потребления, стала развиваться гиперинфляция. Обесценивание денег и увеличение курса валют привело к нарастанию социальной напряженности в обществе. В стране наблюдался спад производства и неплатежей. Уровень коррупции увеличился в десятки раз на всех уровнях власти. Резко возросло социальное расслоение, более 44% населения оказались за чертой бедности, что повлекло уже негативную оценку произошедших реформ, о чем говорилось выше. Но в момент самого перелома изменения этого режима ждали и надеялись на лучшее.

Экономические проблемы в стране сопровождались политической напряженностью, выраженной в сепаратистских настроениях на территории бывшего СССР. Так, Чечня не признавала суверенитет России на своей территории, а в Татарстане собрались вводить собственную валюту и отказались платить налоги в республиканский бюджет. В 1992 году Б. Н. Ельцину удалось убедить глав регионов подписать федеративный договор, который был включен в Конституцию РСФСР.

С 12 декабря 1993 года вступила в силу новая Конституция Российской Федерации, которая предоставила Президенту значительные полномочия, в то время как полномочия Парламента были сильно

сокращены. 11 января 1994 года начали работу обе палаты Федерального Собрания, конституционный кризис закончился.

В 1994 году началась первая чеченская война, что несколько подорвало авторитет Б. Н. Ельцина в обществе и, целом, доверие народа к власти. К выборам 1996 года популярность Б.Н. Ельцина еще больше снизилась. Он вступил в предвыборную гонку с лозунгом «голосуй или проиграешь», после чего его рейтинг стремительно стал возрастать. Был принят ряд актов, подписано соглашение о прекращении огня в Чечне. В результате, общество более четко разделилось на тех, кто был сторонником советского строя и тех, кто был сторонником существующего строя. Тем более что на этих выборах открыто использовался административный ресурс, СМИ агитировали голосовать за Ельцина.

По итогам первого тура голосования 16 июня 1996 года Б.Н. Ельцин набрал 35,28% голосов избирателей и вышел во второй тур выборов, опередив Г. А. Зюганова, который получил 32,03%. А. И. Лебедь получил 14,52% и после окончания первого тура был назначен Б. Н. Ельциным секретарем Совета безопасности. Во втором туре 3 июля 1996 года Б. Н. Ельцин получил 53,82% голосов, вновь уверенно обойдя Г. А. Зюганова, который получил 40,31%. Победа Г. А. Зюганова означала бы возврат к коммунистическому прошлому, победа Б. Н. Ельцина – возможность лучшего демократического будущего. Поэтому, можно считать, победу Б. Н. Ельцина показателем готовности народа идти вперед, а не возвращаться назад.

Частая смена правительств (В. С. Черномырдин, С. В. Кириенко, Е. М. Примаков, С. В. Степашин, В. В. Путин) за время правления Б. Н. Ельцина не добавляла авторитета образу власти. К тому же, за время правления Б. Н. Ельцина, к 1999 году безработных в России насчитывалось около 9 млн. человек.

Демографическая ситуация в России с 1992 по 1999 годы значительно ухудшилась. С 1992 года демографический прирост отрицательный. Если в 1992 году

естественная убыль населения составляла 1,5 промилле, то в 1993 году – 5,1 промилле. В 1994 году депопуляция достигла дна – 6,1 промилле. Число людей до 15 лет упало с 24,5% в 1989 году до 23% в 1995 году, количество людей старше 65 лет выросло с 18,5 до 20,2% соответственно. Одним из факторов сокращения населения явилось сокращение социальной поддержки населения государством. Упала продолжительность жизни: «с 63 до 56 лет у мужчин, с 76 до 70 – у женщин. Демографические потери (включая нерожденных) составили свыше 10 миллионов человек. В 2 раза выросла младенческая смертность. Наибольший показатель детской смертности достигнут в 1992 году – 19,9 на 1000 детей» [5].

Власть, как таковая, воспринималась населением неоднозначно. Вышеуказанные события отражались в прессе через следующие символические триады: «государство (52,3%) – российское (45,2%) – формируется (46,9%)», «жизнь (41,5%) – политическая (35,8%) – заставляет (36,6%)», «депутаты (32,5%) – оппозиционные (33,2%) – претендуют (34,2%)», «власть (30,7%) – законная (34,4%) – возрождает (19,8%)», «руководство (44,3%) – государственное (40,8%) – реформирует (37,9%)», «борьба (46,5%) – политическая (50,8%) – рушит (44,2%)». То есть негативное восприятие власти и деятельности отдельных политиков было представлено в разных системах отношений и приводило к неоднозначной оценке и эффективности властной иерархии. Роль Б. Н. Ельцина в судьбе России скорее отрицательная (процент варьируется в зависимости от событий в стране).

Двухтысячный год изменил многое в дальнейшем восприятии власти народом. Рейтинг доверия В. В. Путину с каждым месяцем возрастал. В 2007 году по опросу ФОМ он был признан человеком года – 40% [5]. Ключевой идеей прихода к власти В. В. Путина явилось то, что необходима стратегия возрождения России. Причем эта стратегия должна опираться на весь положительный опыт, накопленный в ходе ре-

форм, и осуществляться поэтапно и продуманно. Также необходима политическая стабильность и стабилизация условий жизни всех социальных групп общества.

Тем самым была поставлена грань между ельцинскими и путинскими реформами. Если лозунгом реформ 90-х годов и по сути ельцинского правления был лозунг – *«Реформы любой ценой!»*, то В. В. Путин исходил из иного принципа – *«Улучшение условий жизни народа является приоритетной задачей»*. Нашли понимание и поддержку среди населения и выдвинутые

в ходе предвыборной борьбы приоритетные задачи развития России: 1) побороть собственную бедность; 2) защитить рынок от незаконного вторжения, как чиновного, так и криминального; 3) возрождение личного достоинства граждан во имя высокого национального достоинства страны; 4) построить внешнюю политику, исходя из национальных интересов собственной страны. Президентские выборы 26 марта 2000 г. показали высокий уровень доверия предложенному курсу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ельцин Б. Н. Записки президента. – М.: Огонек, 1994. – 512 с.
2. Колесников В. А., Полюшкевич О. А. От советского к российскому: социокультурные изменения общества // Дискуссия. – 2013. – № 2 (32). – С. 60-63.
3. Полюшкевич О. А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 190 с.
4. Скуденков В. А. Лидерство и социальное развитие // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 2. – С. 180-184.
5. Опросы ФОМ / Сайт Фонда [Электронный ресурс]. – URL: <http://fom.ru>

УДК 748.5

С. Е. Винокуров

г. Екатеринбург, Россия

**КИТАЙСКОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СТЕКЛО XVIII–XIX ВЕКА:
ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ К ПОИСКАМ НАЦИОНАЛЬНОГО
(из опыта работы с частной коллекцией)**

АННОТАЦИЯ. В статье на примере частной коллекции А.В. Глазырина (Екатеринбург) раскрываются основные особенности рождения и развития китайского художественного стекла. Приводятся примеры, свидетельствующие о связи этого направления прикладного творчества мастеров Поднебесной с европейской культурой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: китайское художественное стекло, Европа – Китай, кросскультурные связи, частное коллекционирование

S. E. Vinokourov

Yekaterinburg, Russia

**CHINESE GLASS OF THE XVIII-XIX CENTURY:
FROM THE EUROPEAN TRADITION TO SEARCHING NATIONAL
(from experience with a private collection)**

ABSTRACT. In the article, the main specific features of the birth and development of chinese glass are revealed on the example of Aleksei Glazyrin's private collection (Ekaterinburg). Examples are given that testify to the connection between this direction of applied creativity of chinese masters and european culture.

KEYWORDS: chinese glass, Europe – China, cross-cultural communications, private collecting

Открывшаяся в Екатеринбурге выставка «Стекло и керамика Китая из коллекции А.В. Глазырина» [3] стала настоящим открытием не только для широких групп посетителей, но и для специалистов-востоковедов. Главной причиной практически забытого состояния одного из ярких направлений прикладного творчества китайского народа является чрезвычайно малая распространенность произведений художественного стекла Китая в музейных и частных собраниях, что приводит не только к малой доле знакомства с ним, но и практически к полному отсутствию исследований этого явления. Исключение составляет лишь обзорное изучение частной московской коллекции, предпринятое специалистом Государственного музея Востока Л.И. Кузьменко [2] и ряд англоязычных публикаций [4] и проектов, среди которых особенно выделим ресурс городского совета Бристолья, тезисно раскрывающий ис-

торию китайского стеклоделия [5]. Таким образом, представляется важным рассмотрение традиции китайского художественного стекла, представляющего собой яркий пример творческого взаимодействия культур Европы и Поднебесной.

Коллекция китайского стекла А.В. Глазырина (Екатеринбург), состоящая из тридцати предметов, демонстрирует основные направления работы мастеров Поднебесной с не совсем характерным для них материалом. Известно, что стекло в виде декоративного покрытия-глазури или в качестве материала для инкрустации металлических предметов использовалось уже в самом начале эпохе Чжоу (1045 до н. э. – 221 до н. э.) [1, с. 312]. Художественное же стекло получило свое активное развитие в Поднебесной сравнительно поздно – в конце XVII века под влиянием католических миссионеров. Иезуиты, привозившие в Китай в качестве даров предметы

европейского стекла, буквально «заразили» китайскую аристократию собиранием этих предметов. Следствием этой моды стало создание императором Канси в 1696 году первой стекольной мастерской.

Поначалу китайские мастера подражали европейским образцам. Прозрачность стекла, строгая огранка, усиливающая игру цвета – эти признаки европейской традиции отражают первые пробы китайских мастеров в изготовлении предметов из стекла. На протяжении XVIII века мастера продолжают эксперименты в его производстве. В изделиях первой половины XVIII столетия часто заметно несовершенство технологии – вмятины, пузырьки воздуха и т.д. Эти изъяны уже во второй половине века и на протяжении всего XIX века будут воспроизводиться намеренно на основе расчетов. Так, легкая кривизна абриса заметна в парных вазах [3, кат. 48–49], выполненных в период Даогуан (1821–1851). Принцип китайской эстетики «цзы жань» («естественность») в данном случае выражен не только в легкой кривизне формы, но и в расхождении толщины стекла на разных участках сосуда, рисунке тулова сложной формы с выступающими лопатками. В толще стекла видны границы слоев, а также вкрапления мельчайших пузырьков воздуха – еще один популярный прием китайских мастеров, ставший в XIX веке одним из самых распространенных [2, с. 74].

Своего пика художественное стекло достигло в годы правления императора Цяньлуна (1711–1799), однако образцы этого периода сохранились в единичных экземплярах лишь в нескольких музеях мира. Тем не менее, эталонный характер образцов эпохи Цяньлуна привел к тому, что на протяжении всего XIX века китайские мастера будут использовать марку этого времени в своих произведениях в качестве своеобразной отсылки к традициям и качеству «золотой эпохи» китайского стеклоделия.

В конце XVIII века развивается техника многослойного стекла, а также наваривания на основу разноцветных слоев с

последующей резьбой, образующей в итоге рельефный рисунок одного цвета на фоне другого. Для этого времени характерным является начало заимствования сюжетов и орнаментов древних сосудов, а также имитации технологических приемов более древних видов искусства, в первую очередь – резьбы по цветному камню [2, с. 76–77]. Так, наиболее ранним предметом в коллекции является ваза с крышкой в виде беседки [3, кат. 41]. Ваза выполнена из прозрачного голубовато-бирюзового стекла, на которое наварены слои более плотного оттенка с их последующей проработкой резьбой. Изображения архаических драконов и фениксов, акцентированные резьбой по более темному слою, создают игру светотени и бликов, усиливающую декоративный эффект предмета и дробящую монолитную традиционную овоидную форму на отдельные сектора.

В XIX веке китайские стеклоделы активно используют традиции и достижения предыдущей эпохи, которые наполняются, однако, новым сюжетным содержанием. На первый план в это время выходят уже не технологические эксперименты, а попытка придать большее изящество предметам за счет усложнения композиции и технологии производства. Ряд предметов отражает явное влияние европейского вкуса как в формообразовании, так и в подходе к разработке цветовых основ. О воздействии ампира, господствовавшего в Европе начала XIX века, свидетельствует облик ваз из синего стекла [3, кат. 44–45] – это выражается в строгом контуре сосудов, четкости граней и ребер, даже густом синем цвете, напоминающем благородный цветной камень. Однако, как это обычно происходило в китайском искусстве, парные вазы несколько отличаются друг от друга, их форма слегка искривлены. Эта едва заметная кривизна в очередной раз подтверждает важную роль понятия «естественности» (цзы жань) – основного принципа китайской, в первую очередь, даосской философии.

Вазы рубежа XVIII-XIX веков [3, кат. 42–43], выполненные в форме «чес-

ночной головки», своими четкими, слегка вогнутыми гранями и острыми ребрами также напоминают о влиянии европейского вкуса указанного периода и позволяют говорить об экспортном характере произведений.

О все более крепнущей связи нового для Китая вида декоративно-прикладного искусства с древней художественной традицией говорит еще одна пара ваз, выполненных из стекла кобальтово-синего цвета в виде сосудов типа гу [3, кат. 52–53]. Четырехгранные тулова ваз имеют трехчастное членение – от средней кубической части вверх поднимается горло с широким раструбом, а вниз отходит слегка расширяющееся основание. Гладкость граней подчеркивается проработкой их внутренних поверхностей вертикальными ложбинками, вносящими эффект неких переливов и позволяющих почувствовать толщину стекла.

Целый сплав технологических возможностей заключен в небольшой вазе XIX века, выполненной из изумрудно-зеленого стекла [3, кат. 51]. Цветовое решение вазы усложнено введением в массу хлопьев золотой фольги, а также ввариванием темно-рубиновой краски в основание сосуда. Поверхность вазы сплошь проработана гравированным орнаментом, изображающим различные благожелательные мотивы. Главной же особенностью декора сосуда является наложение разноцветных слоев на рельеф, что приводит к проявлению слоистой структуры контурной фактуры изображений. Подобного же эффекта мастер добивается в стакане для кистей [3, кат. 66], выполненном, вероятно, в начале XX века.

Отдельную группу представляют сосуды [3, кат. 54–58], созданные в XIX веке из цветного прозрачного стекла различных оттенков и отражающие основные принципы, характерные для развития стеклоделия этого времени. С одной стороны – это свобода в создании круговых композиций или сюжетов, заключенных в картуши [3, кат. 54, 56–57], а с другой – обращение к более древним видам декоративно-

прикладного искусства (резьбе по камню, ритуальной бронзе) и сопутствующие этому строгость и симметрия композиции, ритмичность и условный характер орнаментики [3, кат. 55, 58].

Рафинированные вазы [3, кат. 59–60], выполненные из стекла изысканных розовых оттенков, сваренного в технике «снежные хлопья», отражают тесную связь китайской традиции с европейской художественной ситуацией рубежа XIX – начала XX века. Сочетание бледно-розового или прозрачного бесцветного стекла с контрастными темно-синими или светло-розовыми слоями, искусность резного декора, благожелательный характер представленного сюжета в одной из ваз или использованных цветочных мотивов в другой – все это не вызывает сомнений в существовании художественных контактов Китая и Европы в период рождения и развития модерна.

Самым поздним предметом в ряду представленных изделий художественного стекла из коллекции А.В. Глазырина является ваза из белого непрозрачного стекла, выполненная в первой трети XX века и напоминающая о традициях белого глазурованного фарфора провинции Фуцзянь [3, кат. 70]. Ваза, по сути, является пластическим воплощением классической композиции «лотосовый пруд», что выражается в моделировке ее тулова листьями этого болотного растения. Кроме того, композиция включает рельефные изображения листьев, бутонов и волн, а также горельефные детали (рыбки, спирали волн, края листьев и так далее). Тонкость и хрупкость предмета проявляются в гофрированной бахrome, выступающей декоративным оформлением краев горла вазы, и пересекающихся в центре тулова вазы листьях. Несмотря на обращение к традиционной теме лотосового пруда, характер работы с материалом, формовка, тонкостенность сосуда – все эти признаки демонстрируют вновь усиливающееся влияние европейской практики стекольного дела.

Уникальное явление декоративно-прикладного искусства – китайское худо-

жественное стекло – несмотря на широкую популярность в XVIII–XIX веке, долгое время не являлось предметом интереса коллекционеров и исследователей. Лишь в последнее десятилетие появляются немногочисленные публикации преимущественно частных коллекций, которые являются индикатором зарождающегося внимания к этому незаслуженно забытому феномену китайского мастерства. Представленные в коллекции А.В. Глазырина несколько де-

сятков произведений являются тому ярким подтверждением, а их публикация вносит свой вклад в изучение прикладного искусства Поднебесной. На примере художественного стекла Китая мы в очередной раз можем убедиться, что история художественных взаимоотношений европейских стран и Поднебесной намного более сложна, нежели ее традиционное восприятие в одностороннем направлении «Восток – Запад».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кравцова М.Е., Неглинская М.А. Стеклоделие // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. – М.: Вост. лит., 2006–. Т. 6 (дополнительный). Искусство / ред. М.Л. Титаренко и др. – 2010. – 1031 с. С. 312–315.
2. Кузьменко Л. Стекло Китая: [история китайского стекла, 17–19 вв.] // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. – 2007. № 12 (53). – С.74–81.
3. Стекло и керамика Китая из коллекции А.В. Глазырина. Научный каталог выставки (1 февраля – 1 апреля 2018). Авт.-сост. С.Е. Винокуров. Под ред. З.Ю. Таюровой. – Екатеринбург: ЕМИИ, 2018. – 88 с.
4. Lihong L. Vitreous Views: Materiality and Mediality of Glass in Qing China through a Transcultural Prism // Getty Research Journal. no. 8 (2016). – P. 17–38.
5. PORTCities Bristol. Glass from China. [Электронный ресурс]: <http://www.discoveringbristol.org.uk/glass/history-and-techniques/early-glass/>

УДК 009

Е. И. Грекова

г. Екатеринбург, Россия

ИНДУСТРИЯ КРАСОТЫ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматривается влияние глобализационных процессов на повседневную культуру, определяется роль индустрии красоты в современном мире и ее особенности, анализируется связь индустрии красоты с пространством Интернета и их взаимодействие. **КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** глобализация, культура повседневности, индустрия красоты, медиакультура, интернет-пространство, социокультурная среда

E. I. Grekova

Yekaterinburg, Russia

BEAUTY INDUSTRY IN MEDIACULTURE SPACE

ABSTRACT. This article discusses the impact of globalization processes on the service sector. The role of the beauty industry in the modern world and its features are also defined. The connection of the beauty industry with the Internet and their interaction is described.

KEYWORDS: globalization, everyday culture, beauty industry, media culture, Internet space, social and cultural environment

Глобализационные процессы продолжают изменять социокультурную среду, проникая во все сферы жизни общества. Подверженной влиянию глобализации оказывается и культура повседневности, в частности сфера услуг, которая включает в себя огромное количество разных видов коммерческой и некоммерческой деятельности, образующих отдельные отрасли. Одна из таких отраслей – индустрия красоты.

Индустрия красоты – бурно развивающаяся отрасль, в которой представлены различные предприятия (парикмахерские, салоны красоты, имидж студии, студии нейл – дизайна, студии загара, косметологические центры, клиника эстетической медицины и пр.). К этой же области можно отнести различные спортивно-оздоровительные предприятия, в том числе и фитнес-центры, а также разнообразные косметологические центры и центры по коррекции фигуры [1].

Благодаря происходящим глобализационным изменениям данная сфера с каждым годом набирает все большую популярность. С чем это связано?

Если говорить о красоте, то еще с древних времен человека заботил его внешний вид. « Красота человеческого тела волновала и волнует многих мыслителей – от античности до современности...» [3]. В каждой эпохе на разных промежутках времени тема красоты занимала отнюдь не последнее место. Не случайно психологи считают, что внешность человека отражает его внутренний мир, так называемое внутреннее «я». Изменение своего внешнего вида является одной из главных потребностей самовыражения.

В научной литературе можно встретить различные подходы к систематизации ценностно-смысловых характеристик индустрии красоты. Но в любом случае в основе этих характеристик лежит отношение человека к своему телу и тем его преобразованиям, которых он ожидает.

К мотивам обращения людей к индустрии красоты относятся следующие:

- дестигматизация (стремление избавиться от природных и социальных стигматов – телесных знаков, ухудшающих имидж субъекта);
- символизация (нанесение телесных знаков, улучшающих имидж субъекта);

- забота о здоровье;
- гедонистический мотив (мотив удовольствия, получаемого во время процедуры).

Каждый из этих мотивов соотносится с группой основных потребностей. В целом, мотивация потребителей индустрии красоты имеет сложную структуру, определяемую всем спектром ее ценностно-смысловых характеристик [5].

В настоящее время индустрия красоты – это и бизнес, и место отдыха. Поэтому эту сферу можно отнести к социально-культурной деятельности, поскольку она выполняет коммуникативную и рекреативно-оздоровительную функции.

Еще одна из причин растущей популярности индустрии красоты стало развитие производства косметики. Российский косметический рынок является одним из самых быстрорастущих рынков косметических средств. Его доля на мировом рынке составляет около 3 % на 2015 год. Согласно данным Euromonitor International, объем российского рынка косметических средств составляет 16,5 млрд. долларов. По оценкам экспертов, потенциальная емкость косметического рынка в России может составлять около 15–18 млн. евро. Однако такой уровень будет достигнут только в 2017–2018 годах [2].

Рассмотрев основные причины роста популярности индустрии красоты, нельзя не сказать про главный фактор, усиливающий влияние данной отрасли на общество. Этим катализатором является всемирная сеть Интернет.

Конечно, телевидение и другие средства массовой коммуникации оказывают большую поддержку в сфере пропаганды индустрии красоты во всем мире, однако влияние глобальной сети и ее нынешнее значение трудно переоценить.

Сети Интернет, исходя из представленного в них контента, выступают в качестве особого медиапространства, структура которого достаточно сложна и отвечает всем интересам и потребностям потребителей информации. Современное медиапространство – «это система, которая функционирует по сетевому

механизму, что помогает ей всегда оставаться актуальной и адаптированной в условиях стремительно меняющихся жизненных обстоятельств, дает возможность оперативно отвечать на запросы рынка» [6].

С развитием социальных сетей и различных видеохостингов в нашу жизнь все быстрее стали проникать западные тренды. Одним из таких трендов является публикация изображений своей внешности в различные социальные сети. Сейчас модно быть в центре внимания, становится важнее закрепить свое «публичное», а не истинное «Я» [7].

Анализируя статистику из годового отчета по поиску запросов компании Google, количество запросов в категории «Красота» в 2015 году увеличилось на 46% по сравнению с предыдущим годом. Основной интерес пользователей сосредоточен в трех подкатегориях: прически, уход и окрашивание волос, а также макияж и маникюр. При этом последняя является абсолютным лидером по темпу роста. Таким образом, данные Google поиска подтверждают высокий спрос на услуги индустрии красоты и еще раз доказывают, что общество отводит не последнюю роль этой сфере в своей жизни [4].

Интересным фактом становится то, что на данный момент мобильные средства – самая важная платформа для индустрии красоты. Смартфоны сопровождают людей в течение всего дня и позволяют им в любой удобный момент найти ответ на интересующий вопрос, касающийся внешнего вида. Обращаясь, опять же, к статистике поиска данных компании Google, можно заметить, что 65% трафика создают запросы о красоте с телефонов. И этот показатель продолжает стремительно набирать обороты [2].

Подводя итоги, можно констатировать, что индустрия красоты играет важную роль в современном мире. При этом под влиянием глобализации постоянно изменяются ценности, вкусы и потребности людей. Благодаря Интернету ускорился процесс влияния индустрии красоты на общество. Сеть стала «проводником» человека в мир красоты, а это значит, что индустрия красоты все больше становится «мобильной категорией».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузина М.М. Специальное мероприятие как средство продвижения услуг в индустрии красоты 2014 [электронный ресурс] 2014 г. <http://vikidalka.ru/2-161010.html>
2. Индустрия красоты – 2017. – №1 [Электронный ресурс] URL: <http://ekb.rbcplus.ru/news/59d228a17a8aa922b92c8e43>)
3. Кириллова Н.Б., Пестова А.В. «Трансформация "телесного канона" в условиях виртуализации социокультурного пространства» // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. – 2016. – № 3. – С.3-6
4. О чем думают женщины [Электронный ресурс] URL: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/insights-trends/user-insights/chego-khotiat-zhenshchiny-glavnye-trendy-industrii-krasoty/> 3
5. Орлова К.Н. Индустрия красоты : Социокультурные аспекты [Электронный ресурс] URL: <http://www.dissercat.com/content/industriya-krasoty-sotsiokulturnye-aspekty>
6. Плахтий И. С. Развитие медиапространства в современном обществе // Молодой ученый. – 2017. – №17. – С. 204-207.
7. Пятнадцать потребительских трендов, наступающих с Запада [Электронный ресурс] URL: <https://belretail.by/article/potrebitelskih-trendov-nastupayuschih-s-zapada>

УДК 7.072.2

В. А. Жданова

г. Екатеринбург, Россия

DIGITAL HUMANITIES: ЦИФРОВАЯ «РЕВОЛЮЦИЯ» В ОБЛАСТИ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье приводится обзор новых методов в исследованиях по искусству. Показаны основные направления digital humanities в отечественном искусствоведении.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: искусствоведение, digital humanities, дигитализация, оцифровка, экспертиза, фонды

V. A. Zhdanova

Yekaterinburg, Russia

DIGITAL HUMANITIES: DIGITAL «REVOLUTION» IN ART HISTORY

ABSTRACT. The article reviews new methods and research in the art field. It describes major digital humanities trends in Russian art history.

KEYWORDS: art history, digital humanities, digitalization, expertise, funds, museums

Стремительное развитие техники и технологий со второй половины XX в. привело к появлению типа культуры, требующей адекватных по форме и актуальности методов исследования в научной сфере. Результатом становится развитие такого направления как digital humanities (в пер. с англ. «цифровые гуманитарные науки»). Цифровые гуманитарные науки привнесли новые коммуникативные формы, тематику, методологию и инструментарий.

Область практического применения digital humanities в искусствоведении связана с развитием трех направлений: дигитализация, анализ изображений и данных, публикация данных, изображений и результатов исследований.

Целью работы является обзор направлений и исследовательских практик цифровых гуманитарных наук в области отечественного искусствознания.

1. Дигитализация

Проблема сохранения культурного наследия всегда стоит особенно остро в музейном деле. Хрупкость материальных носителей, влияние неблагоприятных экологических факторов, экономической и даже политической ситуации в мире при-

водит к невосполнимой утрате величайших памятников культуры. К примеру, в ходе террористических действий в Сирии, Афганистане и Ираке навсегда были утрачены выдающиеся объекты культурного наследия. Логичным выходом из сложившейся ситуации является дигитализация.

Технологии компьютерной оцифровки достигли высокого уровня и ставят перед исследователем ряд задач. Каковы критерии отбора фондов для создания электронных копий? Какие должны быть требования к техническому оборудованию и программному обеспечению? Что взять за параметры оценки качества дигитализации? На сегодняшний день существует два основных метода создания цифровых копий: сканирование и цифровая фотосъемка.

Наиболее внушительный опыт оцифровки наследия накоплен в библиотечном и архивном деле. В работах отечественных исследователей С. А. Хрустальевым [1] и Ю. Ю. Юмашевой [2] подробно описана технология сканирования. Разработано пособие «Методика контроля качества сканирования бумажных документов» [3]. На портале Федерального архивного агентства представлены методические рекомендации по элек-

тронному копированию и управлению полученным информационным массивом [4]. Вопросы оцифровки художественных произведений освещены в работах таких отечественных исследователей как Н. А. Гагман [5] и В. В. Чистяков [6]. Процесс фотосъемки произведений живописи описан в работе В. А. Славных [7].

Традиционная форма фиксации памятников архитектуры и скульптуры в виде альбома с фотографиями или чертежей не дает точную информацию о геометрических свойствах объекта. Поэтому для создания цифровых копий таких памятников используется лазерное сканирование и фотограмметрическая съемка [8; 9; 10]. Данные методы интересны тем, что позволяют создавать цветные ортофотопланы и 3D модели.

Результатом такой технологически сложной работы является большое количество опубликованных в сети интернет полнотекстовых баз данных, коллекций произведений искусства и виртуальных туров. Цифровая копия произведения искусства обладает рядом достоинств: в точности передает цвет, текстуру, форму и отдельные детали оригинала; в процессе оцифровки исключается контакт с поверхностью памятника; а также позволяет провести реконструкцию и изготовить копию из материала.

Вышеперечисленные работы предоставляют значительные, но не исчерпывающие теоретическое представление и практические решения для контроля и получения цифровых копий запланированного качества. Однако остается вопрос длительного хранения и публикации электронных копий и моделей. Таким образом, работа по переводу библиотечных и музейных фондов в цифровую форму и последующее внедрение их в различные информационные системы требует больших финансовых и материальных затрат, систематической работы и методологической разработанности.

2. Анализ изображений и данных

Оцифровка произведений искусства, представляет большой интерес. Цифровая копия позволяет решить ряд задач: каталогизация художественных произведений, фиксация состояния, пропаганда и популяризация искусства в печатной и электронной форме, идентификация с целью проведения сравнительного исследования.

Различным живописным техникам, эпохам, школам, отдельным мастерам присущи свои индивидуальные особенности цвета и мазка, отличающие их от всех других. Эти особенности имеют большую ценность с точки зрения исследования художественного мышления автора, и практическую значимость для науки. Такие данные позволяют разграничить близкие по своей природе явления, установить авторство, обнаружить подделки и следы реставрационных работ.

Существует ряд вычислительных методов анализа цифровых копий произведений искусства, некоторые из них описаны в работе [11], они позволяют решать такие задачи как определение авторства картины, принадлежность художественному стилю, поиск влияний и связей между художниками.

Например, исследователи [12; 13], предложили описание фактуры картины в виде рельефа и проанализировали гистограмму изображения. Для сравнения фрагментов применялась теоретико-информационная мера различия на основе дивергенции Кульбака-Лейблера – меры удаленности друг от друга двух вероятностных распределений. Описанная методика была протестирована на изображениях портретов, написанных в XVIII–XIX вв. В вычислительном эксперименте картины сравнивались по трем однотипным фрагментам «лоб», «нос», «щека». Результаты показали существенное различие в значениях расстояний между картинами, написанными одним автором, и картинами разных авторов.

Другой исследователь [14] предложил для идентификации автора произведе-

ний искусства использовать колориметрические измерения «контраста цветового насыщения», (противопоставление ярких, насыщенных и блеклых, затемненных цветов), зависящего от пропорций и равновесности композиции, присущего конкретным художникам. Было предложено вычислять соотношение основных и дополнительных цветов на основе сопоставления цвета картины в разных точках по отношению к нейтральному серому фону. Вывод был основан на рассмотрении колориметрических измерений объектов русской и западноевропейской живописи XIX-XX в.

Явления и процессы, существующие в обществе и культуре, взаимосвязаны, а их появление зачастую предсказуемо. Сходства и различия произведений художников разных веков могут быть обусловлены огромным количеством факторов, скрытых и внешних причин. Но в итоге их качественные характеристики определяются суммой вычисляемых признаков: композицией, характерными приемами, цитатами классических тем, сюжетов, мотивов, форм, наличием фрагментов композиции одного художественного произведения в другом. В связи с этим, изучение причинных связей между объектами и структурами – важная задача, решение которой возможно при помощи количественных методов. Данные средства ориентированы на сбор, систематизацию, анализ информации, представленной в численной форме, и включают статистику, контент-анализ, системный анализ, а также другие математические методы, в основе которых лежит принцип измерения.

В. М. Петров [15] выдвинул предположение и вычислил математически, представление о том, что цветовые решения картины, присущие различным национальным школам напрямую зависят от географии страны.

Власов В. Г. [16] обосновывает точку зрения, что метод кластерного анализа способен выявить критерии типологизации. Изучение произведений искусства по формообразованию в зависимости от меры завершенности и целостности, позволило

исследователю проследить тенденции их исторического развития. Предложенная методика была апробирована на произведениях искусства XV-XX вв.

Ю. В. Костюков [17] предложил устанавливать факт наличия взаимосвязи между характерными признаками произведения искусства и ее значимости на основе критерия хи-квадрат. Описанная методика была протестирована при анализе декорирования столовой и чайной посуды завода Гарднера к. XVIII – последней трети XIX вв. В результате исследования Костюков Ю.В. установил, что на изделиях завода Гарднера наиболее тесно связаны между собой признаки «тема» и «форма» декора. Зная значение одного из них, можно с определенной вероятностью предсказать значение другого.

Эффективное применение статистических методов можно наблюдать при установлении цены на художественные произведения. Финансовые показатели для этих товаров строятся на изменении средних цен, которые зависят от конкретных выставленных на продажу предметов (где ключевую роль играют имя автора, время создания произведения, техника исполнения и ряд других показателей). Существует множество ценовых индексов¹, отражающих динамику арт-рынка. Методики расчетов каждого из них уникальны, и зачастую базируются на статистической обработке повторных продаж, или на изменении капитализации аукционного арт-рынка [18].

Таким образом, количественные методы позволяют исследовать предмет бесконтактным способом, т.е. по его цифровой копии, анализируя характерные признаки произведений искусства или количественной информации, отражающей связи между объектами и структурами. Они направлены на решение обширного круга задач: идентификация автора памятника, принадлежности художественному стилю,

¹ Параметр, который характеризует динамику уровня цен на группу товаров или товар за отчетный период.

поиск влияний и связей между художниками, типологизация и ряд других. Предложенные решения способствуют некоторой формализации данных, а, следовательно, возможности их верификации.

Технологии компьютерного анализа информации достигли высокого уровня. Очевидно, что для успешного использования упоминаемых методов необходимо наличие обширных баз изображений оригинальных атрибутированных работ, а так же баз вычисленных данных для сравнения.

3. Публикация данных, изображений и результатов исследований

Сегодня архивы, библиотеки, музеи и галереи во всех странах открывают доступ к своим фондам, коллекциям и собраниям в сети интернет. У университетских библиотек это возможность открытого доступа к редким книгам, рукописям, фотографиям, музыкальным записям и фильмам. Часто такие источники требуют особых условий хранения, и возможность работы с ними крайне ограничена. Цифровые коллекции подобных материалов открывают для преподавателей возможность включения в процесс обучения уникальных исторических документов.

Появление электронных научных журналов в библиотеке решает проблему организации удобного доступа к научной периодике, а также предоставляет пользователям и авторам развитый поисковый механизм и установление обратной связи с читателями.

К примеру, Российская государственная библиотека имеет свою электронную библиотеку, фонд которой включает цифровые копии старопечатных книг, научную и учебную литературу, диссертации и авторефераты диссертаций по различным отраслям знаний, коллекции нот, рукописей и карт. Доступ к фондам возможен через мобильное приложение, позволяющее искать библиографические описания книг и документов, а также просматривать оглавления любых оцифрованных материалов. Для учреждений культуры действует межбиблиотечный абонемент, который

обеспечивает равные возможности в использовании информационных ресурсов библиотек для всех пользователей, независимо от их места жительства, социальной и профессиональной принадлежности.

На сегодняшний день обладателями самых крупных цифровых коллекций произведений искусства, среди отечественных музеев, являются Государственный Эрмитаж и ГМИИ им. А. С. Пушкина. На их сайтах представлены высококачественные изображения, снабженные научными описаниями. Свободный доступ ко всей коллекции открыл Рыбинский музей-заповедник. Воспользовавшись их справочно-информационной системой можно получить возможность работать с более чем 120 тыс. предметов, а также приобрести цифровую копию. В то же время, на ресурсах этих и ряда других музеев есть указание на ограничение использования изображений предметов коллекции, а также на текстовую информацию (результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации), аудио-, видео- и мультимедийные материалы в связи с исключительным правом владения информацией.

Электронные собрания музеев содержат цифровые копии живописи, скульптуры, гравюры, произведений декоративно-прикладного искусства, древних рукописей и старопечатных книг, фотографий и исторических документов. Изображения могут быть увеличены в размере, усилена контрастность цветов и четкость деталей, выцветший рисунок может быть прочитан, загрязнения очищены, а слабые карандашные пометки сделаны хорошо видимыми. Особенно ценно это становится при работе с редкими, плохо сохранившимися, документами. Информационно-поисковые системы электронных ресурсов позволяет осуществлять просмотр, распечатку, поиск необходимого объекта по автору, названию, времени создания, технике, месте создания и ряду других параметров, а также создать собственную электронную коллекцию.

Выводы

Дигитализация библиотечных, музейных и архивных фондов, приводит к созданию баз данных цифровых копий произведений искусства, документов, редких книг и рукописей, фотографий, музыкальных записей и фильмов, применимых для целей образования, исследований и реставрации.

Использование электронных изображений способствует сохранности хрупких памятников. Новые методы анализа позволяют по-новому взглянуть на базовые культурные концепции, открыть с помощью больших данных и вычислительных техник новые пути визуализации и понимания человеческой культуры. В то же время, количественные методы исследования произведений искусства не призваны заменить существующие.

Большое количество произведений искусства остаются, не введенные в научный оборот и незнакомы научному сообществу.

Возможность удаленной работы с художественными памятниками и документами, опубликованными в интернете, увеличивает скорость обмена научной информацией и позволяет познакомиться с коллекциями, хранящимися в музеях самой широкой аудитории.

Цифровая революция привела к глобализации мирового информационного сообщества. У пользователей, независимо от их географического положения, социального статуса и материального дохода, появляются равные права на получение необходимой информации и новые условия доступа к ресурсам. Все это ведет к расширению сферы исследований, улучшения качества обучения, установлению новых форм коммуникаций.

Искусствоведческие исследования выходят за пределы традиционной исторической науки. Изучение предмета представляется как анализ сложной, открытой и многомерной системы [16].

ЛИТЕРАТУРА

1. Хрусталева С.А. Управляемое накопление, гарантированное хранение и контролируемое использование электронных информационных ресурсов // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2008. – № 7. – С. 86-94.
2. Юмашева Ю.Ю. Создание электронных копий предметов культурного наследия: проблемы и возможные решения // Справочник руководителя учреждения культуры. 2011. № 10. С. 78-93.
3. Методика контроля качества сканирования бумажных документов: методическое пособие и техническое руководство / С.М. Тимиргалиев, Н.И. Черновалова, О.В. Баркова, Е.В. Ларкин, В.В. Котов, С.Н. Клещарь, Ю.И. Заславский. – М. : ДиМи-Центр, 2012. – 53 с.
4. Методические рекомендации по электронному копированию архивных документов и управлению полученным информационным массивом // Федеральное архивное агентство. URL: http://archives.ru/documents/rekomend_el-copy-archival-documents/razdel-2.shtml
5. Гагман Н.А. Фотографирование произведений искусства. – 1975.
6. Чистяков В.В. Технологии получения изображений музейных предметов. – 2011.
7. Славных В.А., Тарасов Д.А., Филимонов В.В. Цифровая фотосъемка произведений живописи // Передача, обработка, восприятие текстовой и графической информации : материалы международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 19–20 марта 2015). – Екатеринбург : УрФУ, 2015. – С. 209-219. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/31687/1/conf_rtf_2015_24.pdf
8. Парфенов В.А. Копирование каменной скульптуры в контексте сохранения материального культурного наследия // Вопросы музеологии. 2012. № 2 (6). С. 141-147.

9. *Тюрин С.В., Тихонов С.Г.* Сочетание методов трехмерного лазерного сканирования и цифровой фотограмметрической съемки для фиксации и обмера памятников архитектуры // Инженерно-строительный журнал, №7, 2010. – С. 25-30.
10. *Корчуков А.С., Леонов А.В.* Использование технологии лазерного сканирования при создании 3D моделей и мониторинге памятников архитектуры // Технология и организация строительного производства. 2013. № 1 (2). С. 49-51.
11. *Славных В.А., Сергеев А.П., Филимонов В.В.* О методах исследования цифровых копий художественных произведений для определения их индивидуальных особенностей // Дополнительные Материалы 4-й Международной конференции по анализу изображений, социальных сетей и текстов (AIST'2015). URL : <http://ceur-ws.org/Vol-1452/paper24.pdf>
12. *Мурашов Д.М., Березин А.В., Иванова Е.Ю.* Формирование признакового описания фактуры картин // Машинное обучение и анализ данных. 2013. Т. 1, № 6. С. 779–786.
13. *Мурашов Д.М., Березин А.В., Иванова Е.Ю.* Сравнение изображений картин по информативным фрагментам // Машинное обучение и анализ данных. 2014. Т. 1. № 8. С. 941–948.
14. *Новиков Г.И.* Колориметрические исследования в живописи // Материалы IX Международной конференции «Прикладная оптика-2010», 18–22 октября 2010, Санкт-Петербург, С. 236–240.
15. *Петров В.М.* Количественные методы в искусствоведении. Гос. ин-т искусствоведения М-ва культуры и массовых коммуникаций РФ. – М.: Академический Проект : Фонд "Мир", 2004 . – 430 с.
16. *Власов В.Г.* Теория хаоса, аритмология и методы кластерного анализа в современном искусствоведении // Электронный научный журнал «Архитектон: известия вузов». – УралГАХА, 2015. – № 51. URL: http://archvuz.ru/2015_3/1
17. *Костюков Ю.В.* Возможности применения вероятностно-статистического метода для оценки значимости признаков в идентификации произведений искусства // Теория и практика актуальных исследований (Материалы Международной научно-практической конференции, 17 апреля 2012).
18. *Михлин А.В.* Арт-индексы: корреляция цен на предметы искусства с ценами других активов и некоторые эффекты арт-рынка // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. № 4 (151). С. 83-90.

УДК 304.444

Л. Н. Жуковская

С. В. Костылев

О. Ф. Морозова

Е. А. Ноздренко

г. Красноярск, Россия

ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ АРТ-МЕНЕДЖМЕНТА КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩЕГО ФАКТОРА МИРА КУЛЬТУРЫ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу характерных особенностей арт-менеджмента как нового научного направления, способного привести в действие механизмы консолидации и самоорганизации в мире культуры. Авторы утверждают, что арт-менеджмент выполняет системообразующую функцию, направленную на созидание социокультурного единства через внедрение общих целей и ценностей. Задачей арт-менеджера становится активное погружение зрителя в художественный процесс через символику, образы, заключенные в арт-продуктах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: арт-менеджмент, арт-менеджер, артосфера, культурный код, социокультурное пространство

L. N. Zhukovskaya

S. V. Kostylev

O. F. Morozova

E. A. Nozdrenko

Krasnoyarsk, Russia

PROBLEMS OF CONCEPTUALIZATION OF ART MANAGEMENT AS A SYSTEM-FACTORING FACTOR OF THE WORLD OF CULTURE

ABSTRACT. The article is devoted to the analysis of the characteristic features of art management as a new scientific direction, capable of activating the mechanisms of consolidation and self-organization in the world of culture. The authors argue that art management performs a system-forming function aimed at building sociocultural unity through the introduction of common goals and values. The task of the art manager is the active immersion of the viewer into the artistic process through the symbols, the images enclosed in the art products.

KEYWORDS: art-management, art-manager, artosphere, cultural code, sociocultural space

Процессы глобализации вызвали необратимые изменения не только в экономике, политике, но и во всем мире культуры. Усложнение культурных взаимодействий, стирание и видоизменение межкультурных границ и культурных сред, миграционные процессы стали угрожать процессам национальной идентификации и самоидентификации. Приводящие к негативным последствиям проблемы «разрывов» в социокультурном пространстве заставили задуматься над смысловыми основаниями культуры, которые смогли бы

обеспечить стабильность и устойчивость социокультурной системы, привести в действие способы самоорганизации мира культуры.

Противоречия центробежных и центростремительных сил в сфере культуры информационного общества предопределили внимание исследователей ряда научных направлений к феномену «арт-менеджмент». Общение с миром искусства, которое имманентно присуще человечеству на всех этапах его развития, приобретает принципиально новые черты. Кон-

статация факта, что современный арт-менеджмент ориентирован на осуществление оперативного, тактического и стратегического управления трансформациями социокультурной сферы всех уровней в интересах общества и личности породила потребность переосмысления сущности данного феномена и его функционального статуса в мире культуры

Традиционным и оправданным является восприятие арт-менеджмента как технологии управления, как управленческой деятельности в арт-сфере как элементе мира культуры, практической ориентации арт-менеджмента посвящаются публикации международного журнала IJAM [7]. Вместе с тем приобретающая все большую значимость в современном обществе информационная и интеллектуальная доминанта подвели к идее обратиться к арт-менеджменту с иных позиций.

Нам в этом плане представляется актуальным исследование исторического движения человечества к когитосфере, которую Т. Н. Суминова образно назвала космической проекцией концептуально-мыслительной деятельности человека и её продуктов, полем духовности, охватывающем собой Землю и околоземное пространство и взаимодействующем со всеми другими сферами [7, с. 119]. При концептуализации арт-менеджмента мы будем исходить из неразрывного единства практики управления миром культуры и научного осмысления этой практики.

В нашу задачу входит: зафиксировав структурное своеобразие мира культуры, определить роль парадигмальных оснований науки «арт-менеджмент» в его целенаправленном формировании.

Как ответ на вызов информационной эпохи прозвучал вывод Международной ассоциации менеджмента культуры и искусств о возникновении принципиально нового научного направления — «арт-менеджмент». В то же время недостаточная дисциплинарная определенность арт-менеджмента позволяет выявить две тенденции: стремление к обособлению предметно-проблемного поля научной дисциплины

и выявление пересечения предметно-проблемных полей арт-менеджмента с социокультурным менеджментом, теорией искусств, культурологией, теорией социально-культурной деятельности и других гуманитарных дисциплин.

М. Ю. Платонов склонен определять арт-менеджмент как «новое пространство для распространения теории менеджмента в контексте управления организациями сферы культуры и искусств» [6, с. 62]. В результате арт-менеджмент представлен как комплекс знаний об управлении организациями сферы культуры и искусств, является «поддисциплиной общего менеджмента в отраслевом разрезе». Признавая наличие некоторых оснований для подобного утверждения, мы считаем необходимым возразить автору в том плане, что определение статуса арт-менеджмента как «поддисциплины» значительно обедняет и делает незаслуженно узкой предметную область арт-менеджмента.

Сегодня мы находимся на одной из начальных ступеней формирования структурной единицы науки, которая должна своими механизмами саморегуляции обеспечить коллективную исследовательскую деятельность арт-менеджеров, систематизацию эмпирического и теоретического материала о мире культуры, коммуникацию ученых и воспроизводство интеллектуального ресурса практиков, а так же способствовать системообразованию мира культуры.

Компоненты сертификата науки, свидетельствующие о степени её зрелости, уже присутствуют. Это: наличие объекта, предметно-проблемного поля, терминологической определенности, методологических оснований, собран фактологический материал, но в то же время названные компоненты становятся проектными для дальнейшего её становления и развития. Мы обращаем внимание на своеобразие эволюции арт-менеджмента как научного направления: если традиционно науки проходили достаточно долгий путь от накопления эмпирических фактов, через их систематизацию и обобщение к зрелой

теории, включающей парадигмальные основания, то арт-менеджмент в течение достаточного краткого временного промежутка, при опоре на достигнутый опыт формирования научного знания, приобретает черты науки, способной к саморефлексии и парадигмальному оформлению [1; 5].

Как концептуальная схема, парадигма включает в себя выявление статуса теоретического объекта, отраженного в категориальном аппарате, введение новых предметных областей науки, идейно-смысловое ядро, когнитивно-ценностные критерии.

Статус теоретического объекта отражен в определении. Существующие определения арт-менеджмента, безусловно, обладают теоретической значимостью, без них невозможно было бы решать задачи организации и самоорганизации мира культуры. Здесь мы присоединяемся к мнению авторов, которые не согласны с «узким» пониманием арт-менеджмента как артистического менеджмента, как профессионального управления процессами создания и продвижения материальных и духовных ценностей в отдельных, пусть даже таких достаточно развитых социокультурных практиках как шоу-бизнес.

Мы не оспариваем утверждение, что объектом науки «арт-менеджмент» является арт-сфера. Многообразие современных социокультурных практик позволяет определить арт-сферу как космическую проекцию художественно-творческой деятельности или как «своего рода «мостик» от социосферы (космической проекции деятельности людей, создающей как оппозицию «человек-природа», так и рукотворную «вторую природу»)» [7, с.119]. В то же время, признавая заслуги сферного подхода к анализу социокультурного пространства, мы должны внести некоторое уточнение: арт-сфера, с одной стороны есть сфера особая, но с другой – она не является отдельной, а становится проникающей во все области мира культуры. Происходит «артизация» пространства жизнедеятельности, наблюдает-

ся устойчивая потребность населения окружать себя предметами искусства не только в быту, но и в других областях.

Ф. Колбер и Ф. Эввар отмечают, что кризис в определении искусства связан с его местом в современном мире культуры. Место искусства в обществе как мире культуры рассматривается с трех позиций: религия, образование и развлечение [4], а «ближайшими соседями» арт-менеджмента выступают области, связь которых с арт-сферой не изучена: туризм, спорт, коммуникации. Можно отметить так же факт, что современные креативные и культурные индустрии, включая рынок арт-индустрий, способствуют экономическому и социокультурному развитию территорий. Не случайно, Т. Н. Сумина пишет о возможности восприятия арт-менеджмента и как искусства, и особой субкультуры, наполненной своими ценностями, нормами и законами [7, с. 12].

Современный мир культуры мозаичен. Однако в нем присутствуют синергетические механизмы самоорганизации, превращающие «хаос» в определенный «культур-порядок», а наука «арт-менеджмент» выявляет эти механизмы и тем самым способна превратиться в способствующий самоорганизации мира культуры фактор.

Самоорганизация мира культуры имеет вполне реальный фокус – культурный код. Сегодня глобализация, активные межкультурные полилоги, видоизменение культурных границ и культурных сред порождают опасность потери идейно-смыслового ядра мира культуры. Культурный код – это феномен, который концентрирует культурные особенности, передаваемые из поколения в поколение, это информация, позволяющая идентифицировать конкретный мир культуры. Исследование культурного кода позволит проникнуть на новый, глубинный, смысловой уровень целенаправленного формирования социокультурного пространства.

Арт-менеджмент выполняет системообразующую функцию, «работая» в нескольких направлениях. Задачей арт-

менеджера-практика становится созданием социокультурного единства через внедрение общих целей и ценностей. Через символику, образы, заключенные в арт-продуктах, формируются принципы миропонимания, образуется понятийная сетка картины мира. С помощью этой сетки удерживается устойчивое и традиционное в мире культуры.

Призванное «раскрывать истину в чувственной форме» [2], искусство отражает имманентное стремление человека духовно осознать как внешний, так и внутренний мир человека, что очень важно для восприятия целостности многообразия мира культуры.

Особым направлением системообразования становится единство реципиента-потребителя и творца-создателя произведения искусства. Мы подчеркиваем интерактивный и иммерсивный характер арт-практик, активное включение и погружение зрителя в художественный процесс.

Деятельность арт-менеджера «распадается» при этом на два направления: первое – он ориентируется на создание качественного арт-продукта, выступая в роли искусствоведа-знатока, искусствоведа-исследователя и искусствоведа-майевтика. Знаточеские качества проявляются в зна-

нии материала архитектуры, скульптуры, живописи, способности отличить оригинал от подделки, определить состояние, возраст арт-продукта [3, с. 438-482], а так же умении предвидеть последствия воздействия арт-продукта на зрителя. Как исследователь, арт-менеджер анализирует сущность арт-продукта, проникая в «умозрительную суть художественного образа», решает какую роль будет играть арт-продукт в функционировании мира культуры. Как майевтик, арт-менеджер налаживает творческий диалог между потребителем и творцом, он – методолог, психолог, педагог, наставник. Второе – арт-менеджер способствует превращению произведения искусства из «вещи-в-себе» в «вещь-для-реципиента». Его усилиями зритель становится наблюдателем, собеседником, со-творцом [3, с. 141-156].

Таким образом, арт-менеджмент как новое научное направление третьего тысячелетия, отражая сущностные арт-сферы как компонента мира культуры на парадигмальном уровне, находит возможность привести в действие еще неосмысленные, но практически значимые механизмы консолидации, системообразования, самоорганизации в мире культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арт-менеджмент: учеб. пособие. / Л. Н. Жуковская, С. В. Костылев, В. С. Лузан, О. Ф. Морозова, Е. А. Ноздренко. – Красноярск: СФУ, 2016. – 185 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: М: Искусство, 1969. - Т. 3. - 621 с.
3. Жуковский В. И. Теория изобразительного искусства. – СПб: Алетейя, 2011. – 496 с.
4. Колбер Ф., Эврар И. Арт-менеджмент – наука третьего тысячелетия. // Арт-менеджер. – 2002. – № 3. – С. 3-10.
5. Менеджмент и арт-менеджмент: грани концептуального взаимодействия / О. Ф. Морозова, Е. А. Ноздренко, Л. Н. Жуковская, С. В. Костылев // Економічний часопис-XXI. – 2016. – Т. 158. – № 3-4. – С. 61-65.
6. Платонов М. Ю. Арт-менеджмент: предмет и границы дисциплины // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2015. – № 6. – С. 61-68.
7. Суминова Т. Н. Арт-менеджмент как социокультурный концепт.// Вестник МГУКИ.– 2011. – № 3. – С.117-123.

УДК 316.454

Ю. А. Кузовенкова

г. Самара, Россия

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В 80-90 гг. XX в.**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается роль хип-хоп культуры в жизни российского подростка 90-х гг. XX в. Исследование основано на интервью, проведенных автором статьи с людьми, увлекавшимися этим направлением современного искусства в указанный период. Материалы интервью позволяют говорить о том, что хип-хоп стал источником культурной идентичности, формой творческой самореализации и средством преобразования наличной социокультурной реальности для части российской молодежи. В рамках кросскультурного анализа выделяется общее и различное в функциях хип-хоп культуры в США и России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: хип-хоп, граффити, молодежь, субкультура, идентичность, ценности, самореализация

Yu. A. Kuzovenkova

Yekaterinburg, Russia

TRANSFORMATION OF THE PLACE OF RUSSIAN YOUTH SUBCULTURE IN 1980s–1990s

ABSTRACT. The article explores the role of hip hop culture in the lives of Russian teenagers in 1990s. The research presented here is based on the interview conducted by the author, with the respondents who were passionate about this contemporary musical style in this period. The interview materials allow to conclude that for a percentage of Russian youth hip hop served as a source of cultural identity, a form of creative self-expression as a tool for transforming their socio-cultural environment. As part of our cross-cultural analysis, we describe what was common and different in the role of hip hop culture in USA and Russia.

KEYWORDS: hip hop, graffiti, youth, subculture, identity, values, self-expression

Серьезные трансформации в политической сфере неминуемо влекут за собой изменения и в других сферах жизни общества. Очень ярко эти процессы были проявлены в перестроечный и постсоветский периоды российского общества. Трансформация власти, выстраивание новой парадигмы политических отношений со странами Запада, вели и к увеличению заимствований из их культурной сферы. Во второй половине 80-х – 90-х гг. в российской молодежной среде существовали различные западные субкультурные течения, «доставшиеся в наследство» от советского времени, как, например, рок-культура, или пришедшие с интенсификацией международных контактов рядовых жителей России, например, хип-хоп культура.

В рамках данной статьи мы хотим рассмотреть роль хип-хоп культуры в молодежной среде в переходный период истории нашей страны на примере Самары и выявить ее специфику с помощью кросскультурного анализа, сравнивая наши результаты с материалами аналогичных исследований, проведенных в США. Анализируемые в данной статье интервью были взяты автором статьи в 2015-2016 гг. у людей, занимавшихся хип-хопом в Самаре во второй половине 90-х гг. В указанный период хип-хоп еще был целостной субкультурой, в состав которой входили брейк-данс, рэп, граффити, диджеинг. Вследствие этого все информанты занимались различными видами творчества, хотя изначально кого-то привлек танец, кого-то музыка, кого-то рэп.

В англоязычной научной литературе уже сложилась традиция, согласно которой хип-хоп зародился в США как форма символического сопротивления официальной власти, к которой прибегали бедные слои населения, представленные в США преимущественно афро- и латиноамериканцами: П. Деннант [5], Р. Старр [8], Г. Бейкер [1] и др. Как отмечает Деннант, используя микрофоны и спреи, через рэп, брейк-данс и граффити, молодежь высказывала свое недовольство наличными условиями жизни [5]. Хип-хоп в первые десятилетия его существования связывают с голосом угнетенных и лишенных гражданских прав социальных слоев, положение которых ухудшали разразившиеся в 70-х – 80-х гг. XX в. в США экономические кризисы. Одновременно уже в середине 70-х гг. граффити приобретает новые функции, что особенно ярко стало видно в 80-е гг. из-за изменившихся социокультурных условий жизни граффити-сообщества, вхождения хип-хопа в массовую культуру и сферу официального искусства [2; 5].

Проведенное нами исследование и сравнение его результатов с англоязычными работами позволяет говорить о следующем. В воспоминаниях о 90-х гг. кризисное состояние жизни общества является фоном, на котором происходило обращение к европейской культуре. Но, речь шла не об экономических трудностях или политических ограничениях в правах, а о том, что в отечественном культурном пространстве часть молодежи не находила для себя форм самореализации. В пример можно привести такие формулировки: «Для молодежи тогда ничего не было» [Инф. 1] (имеется в виду распавшаяся сеть культурных и спортивных учреждений для детей и молодежи), или: «Тогда не было российского» [Инф. 4]. Другой интервьюируемый нарисовал более развернутую картину того периода своей жизни: «... чего много было в это время – это бандитов, нищета, невероятное количество завезенных наркотиков, ошалевшие люди, не понимающие рыночную экономику, мозг это

не воспринимал, пили многие... кто-то Ленину еще поклонялся... война в Чечне... раздел предприятий, дефолт, Березовский... да там был дурдом... какое отечественное... вот реально я что перечислил, было отечественное... » [Инф. 2]. Таким образом, можно сказать, что информанты аргументируют свое обращение к западным культурным образцам отсутствием отечественных форм самореализации молодежи.

В рассказах информантов фигурируют различные субкультуры, которые существовали в Самаре и представляли собой тот вектор выбора, который имелся у самарского подростка: рок-культура, движение скинхедов, растафарианство, хип-хоп. Самым частым ответом на вопрос о причинах выбора именно хип-хопа среди других вариантов было указание на то, что это было модно. Тут важно обратить внимание на тот факт, что уже в 80-е гг. граффити-холсты активно выставляются в западных галереях [4], рэп и брейк-данс завоевывают популярность в клубах, на танц-полах и попадают на телевидение. Таким образом, хип-хоп уже в 80-е гг. существовал как сложившаяся арт-практика, имеющая большое число поклонников. Информанты рассказывают о том, что каналами распространения и популяризации хип-хопа как за рубежом, так и на территории России стали музыкальные телевизионные каналы (в России - MTV), молодежные передачи, тематические журналы, видео- и аудиокассеты. После падения «железного занавеса» в Россию хлынул поток с информацией о западной культуре, который и принес популярность хип-хоп культуре в молодежной среде.

Будучи модным направлением в культуре, хип-хоп давал молодежи формы творческой самореализации. Подростки, тяготеющие к танцу, музыке, пению, рисованию могли найти в одной субкультуре сразу несколько различных творческих практик. Свои интересы и формы времяпрепровождения информанты описывали так: «катался на скейте и роликах. Основное мое времяпровождение было с 2000-го

года – танцы на улицах летом и тренировки зимой» [Инф. 7] или «всегда была склонность к рисованию» [Инф. 5]. В англоязычной литературе мы тоже можем найти указания на то, что хип-хоп является формой творческой самореализации [см., например: 3; 6].

Ряд ответов на вопрос «Почему был выбран именно хип-хоп из перечня молодежных субкультур?» содержал в себе качественно иные аргументы – это были указания на ценности, которые нес хип-хоп: спорт, здоровый образ жизни, самосовершенствование. Информанты объясняли это тем, что брейк-данс и экстремальные виды спорта (скейтборды, спортивные велосипеды, роликовые коньки) не совместимы с алкоголем и наркотиками. Для кого-то было важно, что «это не было связано с наркоманами, растаманами» [Инф. 4], очень похожий ответ: «хотелось сферы, не связанной с наркотиками и тому подобным» [Инф. 5]. Один из наиболее подробных ответов описывал «бандитские» реалии 90-х и позитивные ценности, которые нес хип-хоп: «Хип-хопа культура – это целый огромный пласт, который неразрывно связан со всей мировой культурой. Единственное, что я могу сказать – у нашей молодежи не было альтернатив, потому что было очень много грязного и плохого на улицах, а рэп-музыка дает понять, что это плохое, раскрыть перед молодыми людьми, что есть темное, что есть светлое. Можно сказать, что это путеводитель в нашем жестоком мире <...> мы, может быть, и выжили благодаря ему» [Инф. 3].

Но, подобные высказывания не означают, что обращения к алкоголю, наркотикам и табаку полностью отсутствовало. Согласно информантам, все перечисленное присутствовало, но в гораздо меньших количествах по сравнению с другими субкультурами (растафарианство, панк-рок, движение скинхедов). Например: «были и наркотики, хотя не много. Спорт ориентировал на здоровый образ жизни. Максимум – травку курили» [Инф. 1]. Таким образом, субкультура хип-хопа в России соединила

форму творческой самореализации и ориентиры на здоровый образ жизни.

Через приобщение к хип-хопу молодежь не только утверждала систему ценностей, но и формировала свою культурную идентичность. Это особенно ярко видно тогда, когда интервьюируемые противопоставляли свою субкультуру какой-либо другой: «хип-хоп позволял себя чувствовать кем-то... ты не грязный панк» [Инф. 1]. На фоне агрессивного движения скинхедов хип-хоп выгодно отличался своим миролюбивым характером: «антиподами хип-хоперов были скинхеды. Я их не любил ни тогда, не люблю и сейчас» [Инф. 7]. Выше уже отмечалось противопоставление представителей хип-хопа растаманам [Инф. 4]. В англоязычной литературе мы также находим указания на связь хип-хопа с культурной идентичностью подростков [см., например: 7].

Мы полагаем, что из всего вышесказанного следует то, что, не будучи в состоянии изменить или как-то повлиять на кризисную ситуацию в обществе в целом, молодежь сформировала свое субкультурное пространство – ту среду, которая удовлетворяла ее духовным потребностям. Ценности здорового образа жизни, самосовершенствования, творческой самореализации, противопоставленные наркомании и деструктивным идеям скинхедов, органично вплелись в субкультуру российского хип-хопа. Возникшее в итоге альтернативное социокультурное пространство, фундированное особой системой ценностей и образцами поведения, стало формой борьбы с кризисным состоянием общества в 90-е гг. – с разрухой, наркоманией, нетерпимостью.

В рамках кросскультурного анализа, сравнив функции, которые выполняла субкультура хип-хопа в молодежной среде США и России, мы пришли к следующим выводам:

- сходство национальных вариантов исследуемой субкультуры в двух странах заключается в том, что они являлись источником культурной идентичности и формой творческой самореализации для подростков. Кроме того, в обеих странах хип-хоп

использовался как форма сопротивления наличной реальности, которая не устраивала молодежь;

- различия заключаются в объектах сопротивления: согласно американским исследователям, хип-хоп в США в начале своего существования (70-е гг.) был средством сопротивления официальной власти, экономическим и политическим условиям жизни, а в России в 90-е гг. его используют подростки для сопротивления кризисному состоянию духовной сферы и культурной жизни страны. Кроме того, российская мо-

лодежь идет дальше: она не столько критикует, сколько на практике преобразует социокультурную среду, конструируя свое альтернативное пространство.

И крайне существенным мы полагаем тот факт, что на российской культурной почве среди молодежи хип-хоп стал ассоциироваться со здоровым образом жизни и в целом стал источником системы ценностей, которая давала подросткам позитивные жизненные ориентиры. Исследования, проведенные в США, подобной ценностной тематикой не оперируют.

Список информантов:

- Инф. 1 – Н.В., 35 лет, начал рисовать с 1996 г.
- Инф. 2 – Ю.М., 35 лет, начал рисовать в 1996 г.
- Инф. 3 – А.М., 40 лет, начал рисовать в 1995 г.
- Инф. 4 – М.Ш., 31 год, начал рисовать в 1999 г.
- Инф. 5 – А.З., 36 лет, начал рисовать в 1995 г.
- Инф. 6 – Д.Д., 33 года, начал рисовать в 2000 г.
- Инф. 7 – Н.У., 29 лет, начал рисовать в 2000 г.
- Инф. 8 – К.Т., 30 лет, начал рисовать в 2000 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Baker H.A. Jr.* Black studies – Rap And The academy. U.S.: The University of Chicago press, 1993.
2. *Bradley J. Bartolomeo.* Cement or Canvas: Aerosol Art & The Changing Face of Graffiti in the 21st Century. Anthropology Honors Thesis, 2001. URL: <https://www.graffiti.org/faq/graffiti-is-part-of-us.html> (дата обращения: 22.03.2017).
3. *Brewer D.D.* Hip Hop graffiti Writers' evaluation of Strategies to Control Illegal Graffiti // Human Organisation. 1992. № 2. С. 188-189.
4. *Chalfant H., Prigoff J.* Spraycan Art. London: Thames and Hudson Ltd, 1999. - 96 p.
5. *Dennant P.* Urban expression... Urban assault... Urban wildstyle... New york city graffiti. American studies project 1997. URL: <https://www.graffiti.org/faq/pamdennant.html> (дата обращения: 18.03.2017).
6. *Howorth L.N.* Graffiti // Handbook of American Popular culture, ed. M. Thomas Inge. Connecticut: Greenwood, 1989.
7. Quick Rachel K. The cultural commodification of identity: hip-hop authenticity. A Thesis presented to the Faculty of the Graduate School at the University of Missouri. May 2011. URL: <https://mospace.umsystem.edu/xmlui/bitstream/handle/10355/11503/research.pdf?sequence=3> (дата обращения: 22.03.2017).
8. *Starr R.* Writers and Rogues // The Public Interest. 1983. № 70. С. 132-134.

УДК 009

Е. А. Романенко

г. Екатеринбург, Россия

БУДУЩЕЕ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ (на примере проекта «Венера»)

АННОТАЦИЯ. Автор рассматривает глобальные социокультурные проекты по переустройству мира как реакцию на социальные изменения. Главной целью статьи является выяснение научного интереса и практического применения изучения футурологических моделей мира. Анализ производится на примере проекта «Венера», созданного в XX веке американским дизайнером Жаком Фреско.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социокультурное проектирование, проект будущего, проект «Венера», футурология, наука о будущем, Жак Фреско

Е. А. Romanenko

Yekaterinburg, Russia

FUTURE AS OBJECT OF SOCIOCULTURAL DESIGN (on the example of the Venus project)

ABSTRACT. The author considers global sociocultural projects for the reconstruction of the world as a reaction to social changes. The main purpose of the article is to elucidate the scientific interest and practical application of the study of futurological models of the world. The analysis is made on the example of the Venus project, created in the XX century by American designer Jacque Fresco.

KEYWORDS: sociocultural design, project of future, the Venus project, futurology, futures studies, Jacque Fresco

Культура, как и общество, не является чем-то статичным, она постоянно меняется. Согласно концепции А. Тойнби, детерминантом изменений является «вызов», представляющий собой проблему, которую нужно решить. Адекватный «ответ» не только решает возникшую проблему, но и выводит общество на новый уровень развития.

Одной из форм ответа на исторические вызовы являются социокультурные проекты разного масштаба. В том числе и те, что ставят своей целью изменение всего общества к лучшему или, оперируя утопическими категориями, создание идеального общества. С одной стороны, такая формулировка выглядит крайне неубедительно, отсылая нас к области литературной фантастики, с другой же, мы сталкиваемся с вопросом: а не в этом ли состоит суть социокультурного проектирования?

А.П. Марков и Г.М. Бирженюк определяют проектную деятельность как

способность к «...продуктивному воображению, творческому и свободному преобразованию реальности на основе “модели потребного будущего”» [2, с.4], что само по себе представляет некий футуристический конструкт.

Погрузившись в историю культуры, мы найдём множество проектов, нацеленных на преобразование реальности и создание идеального мира будущего: от «Государства» Платона до проектов всемирной коммунистической революции. Объединяет их то, что своим появлением они обязаны происходившим в обществе изменениям, чаще всего негативным, представляющим угрозу.

С научно-техническим прогрессом, накоплением знаний и усложнением социальных и политических систем, человечество постоянно сталкивалось с новыми вызовами, решать которые становилось всё сложнее. Религиозные и идеологические проекты не справлялись с решением гло-

бальных проблем, а развитие техники, зачастую, лишь усугубляло их. Массовое промышленное производство, распространение автомобилей, изобретение нового оружия способствовали усилению социального неравенства, разделению мира на «передовые» и «отсталые» страны, нарастанию экологических угроз, всё более актуальной становилась проблема сохранения мира и разоружения.

Эти вопросы активно поднимались в США в 1960-е годы, в период либерализации и борьбы за гражданские права, равенство, социальную и экологическую безопасность. В то время проходили массовые выступления против войны во Вьетнаме, велись экологические кампании, возникли и начали распространяться не только по стране, но и за её пределами, субкультуры, выражавшие недовольство политической и социальной ситуацией, как в отдельных странах, так и во всём мире.

Одним из главных мотивов становится идея естественности человеческого существования, возможности гармоничной жизни вне государственности и экономики, которая воплощается в создании коммун и закрытых обществ, живущих по своим законам. В это же время возникает футурологический проект «Венера» американского дизайнера и изобретателя Жака Фреско, получивший широкую известность в начале 2000-х гг., но до сих пор мало изученный.

Приступая к его рассмотрению, мы задаёмся логичным вопросом: зачем? Вероятно, не для того, чтобы наверняка узнать будущее, но осознать, на какой стадии развития мы находимся в настоящем. Человек устроен таким образом, что, как бы ему не хотелось следовать принципу «*sapere diem*», осознать, кем мы являемся здесь и сейчас, является куда более сложной задачей, чем разобраться в прошлом или придумать желаемое будущее.

С этой точки зрения, проект «Венера», на наш взгляд, обладает большим потенциалом для исследовательской деятельности, так как представляет собой не только абстрактную модель, картину бу-

дущего, но и прогноз, основанный на ряде исследований, а также сам метод прогнозирования. Но для начала посмотрим, каким нам рисует реальность XXI века Жак Фреско.

В мире больше не существует границ, языковых и культурных барьеров. Люди не различаются по этническому или национальному признаку. Любой человек может свободно перемещаться по всей планете и за её пределами, например, отправиться на освоенную Луну. Гармоничное сосуществование человека и природы становится приоритетным направлением. «Любые технологии, разработанные без заботы об окружающем мире – бессмысленны» [3, с. 32]. То, что сегодня называется альтернативными источниками энергии (солнечный свет, ветер, приливы и отливы и др.) становятся единственными возможными. Все отходы перерабатываются, созданы новые системы водоснабжения и канализации, строительные материалы, ткани и т.д.

В мире будущего нет денег, вместо устаревшей системы, изначально подразумевавшей социальное неравенство, ресурсо-ориентированная экономика. Это значит, что все мировые ресурсы являются общими и распределяются между людьми благодаря автоматизированным системам, которые регулируются искусственным интеллектом. Всю ручную, механическую работу за людей выполняет техника. Человеку будущего вообще не нужно работать. Всё своё время он посвящает образованию, творчеству, общению с семьёй и друзьями. Иногда, впрочем, людям приходится выполнять некоторые функции в сфере информационных технологий, но это не воспринимается как работа. Люди делают это на благо всего общества и считают большой честью.

Помимо описания, Жак Фреско и Кеннет С. Киз Мл. выдвигают гипотезу, согласно которой любое общество основывается на трех факторах, лаконично описанных как «ценности, метод, технологии». Правильно определив (предсказав) их, мы сможем спроектировать будущее.

Авторы утверждают, что «...суть ценностей будущего можно свести к исторической фразе Томаса Джефферсона в Декларации Независимости: “Жизнь, свобода и стремление к счастью”» [1, с.20]. Они не отрицают достижения определенного уровня свободы и независимости американского общества XX века, а видят в нём потенциал для развития. Проблема кроется не в содержании существующих ценностей, а в степени их реализации.

Предполагается, что человек XXI века сможет максимально реализовать следующие ценности: жизнь и свобода (свобода выбора деятельности, передвижения, независимость); экономическое изобилие; здоровье и долголетие; любовь и дружба; физические наслаждения («сексуальные эмоции будут высоко цениться, так как они исторически связаны с созданием жизни» [1, 22]); стремление к красоте (в т.ч. возможность видеть красоту во всём и заинтересованность в создании, а не приобретении произведений искусства); глубокий уровень самопознания и связь чувств (обретение гармонии в отношениях с собой и с окружением); искренняя радость за счастье других; жизненный опыт (постоянное саморазвитие как образ жизни).

В XX веке, по мнению Жака Фреско, распространению и реализации этих ценностей в полном объёме человечеству мешают навязываемые государством и крупнейшими корпорациями ценности потребления, о чём примерно в то же время писал Жан Бодрийяр («Общество потребления», 1970 г.).

Вторым фактором общественного развития (формирования) является метод мышления. В мире будущего всё строится на научном методе, который включает в себя создание новой идеи, её тщательное обдумывание (анализ) и проверку экспериментом. Только так, по мнению Фреско, можно прийти к истине. Похожим алгоритмам будет соответствовать и образовательная система будущего, в которой почти исчезнут теоретические методы обучения.

Третий фактор – технологии. Мир будущего – кибернетический мир. Компь-

ютеры не только вытесняют человека из сферы услуг и производства, но и помогают распределять ресурсы. Первые шаги на пути автоматизации сделаны уже в XX веке. Предвещая человеческие опасения, авторы проекта заявляют: «Наука и технологии не создали ни одной из наших проблем. Наши проблемы выросли из человеческого злоупотребления и эксплуатации других людей, окружающей среды, и технологий» [3, с.51], что вновь отсылает нас к вопросу аксиологии. Каким бы развитым не стал искусственный интеллект, в любом случае он останется под контролем человека, уверяют авторы.

Конечно, на сегодняшний день мы не достигли того уровня, который описывал Жак Фреско – мы не перешли на альтернативные источники энергии, не создали колоний на Луне, перемещения на дальние расстояния по-прежнему занимают много сил и времени, продолжительность жизни не составляет 200 лет и все развитые страны используют денежную систему. Но, по сравнению с началом XX века, мы можем проследить серьезные изменения по трём вышеизложенным факторам.

Люди становятся более гибкими и подвижными, они чаще путешествуют и меньше привязаны к месту, реже покупают недвижимость, предпочитая арендовать жильё (в США такая практика началась давно, в России только набирает обороты). Развитие Интернета и информационных технологий привело к тому, что всё больше людей работают удаленно, а основная сфера занятости постепенно переходит в сферу ИТ. Для людей, ведущих такой образ жизни, исчезает даже гражданство. Так, например, уже сегодня большинство разработчиков российских интернет-проектов живут в других странах, продолжая работать на российском рынке. Развитие социальных сетей позволяет налаживать коммуникацию между людьми вне зависимости от расстояния. Гораздо проще стало найти единомышленников и наладить взаимодействие.

Также очевидным является прева-

(или, во всяком случае, такой тенденции). И речь не только о специализированных сферах как, например, промышленность, использующая научные открытия и методы исследования для производства, но и обыденное сознание. Всё больше современных людей мыслят критически, не принимают информацию «на веру», предпочитая проверять её, желательно, экспериментальным путём.

Благодаря развитию технологий, роль теоретического знания стремительно снижается, потому что в любой момент по поисковому запросу через Интернет можно найти информацию на любую тему. Вместе с тем возрастает значение эмпирического познания. Людям хочется испытывать, проживать опыт, а не читать о нём, что задаёт определенные тенденции в образовании.

О нарастающих темпах прогресса в сфере кибернетики свидетельствует появление и развитие искусственного интеллекта, робототехники, системы «блокчейн» и криптовалюты (разновидности цифровой валюты). Последние носят неоднозначный характер, но существуют гипотезы, согласно которым уже в ближайшем будущем применение этих систем может привести к исчезновению денежной системы и формированию совершенно новой для че-

ловечества системы регулирования обмена услуг и ресурсов.

Однако мы не утверждаем, что вышеперечисленные изменения носят исключительно положительный характер. Каждое из них требует детального изучения, как и футуристические проекты, являющиеся, на наш взгляд, эффективным инструментом общественной рефлексии.

Скорость изменений, социальных и культурных, с каждым днём набирает обороты. И в центре этих процессов стоит человек, являясь их субъектом и объектом одновременно. Это мешает абстрагироваться и провести объективное исследование, быть беспристрастным.

Футуристические проекты, содержащие прогнозы и методы прогнозирования, позволяют посмотреть на современность другими глазами, сделать вид, что мы перешагнули тот этап, на котором находимся сегодня. Благодаря этому гораздо легче понять и обозначить, что происходит здесь и сейчас, а также спрогнозировать, к чему могут привести эти процессы. А как человечество воспользуется этими знаниями, во имя прогресса или для усиления идеологического гнёта и государственного контроля, зависит от характера и уровня развития преобладающих ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кеннет С. Киз, мл.* Взгляд в будущее / Кеннет С. Киз, мл., Жак Фреско // Перевод и редактирование: Игорь Иванов, 1969. – 119 с.
2. *Марков А. П.* Основы социального проектирования / А. П. Марков, Г. М. Бирженюк. – СПб.: СП ГУП, 1997. – 267 с.
3. *Фреско Ж.* Проектирование будущего / Жак Фреско и Роксана Медоуз, 2007. – 76 с.

УДК 316.346.32-053.6

Д. В. Руденкин

г. Екатеринбург, Россия

**ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ УРАЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
ДИНАМИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
2012-2017 гг.**

Работа подготовлена в рамках реализации гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-29-09512 «Интернет как инструмент формирования психологической готовности молодежи к экстремистскому поведению»)

АННОТАЦИЯ. Работа посвящена анализу изменений, которые произошли в ценностных предпочтениях уральской молодежи между 2012 и 2017 гг. Автор предполагает, что изменения, случившиеся в социально-экономическом развитии России за прошедшие 5 лет, могли привести к формированию нового ценностного запроса молодежи. Для проверки этой гипотезы автор анализирует данные трех опросов молодежи 18–30 лет, выполненных им в 2012, 2015 и 2017 гг. на территории Свердловской области, и проверяет изменения, которые случились в ответах молодых людей на одни и те же вопросы. Результаты этой работы показали, что за прошедшие пять лет запрос молодежи на ценности закона, свободы и справедливости обострился.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: молодежь, российская молодежь, уральская молодежь, ценности, динамика ценностей, социологическое исследование

D. V. Rudenkin

Yekaterinburg, Russia

**EVOLUTION OF VALUES OF URAL YOUTH: THE DYNAMICS
OF OPINION OF YOUNG PEOPLE IN 2012-2017**

ABSTRACT. This paper is devoted to the analysis of changes that occurred in the values of youth in the Sverdlovsk region between 2012 and 2017. The author assumes that the changes that have occurred in the social and economic development of Russia over the past five years could lead to the emergence of a new value request of young people. The author analyzes the data of three surveys of youth of 18-30 years, performed by him in 2012, 2015 and 2017. The analysis is based on the comparison of answers to the question of the values that should lie at the heart of the ideal society, and to the question about the values that underlie the way of life of modern Russian society. The results of this work have shown that over the past five years, the demand of young people for the values of law, freedom and justice has increased.

KEYWORDS: youth, Russian youth, Ural youth, values, value dynamics, sociological research

Анализ нравственного облика и ценностей российской молодежи на данный момент стал одним из самых востребованных и популярных направлений отечественных социологических исследований. О стабильно высоком интересе академической социологии к этой теме убедительнее всего свидетельствует растущее число публикаций: едва ли не ежегодно данная тема с различной подробностью поднимается в аналитических изданиях

Института Социологии РАН [6], Левада-Центра [1] и ВЦИОМ [7] и неоднократно становилась предметом изучения целого ряда отдельных исследователей (в частности, Л. И. Миклиной [2], Е. А. Николаюк [3], В. В. Петухова [4] и др.). Показательно и то, что интерес к ценностям российской молодежи в последнее время замечен и со стороны аналитиков, не связанных напрямую с академической наукой и отвечающих скорее на запрос бизнеса: в частности,

можно сослаться на исследования, выполненные «Сбербанком» [8] и социальной сетью «ВКонтакте» [5]. Тем не менее, несмотря на более чем очевидный интерес отечественной социологии к ценностям молодежи, как минимум один принципиально важный ракурс рассмотрения этого вопроса часто остается за рамками анализа и нуждается в отдельном изучении.

Сложившаяся в России практика исследований в основном тяготеет к статической, сиюминутной оценке ценностных предпочтений молодежи и существенно реже предполагает анализ динамики этих предпочтений. При этом логика развития событий в самом российском социуме подсказывает, что потенциально изменения в характере ценностных запросов молодежи более чем вероятны. В силу целого ряда причин российское общество сейчас сталкивается со многими нравственными вызовами: к этому приводит и обострение отношений страны со многими некогда союзническими государствами, и сокращение реальных доходов населения, ужесточение внутреннего законодательства, и целый ряд иных факторов. Логично предположить, что ценности тех представителей молодежи, которые вступают в жизнь в таких сложных обстоятельствах, могут существенно отличаться от тех, что были характерны молодым россиянам 5-10 лет назад. В данной работе мы намерены проверить это предположение на примере частного кейса – анализа динамики ценностей уральской молодежи в 2012-2017 гг.

В основе этой работы лежат результаты трех опросов молодежи, выполненных автором в 2012, 2015 и 2017 гг. Первый опрос был проведен весной 2012 г. в рамках подготовки диссертационного исследования автора и концентрировался на сравнении политической культуры молодых россиян 1990-х и 2000-х гг. (N = 304 представителя молодежи Екатеринбурга в возрасте 18-30 лет). Второй опрос выпол-

нялся в ноябре-декабре 2015 г. и был направлен на диагностику политических предпочтений и социальных настроений жителей Свердловской области в преддверии пролонгированного (N = 1036 жителей региона, включая 389 представителей молодежи в возрасте 18-30 лет). Третий опрос был выполнен в мае-июле 2017 г. и концентрировался на вопросах интернет-поведения и социальной активности молодежи Екатеринбурга о вандализме и формах его проявления (N = 304 представителя молодежи Екатеринбурга в возрасте 18-30 лет). Несмотря на то, что все эти опросы выполнялись с разными целями и опирались на разные опросные листы, в рамках каждого из них использовались два одинаковых вопроса: «На основе каких ценностей должно строиться идеальное общество?» и «Какие ценности, по Вашему мнению, сейчас наиболее выражены в российском обществе?».

Учитывая, что все исследования выполнялись на сопоставимых выборках, сравнение ответов на эти вопросы за разные годы позволяет сделать ряд выводов о тех трансформациях, которые случились в настроениях молодежи.

Первый вывод. Между 2012 и 2017 гг. обострился запрос молодежи на свободу. Свобода стабильно воспринимается опрошенными молодыми людьми как ущемленная, уязвленная ценность: во всех трех исследованиях доля тех, кто хотел бы видеть ценность свободы в основе идеального общества, превышала процент тех, кто ощущал ее наличие в России. Однако видно, что контраст между этими долями за 5 лет существенно вырос: если в 2012 г. он составлял 12,5%, то в 2017 г. он оказался в четыре раза выше. По сути, если прежде в 2012 г. молодые люди ощущали дефицит свободы в обществе, то в 2017 г. большинство из них чувствует уже категоричное отсутствие этой ценности (Рис. 1).

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

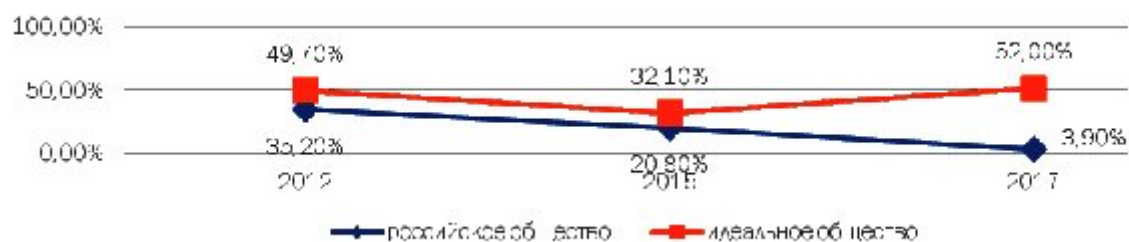

Рис. 1. Свобода в идеальном обществе и свобода в российском обществе: динамика ответов между 2012 и 2017 гг.

Второй вывод. Запрос молодежи на равенство практически не поменялся между 2012 и 2017 гг. Отношение молодых людей к равенству обладает стабильностью: его чаще упоминают в контексте идеального общества, чем в контексте российского – в среднем разрыв составляет 25-30%. Такая стабильность отношения к

равенству контрастирует с отношением к свободе и говорит о чуткости, избирательности восприятия перемен молодыми людьми: свобода и равенство дифференцируются, и обострение запроса на одно не воспринимается как стимул повышения запроса на другое (Рис. 2).

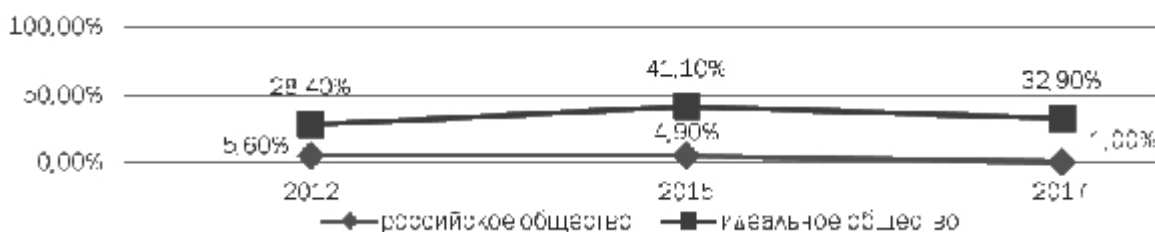

Рис. 2. Равенство в идеальном обществе и равенство в российском обществе: динамика ответов между 2012 и 2017 гг.

Третий вывод. Российское общество видится молодым людям как общество закрепившейся несправедливости. Формально разрыв между долей тех, кто хотел бы видеть проявления справедливости в идеальном обществе, и процентом тех, кто ощущает ее проявления в современной

России, вырос лишь незначительно: всего на несколько процентов между 2012 и 2017 гг. Однако сам по себе этот разрыв очень велик: более двух третей молодых людей одновременно и хотели бы видеть справедливость в основе общества, и не ощущают ее проявлений вокруг себя (Рис. 3).

Рис. 3. Справедливость в идеальном обществе и справедливость в российском обществе: динамика ответов между 2012 и 2017 гг.

Четвертый вывод. Ценность силы в глазах молодежи начинает превращаться в одну из доминирующих нравственных основ российского общества. Результаты всех

трех исследований показывали: гипертрофированная роль силы стабильно воспринимается молодыми людьми как одна из нравственных патологий российского об-

щества: в российском обществе ее стабильно ощущают чаще, чем хотели бы видеть в

идеале. Однако контраст за последние пять лет стал очевидно сильнее. (Рис. 4).

Рис. 4. Сила в идеальном обществе и сила в российском обществе: динамика ответов между 2012 и 2017 гг.

Пятый вывод. У молодежи прогрессирует восприятие российского социума как общества ограниченной законности. Еще замер 2012 г. показывал, что ценность закона видится молодым людям проблемной – ее чаще называли в контексте идеального общества и практически не упоминали в контексте российского общества. К 2017 г. этот контраст усилился почти в полтора раза: сегодня закон как осно-

ву идеального общества называют 63,8% опрошенных, тогда как его проявления в России ощущают лишь менее 4%. Разумеется, важно учитывать, что доля желающих видеть закон основой идеального общества за это время также несколько снизилась. Более чем для половины опрошенных закон – неотъемлемая основа идеального общества (Рис. 5).

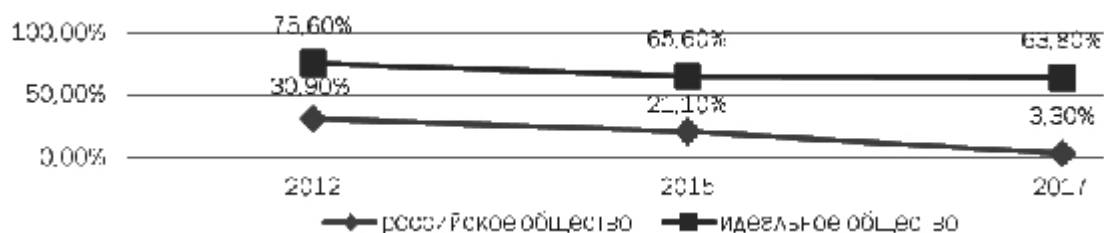

Рис.5. Закон в идеальном обществе и закон в российском обществе: динамика ответов между 2012 и 2017 гг.

В целом можно отметить, что между 2012 и 2017 гг. ценности уральской молодежи поменялись довольно отчетливо. Перемены в сознании молодых людей случились не радикальные: видно, что их ответы и в 2012, и в 2015, и в 2017 гг. обозначали схожие социальные патологии. Видно и то, что российское общество стабильно считается молодыми людьми как «неправильное», далекое от желаемых представлений о прекрасном: разрывы между долями тех, кто приписывает те или

иные ценности идеальному обществу и российскому обществу, велики и, как выяснилось, склонны к возрастанию. Тем не менее, случившиеся перемены настроений молодых людей заметны и ощутимы. Перемены, которые произошли в российском обществе, привели к тому, что молодежь стала острее ощущать дефицит свободы и закона, хотя и более моральным. Впрочем, разумеется, экстраполировать эти выводы на масштаб настроений всей российской молодежи пока преждевременно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. – М.: Московская школа политических исследований, 2011. – 96 с.
2. Миклина Л.И. Социальная память современной российской молодежи // Власть. – 2015. – № 1. – С. 136-140.
3. Николаюк Е.А. Ценностная структура российской молодежи и ее самосохранительное поведение на современном этапе // Власть. – 2016. – № 11. – С. 145-150.
4. Петухов В.В. Поколение «нулевых»: социальные настроения, идеологические установки, политическое участие // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 4. – С. 56-62.
5. Поколение «ВКонтакте» в цифрах и цитатах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/doc9637095_453312678?hash=c6dfaccfaa71d45a88&dl=84cf76842b6938502f (дата обращения: 10.03.2018)
6. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая. / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. – М.: Издательство «Весь мир», 2015. – 432 с.
7. Россия удивляет 2015: настроения, суждения, ценности / Отв. ред. В. Обручев; Редкол. А. В. Фирсов, и др.. – М.: Эксмо, 2016. – 202 с.
8. Сбербанк открывает доступ к самому крупному в своей истории качественному исследованию молодежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sberbank.ru/ru/press_center/all/article?newsID=2889a5e5-df1d-4e9f-acf1-ad0456fbcd8f&blockID=1303®ionID=2&lang=ru

УДК 366

О. Р. Шиленко

г. Екатеринбург, Россия

**ТРАДИЦИИ ДЕТСКОГО ЖУРНАЛА В РОССИИ:
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И УНИКАЛЬНОСТЬ
ЖУРНАЛА «ВЕСЕЛЫЕ КАРТИНКИ»**

АННОТАЦИЯ. В статье дается краткий обзор развития детской периодической литературы в России, уточняются отличительные черты дореволюционной, раннесоветской и позднесоветской детской печати. Рассматривается проблема приемственности традиций и формирования уникального формата детского юмористического журнала «Веселые картинки» на материале изданий 50-70-х гг. XX века.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: массовый детский журнал, журнал «Веселые картинки», комикс, специфика детского восприятия художественного образа

O. R. Shilenko

Yekaterinburg, Russia

**EVOLUTION OF VALUES OF URAL YOUTH: THE DYNAMICS
OF OPINION OF YOUNG PEOPLE IN 2012-2017**

ABSTRACT. The paper presents a brief overview of the history of children's periodicals in Russia, clarifying the defining characteristics of pre-revolutionary, early Soviet and late Soviet children-oriented print media. Based on the 1950s-1970s issues of Vesolye Kartinki magazine, the author considers the issue of continuity and the emergence of a unique framework of a children's comic magazine.

KEYWORDS: mass magazine for children, Vesolye Kartinki magazine, comic strip, patterns in children's perception of artistic images

История детского журнала в России насчитывает более 200 лет. Первое детское периодическое издание «Детское чтение для сердца и разума», адресованное читателю в возрасте от 6 до 12 лет, датируется 1785 годом. К слову, в Европе «Лейпцигский еженедельный листок» выходит с 1772 г. по 1774 г. Поэтому можно уверенно сказать, что в дореволюционной России детское чтение, преимущественно в привилегированных кругах, развивается в соответствии с европейскими стандартами. Уже в XIX в. российская периодическая литература для детей отличается многообразием: это и литературно-художественные, и научно-познавательные, и развлекательные журналы. Детский периодический журнал в России с ранних опытов издательского дела становится незаменимым средством ху-

дожественно-эстетического, научно-познавательного и морально-нравственного воспитания детей, отроков и юношей.

Советская эпоха в детской отечественной журналистике также представлена различными журналами, альманахами и другими жанрами периодической печати, которые можно объединить в различные комплексы изданий, отражающие логику государственной политики в области организации детского и юношеского воспитания¹. С появлением в 1922 году пионер-

¹ К таким изданиям относятся журналы «Юные товарищи» (1922-1924гг.), «Юные строители» (1923-1925гг.), «Барабан» (1923-1926гг.), которые в период с 1924 по 1926гг. объединились с журналом «Пионер». Для сельских ребят издавались пионерские журналы «Искорка» (1924-33) и «Дружные ребята» (1927-1953, в 1933-37 - под

ской организации постепенно складывается целая отрасль в советской журналистике, освещающая все этапы становления ребенка как личности в соответствии с идеологической программой воспитания будущего коммуниста – от пионерии до комсомола. Именно в этой среде возникает феномен массового детского журнала.

Преодолевая границы социального происхождения, детская и юношеская аудитория подразделялась по возрасту на октябрят и пионеров, которые обязательно в будущем станут комсомольцами. С начала 20-х гг. XX века во главе издательства массовых детских литературно-художественных и общественно-политических периодических изданий стояли ЦК ВЛКСМ и Центральный совет Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина, а также ЦК ЛКСМ союзных республик, обкомов комсомола и соответствующих республиканских и областных советов пионерских организаций [3]. Один из важных фактов, иллюстрирующих качественные изменения роли детских периодических журналов в советском обществе, связан с деятельностью журнала «Юные товарищи», который в 1922 году провёл сбор почтовых марок в фонд помощи голодающим Поволжья, что явилось первым опытом активного привлечения детей к общественно-политическим кампаниям [9]. В 30-е гг. тип пионерского журнала продолжал развиваться, объединяя в себе художественные традиции горьковского журнала для детей «Северное сияние» (1919-1920 гг.) и политический характер «Юных товарищей», «Барабана» и др. Он включал в себя отделы пионерской и школьной жизни, литературы, публицистики, науки и техники, искусства, спорта. С журналами начали сотрудничать писатели, учёные, герои труда. Появляются республиканские пионерские журналы на национальных языках. В годы Великой Отечественной войны издание многих пио-

нерских журналов было временно прекращено. Продолжали выходить лишь «Пионер», «Дружные ребята» и «Мурзилка». После войны выпуск периодических детских печатных изданий возобновляется, и в 1974 году уже издается 25 ежемесячных пионерских журналов и 10 журналов для октябрят и дошкольников общим тиражом свыше 17,5 млн. экземпляров².

В пионерских журналах художественно-литературный материал находился в подчиненном положении по отношению к публицистическому. Повести, рассказы должны были иллюстрировать идею, лозунг статей, которые создавали политический дискурс для детей. Часто пикоров (пионерский корреспондент) сравнивали с рабкорами (рабочий корреспондент), которые сообщали об актуальных проблемах жизни советских трудящихся. Таким образом, «пионеры становятся не только проводниками, но и как бы создателями воспитательных концепций» [3].

Но кроме этого комплекса журналов, ориентированных преимущественно на читателей младшего и среднего школьного возраста, в разные десятилетия XX века появляются издания «для самых маленьких» (от 4 до 8 лет), которые по своему содержанию, целям и задачам не могли быть встроены в вышеописанную модель. В 30-е гг. «Еж» («Еженедельный журнал», 1928-1935 гг.) стал выпускать приложение для дошкольников «Чиж» («Чрезвычайно интересный журнал», 1930-1935 гг.). Содержание, эстетика слова и рисунка отличали «Еж» и «Чиж» от общей массы детских,

названием «Колхозные ребята»), в том числе специализированные издания «Знание - сила» (с 1926г.), «Юный натуралист» (с 1928г.).

² Среди которых Центральные журналы ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина (1974): «Пионер» (с 1924), «Костёр» (с 1936), «Моделист-конструктор» (с 1966), «Советский школьник» (с 1938, для слепых детей, печатается шрифтом Брайля), «Юный натуралист» (с 1928), «Юный техник» (с 1956), «Мурзилка» (с 1924, для октябрят, для дошкольного возраста); в РСФСР - «Искорка» (с 1957, ежемесячник, приложение к газете «Ленинские искры», Ленинград), «Пионер» (с 1930, Уфа, на башкирском языке), совместно с союзом писателей РСФСР - «Уральский следопыт» (с 1958, Свердловск).

пионерских журналов. Издание этих журналов возглавляли С. Маршак, Н. Олейников, Е. Шварц. Постоянные рубрики в них вели Б. Житков, Е. Чарушин. В творческий коллектив детского журнала также входили представители группы ОБЭРИУ — Д. Хармс, А. Введенский, Ю. Владимиров, Н. Заболоцкий³. Всех авторов объединяло то, что они обращались не к «маленькому взрослому», не к «строителю социализма», а к ребенку, создавая стиль, язык, образ, свойственные только этому особому миру — миру детства.

Кроме того, опубликованные в этих журналах стихи и проза для детей позволяют утверждать, что определяющая концепция воспитания — «воспитание веселостью» с помощью искренности суждений и юмора. На страницах этих журналов создавалась новая детская литература для современного ребенка, формировался образ детства, которого были лишены многие предыдущие поколения детей. Тематика разделов была разнообразна. Журнал представлял собой детскую энциклопедию, в которой кроме художественных произведений публиковались очерки по химии, физике, астрономии, о внешнеполитических событиях и прочее. Также давались практические советы, и предлагалось решить различные ребусы и головоломки [2].

Журнал «Веселые картинки» — уже послевоенное издание эпохи «оттепели», которое создавалось совсем в иных условиях. К 50-м гг. советская детская инфраструктура включала в себя не только детские книжные издательства, детские печатные издания, театры юного зрителя, но

и киностудии, на которых снимались детские и юношеские фильмы, широко были распространены детские радио и телепередачи. Но даже при такой конкуренции детские журналы не утрачивают своей популярности, сохраняя традиции, заложенные в 20-30-е гг., и создавая новые уникальные форматы детских периодических изданий, среди которых особое место занимает рисованный юмористический журнал. Именно рисунок является основной формой нарратива для детей, и это не случайно.

Исходя из особенностей возраста, ребенок, только приступающий к освоению чтения и письма, познает окружающий его мир преимущественно посредством визуальных образов. И «Веселые картинки» рассказывают своим читателям шуточные и забавные истории, объясняют, «что такое хорошо и что такое плохо», именно посредством рисунка. Таким образом, этот журнал можно расценивать как первый отечественный комикс для детей. Для его создания и дальнейшего сотрудничества приглашались художники-карикатуристы, иллюстраторы детской книги, аниматоры: И.Семенов (первый редактор журнала), В.Каневский (автор идеи), В.Сутеев, А.Лаптев, К.Ротов, В.Пивоваров (автор логотипа журнала), И.Кабаков, Р.Варшамов, С.Тюнин, О.Эстис и многие другие.

Каждый из них привнес в журнал свой стиль, свою манеру, свою палитру, которые были хорошо узнаваемы, так как ребенок — читатель и зритель — позже встречал этих или похожих персонажей в мультипликационных фильмах, на страницах любимых книг, на открытках или просто даже на коробке торта или конфетных фантиках. По эскизам этих художников также выпускались игрушки, сопровождавшие ребенка в садике и дома. Таким образом, создавалось особое визуальное пространство детства за пределами детских книг, журналов, телеэкранов, которое было хорошо знакомо ребенку, что в определенной степени способствовало его социализации, создавая ощущение комфорта.

³ Такой сильный состав литераторов был, пожалуй, только у журнала «Мурзилка», с которым сотрудничали К. Паустовский, К. Чуковский, Е. Благинина, Л. Кассиль, С. Михалков, А. Барто, у альманаха «Воробей», издававшегося С. Я. Маршаком при участии В. Бианки (автора рубрики «Лесная газета») и впоследствии ставшего «Новым Робинзоном», объединившим на своих страницах В. Бианки, Е. Данько, О. Мандельштам, Б. Житкова, К. Чуковского, Е. Шварца, Б. Пастернака, В. Каверина, К. Федина и многих других.

С опорой на исследования в области детской психологии, специфики детского восприятия создавался дизайн, определялось содержание детского журнала. Эволюция дизайна детских журналов в России конца XIX – начала XXI вв. как проблема научного исследования хорошо представлена в одноименной статье Е.Ю. Макаренко, в которой автор проводит анализ изменений цветовой гаммы, использования декоративных элементов, шрифтов, баланса визуального и вербального контентов в дореволюционных, советских и современных журналах, отмечая плюсы и минусы современных журналов [6]. Но в данной статье мы остановимся на анализе рисунков с точки зрения передачи сюжетного замысла авторов для детской аудитории.

Журнал «Веселые картинки», наследуя традиции своих предшественников – журналов «Новый Робинзон», «Чиж», – опирался не только на опыт публицистических изданий, но также активно использовал наработки в области иллюстрирования детской литературы. Если проанализировать общий стиль оформления журнала, то похожие варианты расположения иллюстрации и текста можно найти в детских книжках, изданных несколько ранее. Один из примеров – книга «Рассказы в картинках», изданная в 1937 году издательством «Детиздат ЦК ВЛКСМ», в которой стихи Д. Хармса, Н. Гернета и Н. Дилакторской сопровождаются рисунками Н. Радлова, одного из основоположников «Веселых картинок» [7]. В книге представлено несколько незатейливых историй, в том числе заимствованных из книги Б. Рабье «Звери развлекаются», с участием разных героев – это рыбки, лягушки, мышки, собаки, обезьянки, носороги и многие другие, которые либо благодаря своей смекалке легко выходят из затруднительного положения, либо при ее отсутствии оказываются в смешных ситуациях. Но в подобных изданиях традиционная технология повествования заменяется полной своей противоположностью. По замыслу коллектива авторов, не рисунок дополняет текст, а текст сопровождает рисунок. Сама книга

по формату 62см x 93см композиционно организована как альбом для рисования. Каждый сюжет укладывается от 2 до 8 рисунков, расположенных либо на одном листе, либо на развороте. Стихи, сопровождающие рисунок, напечатаны стандартным шрифтом, предназначенным для взрослого читателя, который озвучивает текст, дополняя визуальный образ. Сами картинки выполнены в стиле карандашного рисунка. Цветовая гамма каждого сюжета ограничивается четырьмя цветами для передачи общих черт пейзажа и главных героев, что усиливает повествовательную функцию рисунка, заявленную уже в названии книги. Графический язык весьма лаконичен, что способствует лучшей фокусировке внимания детей дошкольного возраста именно на развитии сюжета.

Начиная с первого номера детского юмористического журнала «Веселые картинки», опубликованного в сентябре 1956 г., когда еще не сложились основные разделы и не был разработан логотип издания, смешные и поучительные истории сразу приобрели свой формат альбомных зарисовок, сопровождающихся стихотворными строчками⁴. В классическом варианте комикса представлены «Необыкновенные приключения знаменитого путешественника Пети Рыжика и его друзей Мика и Мука» (рисунки И. Семенова): горизонтальная раскладка слева направо и сверху вниз. На одном листе расположено 17 кадров миниатюрных изображений с облачками-репликами героев. В отличие от остальных рисованных историй (крупные рисунки, сюжет укладывается в 2–6 рисунков), эта была предназначена для детей постарше. Повествование о Пете Рыжике носило многосерийный характер, последующие его приключения могли появляться в

⁴ Например, «Как унесли мальчишки из леса шишки» (рисунки и текст В.Сутеева), «Как зайка помог морковку нести» (рисунки М.Битного), «Мишка - путешественник» (рисунки Ю.Горохова, текст В.Гранова) и мн.др.

разных журналах разных лет⁵. А для самых маленьких печатались «Сказки – невелички на одной страничке» (рисунки и текст Ю. Федорова, 1956 г., № 1), или «Сказки-малютки на полминутки» (рисунки и текст М. Битного, 1968 г. № 12). В восьмом номере за 1957 год был опубликован загадочный рассказ в картинках «Лев и колокольчик» Б. Семенова, который предварялся словами: «Половина этого рассказа написана, половина нарисована. Если ты умеешь немножко читать, то ты должен прочитать весь рассказ сам, если не умеешь – попроси старших читать тебе только то, что написано. А что нарисовано – читай сам. Сумеешь?»⁶. И это можно расценивать как формулировку концепции всего журнала. Кроме отечественных авторов, в журнале печатали и зарубежных художников, работавших в формате детских комиксов: Ж. Эффель (Франция), З. Легрен (Польша), Е. Зматликова (Чехословакия), К. Кламанк (ГДР), Р. Вердини (Италия) и многие другие.

Но «Рассказы в картинках» – далеко не единственный пример детского издания, повлиявшего на формирование концепции «Веселых картинок». Детский журнал изначально включал в себя несколько составляющих – рассказ, игру и творчество. Если Карандаш, один из главных героев «Веселых картинок», воплощает собой идею художественно-эстетического развития подрастающего поколения, то Самоделкин уравнивает художественное начало техническим творчеством, в том числе собственным примером в рассказах о своих достижениях или временных неудачах. Также в разделе «Сделай сам» размещались инструкции и заготовки поделок, которые помогали читателям их самостоятельно сделать. Подобная традиция существовала и в пионерских журналах. Например, «Юный техник» не только описывал изо-

бретение и технологии его изготовления, но и высылал различные материалы для их конструирования. Конечно, для детей дошкольного уровня избирались более доступные для выполнения в их возрасте задачи, которые чаще всего сводились к изготовлению игрушек, книжек-малышек собственными руками с участием взрослых. Прототипом этого раздела в детском журнале можно расценивать книжки «Игрушки-самodelки» С. Чудакова, выпускавшиеся в 1948 году. Первое издание предваряется обращением к родителям, педагогам и старшим ребятам: «Эта книга – о том, как самому делать игрушки для малышей. Настоящие заводные игрушки: часы с качающимся маятником, акробата, который кувыркается на турнике, раскачивающийся гамак с куклой, дятла, который долбит дерево, мельницу с вращающимися крыльями» [10]. Это одно из первых изданий, на страницах которых было собрано несколько изобретений, каждое из которых сопровождается подробным описанием используемых материалов, процесса его изготовления, принципа работы создаваемого механизма, а в приложении на вкладных листах располагаются выкройки игрушек.

В отдельных номерах журнала Карандаш проводил занятия по рисованию с участием Ластика и красок – Красной, Синей и Желтой. В одном из номеров эта компания показала, как можно нарисовать веселого клоуна, и предложила ребятам самостоятельно его раскрасить. В другом номере Карандаш продемонстрировал рисунки, схематично изображающие различные эмоции, и дал детям задание нарисовать похожие в своих тетрадях, а также сообщить ему, что бы еще они хотели научиться рисовать. В серии журналов за 1969 год в разделе «Двенадцать волшебных папочек» детям задавали тему для домашнего рисования и публиковали уже полученные рисунки. А с первого номера 1970 года редакция предложила маленьким читателям самим сочинять стихи, сказки и рисовать к ним иллюстрации. В разделах «Сделай сам» или в «Школе Самоделкина» маленьким читателям при участии взрослых

⁵ «Веселые картинки» - 1956г. - № 1// Бариус – [Электронный ресурс] –Режим доступа: <http://www.barius.ru/biblioteka/book/333>

⁶ «Веселые картинки» - 1957 - № 8//Бариус – [Электронный ресурс] –Режим доступа: <http://www.barius.ru/biblioteka/book/380>

предлагалось изготовить игрушки с двигающимися ушами и глазами, новогодние маски, аппликации, фигурки из бумаги, игрушку-вертушку, лошадку, пушистых цыпленка или пингвиненка или целый кукольный театр. С появлением в «Клубе веселых человечков» Дюймовочки с 1969 года в журнале открылась «Школа Дюймовочки», в которой она предлагала научиться шить одежду для кукол.

Также в каждом номере журнала редакция размещала игры, в которые дети могли играть вместе со взрослыми. Таким образом, у подписчиков «Веселых картинок» собиралась целая коллекция различных настольных игр для индивидуального или совместного – как с ровесниками, так и с родителями – проведения досуга. «Игровая» обычно располагалась в конце номера. Но если для игры было необходимо игровое поле, то оно печаталось на центральном развороте, затем вынималось из журнала. Для многократного использования его рекомендовали наклеить на лист твердого картона. Набор игр-заданий всегда варьировался. Но в каждом номере предлагались игры для разных возрастов – для самых маленьких и детей постарше. Классическими заданиями стали игры, связанные с развитием смекалки. Например, детям предлагалось найти на картинке того или иного героя, помочь персонажам пройти лабиринт, разгадать загадки и выполнить задания головоломок. Восьмой номер за 1957 год от начала до конца представлен как игра. На первой его странице изображен многоэтажный дом с различными жильцами, с прохожими на улице, а под ним стихи:

Познакомимся сначала,
А тогда мы, а тогда
Разбежимся по журналу,
Кто зачем и кто куда.
Ты, понятно, не зевай,
Догоняй и узнавай:
...
Только ты журнал закроешь,
Только топнешь восемь раз
И опять его откроешь –

Ты опять увидишь нас.
И тогда ты скажешь нам:
«Я вас видел там и там!»

Далее следуют истории разных авторов: «Как медведь в гости шел» Е. Дружковой, «Туткакнут» В. Бианки, а на развороте – две иллюстрации В. Коношевича, где малыши могли найти героев с первой иллюстрации номера. «Загадочное происшествие» М. Зощенко завершается вопросами, отвечая на которые ребята сами придумывали финал истории. А самым маленьким читателям нужно было ответить на вопрос рисунка «Кто в каком доме живет?» В. Гальба, на котором изображены друзья – Музыкант, Повар, Капитан и Шахматист – и сказочный городок с оригинальными строениями.

М. Костюхина, автор монографии «Детский оракул. По страницам настольно-печатных игр», говорит о том, что настольная игра как досуговая практика городской культуры, в зависимости от возраста играющих, для которых она предназначена, выполняет не только досугово-развлекательную функцию, но и воспитательную, а также обучающе-познавательную. Представление о детской настольной игре начинает складываться в последней трети XVIII века под влиянием воспитательных практик. А в конце XIX века она становится предметом исследования детской психологии. М. Костюхина приводит рассуждения Ж.Пиаже, автора теории когнитивного развития, в которых он объясняет, чем вызван интерес ребенка к игре. А именно его спецификой игровой деятельности, в процессе которой происходит одушевление предметов. Таким образом, играя, ребенок создает автономный мир. В продолжение этой мысли М. Костюхина отмечает, что любая детская игра основана на универсальном топосе – путь, плавание, поединок и т. д., который ребенок дополняет своими смыслами, импровизируя с сюжетом и персонажами игры. Автор заключает, что правила, прописанные в каждой настольной игре, помогают детям устанавливать социаль-

ные контакты и регулировать конфликты, возникающие во время игры. Также игра дает ребенку возможность проявить себя в соревновании с ровесниками и старшими. Но что еще немаловажно, настольные игры, развитие сюжета которых зависит от случая, ставят ребенка и взрослого в положение равных.

К такой разновидности относится игра «гуськи», которую часто можно было найти в разных номерах журнала и с разными сюжетами, такими как «Забавный цирк» (1957, № 10), «Корабли пустыни» (1969, № 11), «Однажды в Петрограде» (1970, № 4), «Сокровища погибшего корабля» (1970, № 7), «Страна знаний» (1970, № 9), «Путеводитель по комсомольским стройкам» (1970, № 12) и др. В общих чертах эта игра строится на прохождении заданного маршрута несколькими игроками (от 2 до 4 участников) гуськом, т. е. друг за другом, преодолевая различные препятствия. Ее широкое употребление объясняется тем, что это самая сюжетная игра с безграничными возможностями для выбора темы. К атрибутам игры относятся игровое поле с маршрутом и рисунками, поясняющими задания каждого пункта, который нужно пройти, игровой кубик, обеспечивающий эффект случайности в игровом алгоритме, и фишки, персонафицирующие игроков. Поэтому фишки должны отличаться друг от друга: это могут быть пуговицы разных цветов, маленькие фигурки и т. д. – все то, что легко найти в домашнем детском обиходе. Кроме игры «гуськи», в журнале часто встречались лабиринты, разновидности морского боя, например «Большие маневры», опубликованные в 1969 году в № 2, и многие другие.

Останавливаясь на анализе номеров детского юмористического журнала «Веселые картинки», опубликованных в период с 50-х по 70-е гг. XX века, нельзя не обратить внимание на тот факт, что несмотря на превалирование в них рисунка над текстом, авторы реплик, стихов, сказок и коротких рассказов, публиковавшихся на страницах журнала, определили уровень

не только детского журнала, но и детской литературы как советской, так и постсоветской эпох. Но даже такому журналу, как «Веселые картинки», не удалось избежать влияния идеологических установок, регламентирующих жизнь советского общества – «взрослых и ребят». Поводом для его внедрения, в первую очередь, служили советские государственные праздники. Поэтому практически все февральские, мартовские, октябрьские и ноябрьские номера тематически определялись государственно-праздничной риторикой. Если оценивать публикации в процентном соотношении, как в визуальном плане, так и в вербальном, то это сложно назвать пропагандой. Хотя нельзя не заметить повышение идеологического градуса ближе к юбилейным датам: 40-летие первой пятилетки в 1971 году, 50-летие Советского Союза и 50-летие пионерской организации в 1972 году.

Разумеется, во все времена существовали свои трудности и препятствия для развития хорошей детской периодической литературы. В конце XVIII – первой половине XIX века было сложно преодолеть традицию религиозной интерпретации природы человека, окружающего его мира и усилить позиции более светского культурно-просветительского повествования, также учитывая и тенденцию, появившуюся в конце XIX века, когда стремительно увеличивалось количество изданий, не отличавшихся особой щепетильностью в выборе литературного материала и склонявшихся к созданию «детского глянца».

В советскую эпоху таких причин было не меньше. В начале 20-х гг. XX века, когда советская журналистика только искала свой путь, ни политическая, ни экономическая действительность не способствовали этим начинаниям. В 30-е гг. XX века на детские журналы, позволявшим себе отличаться от общего направления пионерской печати, обрушивался шквал критики, который приводил к их быстрому закрытию.

Какими бы то ни были культурно-исторические коллизии, традиции детского

журнала в России по мере возможностей сохранялись и дополнялись в разные эпохи. Своего рода результатом этого культурного процесса можно считать появление детского журнала для самых маленьких, спутника ни одного поколения детей советской и постсоветской России – «Веселые картинки». В этом журнале гармонично сочетаются традиции дореволюционной культуры детской печати, ориентированной на лучшие образцы русской и зарубежной литературы и поэзии, с культурой советской журналистики, ориентированной на современные темы окружающей действительности и на включение ребенка в практические виды деятельности, что должно было в свою очередь вызывать его интерес к художественному и техниче-

скому творчеству в будущем и способствовать его успешной социализации.

Несмотря на противопоставление двух культур как двух миров, детский журнал в каждом из них в первую очередь играл роль спутника и друга, что закреплено в наименовании первого российского детского журнала «Друг юношества» и продекламировано в пионерском журнале «Красный галстук»: «"Красный галстук" будет твоим другом, твоим товарищем, твоим постоянным спутником. Он будет стараться объяснять тебе жизнь, отвечать на все твои вопросы» [5]. И «Веселые картинки» старались объяснить своему маленькому читателю в доступной для него форме те вопросы, которые могли его волновать.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Веселые картинки» // Бариус [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.barius.ru/biblioteka/tag/10>
2. Грачева Ю. Как воспитывали нового советского гражданина. Детские журналы 20-30-х годов // Тогда [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.togdazine.ru/project/kidsjournal/>
3. Д'Арканджело Р.М. «Барабан»: шагаем с пионерами! (Из истории детских журналов 1920-ых гг.) // «Убить Чарскую...» Парадоксы советской литературы для детей (1920-1930-ые гг.): сб.ст. / сост.и ред. М.Р. Балина, В.Ю. Вьюгина. – СПб.: Алетейя, 2015. – С. 96-98.
4. Костюхина М. Детский оракул. По страницам настольно-печатных игр. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 656 с.
5. Литовская М.А. Региональный журнал для детей в контексте советской периодики 1920-1930-х гг.: динамика идеологических приоритетов // «Убить Чарскую...» Парадоксы советской литературы для детей (1920-1930-ые гг.): сб.ст. / сост.и ред. М.Р. Балина, В.Ю. Вьюгина. – СПб.: Алетейя, 2015. – С. 110-134.
6. Макаренко Е.Ю. Эволюция дизайна детских журналов в России конца XIX – начала XXI вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. II. С. 126-133. [Электронный ресурс] – URL: www.gramota.net/materials/3/2015/8-2/34.html
7. Радлов Н. Рассказы в картинках // Бариус: литературный портал для детей [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.barius.ru/biblioteka/book/150>
8. Русская периодическая печать // Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор [Электронный ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/periodic/pp0-abc/pp1/pp1-6103.htm>
9. Фурин С. А. Пионерские журналы// Большая советская энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия? 1969—1978 [Электронный ресурс]. – URL: <http://bse.sci-lib.com/article089180.html>
10. Чудаков С. Игрушки самоделки. Вып. 1 / рисунки автора. – Москва-Ленинград, Государственное Издательство Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР,

1948. – 21 с. (с вкладными листами с выкройками игрушек) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.barius.ru/biblioteka/book/307>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Д. А. Баранникова</i>	«Важнейшее из искусств»: советская клубная культура 1950-х – 1970-х гг. глазами уральского киномеханика	3
<i>Е. Б. Бердюгина</i>	Революция досуга в постсоветской России: трансформация семейных досуговых практик	7
<i>И. А. Вершинина</i> <i>А. Р. Курбанов</i>	Социально-политические трансформации в контексте урбанистики: символические функции городского пространства	12
<i>Л. И. Гаврилова</i>	Г. Р. Державин в критике В. Ф. Ходасевича (на примере статьи «Державин (К столетию со дня смерти)»	18
<i>В. С. Голованова</i>	Производство культуры в удмуртском селе: клубные практики 1950-х годов в воспоминаниях участников	22
<i>И. А. Головнёв</i> <i>Е. В. Головнёва</i>	«Открывая Дальний Восток...»: образы территории в творчестве В. К. Арсеньева	26
<i>Т. П. Жумати</i>	Рядом, но не вместе: Альтернативы художественного андеграунда. Дистанцирование от диссента	31
<i>Е. В. Каменская</i>	Образы «культурной революции» в Китае на страницах «Литературной газеты» второй половины 1960-х гг.	36
<i>Е. В. Кизюн</i> <i>Т. А. Кемерова</i>	Культурная миссия русских эмигрантов в Харбине	40
<i>М. А. Клинова</i>	Образ «Октября 1917» на	44

страницах журнала «Крокодил»
1940-х гг.

К. А. Крашенинникова	Революция против НЭПа: борьба за театральную сцену в Екатеринбурге в 1921-1925 гг.	48
И. Р. Либина Е. И. Рабинович	«Реггей на грязном снегу»: культура растафари в постсоветской России	53
С. Н. Оводова	Советский социализм и телесный коллективизм: практики преобразования повседневности	56
О. В. Пермякова	От частного к всеобщему. предпосылки формирования музейных коллекций печатной графики в Екатеринбурге	59
К. А. Подойникова	«Следы» советизма в отечественной культуре на примере современной уральской деревни	63
Л. Д. Седова	Имидж Екатеринбурга: ресурсы и проблемы формирования	67
Тривисессорн Джирапорн	Влияние революции 1917 года в России на революцию 1932 года в Сиаме	72

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАНИИ

А. В. Беляев	Городской художественно- культурный ландшафт: педагогический аспект	75
О. П. Мехонцева	Современное искусство как предмет изучения в образовательных учреждениях художественной направленности	82
Л. Я. Рубина	Взаимосвязь гуманизации и технологизации лидерства в педагогическом образовании	87

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

<i>Л. Н. Батьянова</i>	Дискурсивный анализ категории «власть» (1990-2000 гг.)	100
<i>С. Е. Винокуров</i>	Китайское художественное стекло XVIII–XIX века: от европейской традиции к поискам национального (из опыта работы с частной коллекцией)	105
<i>Е. И. Грекова</i>	Индустрия красоты в современном медиакультурном пространстве	109
<i>В. А. Жданова</i>	Digital humanities: цифровая «революция» в области искусствоведения	112
<i>Л. Н. Жуковская С. В. Костылев О. Ф. Морозова Е. А. Ноздренко</i>	Проблемы концептуализации арт-менеджмента как системообразующего фактора мира культуры	118
<i>Ю. А. Кузовенкова</i>	Трансформация пространства российской молодежной субкультуры в 80-90 гг. XX в.	121
<i>Е. А. Романенко</i>	Будущее как объект социокультурного проектирования (на примере проекта «Венера»)	125
<i>Д. В. Руденкин</i>	Эволюция ценностей уральской молодежи: динамика социологических исследований 2012-2017 гг.	129
<i>О. Р. Шиленко</i>	Традиции детского журнала в России: преемственность и уникальность журнала «Веселые картинки»	133

CONTENT

THEORY AND HISTORY OF CULTURE

<i>D. A. Barannikova</i>	Soviet club culture 1950's - 1970's in the memoirs of the ural cinema mechanics	3
<i>E. B. Berdyugina</i>	The leisure revolution in post-soviet Russia: transformation of family leisure practices	7
<i>I. A. Vershinina</i> <i>A. R. Kurbanov</i>	Socio-political transformations within the context of urban studies: symnolic functions of urban space	12
<i>L. I. Gavrilova</i>	G. R. Derzhavin in the criticism of V.F. Khodasevich (on the example of the article «Derzhavin (on the centenary of the death)»	18
<i>V. C. Golovanova</i>	Production of culture in udmurtian village: club practices of the 1950s in memories of participants	22
<i>I. A. Golovnev</i> <i>E. V. Golovneva</i>	«Opening up the Far East...»: the images of the territory in the work of V. K. Arsenyev	26
<i>T. P. Zhumati</i>	Side by Side but not Together: Alternatives to the Artistic Under-ground. Distancing from dissent	31
<i>E. V. Kamenskaya</i>	The images of «cultural revolution» in China in late 1960s «Literary gazette»	36
<i>E. V. Kizyun</i> <i>T.A. Kemerova</i>	Cultural mission of russian emigrants in Harbin	40
<i>M. A. Klinova</i>	The image of "October 1917" on the pages of "Crocodil" magazine 1940s	44

<i>K. A. Krashenninnikova</i>	Revolution against NEP: the fight for theatre scene in 1921–1925 Yekaterinburg	48
<i>I. R. Libina</i> <i>E. I. Rabinovich</i>	«I am dancing reggae on the dirty snow»: rasta in post-soviet Russia	53
<i>S. N. Ovodova</i>	Soviet socialism and the collectivism of bodies: transformative practices of everyday life	56
<i>O. V. Permyakova</i>	From the particular to the universal. preconditions or developing museum collections of printed graphics in Yekaterinburg	59
<i>K. A. Podoynikova</i>	«Traces» of sovietism in russian culture: the case study of contemporary Ural village	63
<i>L. D. Sedova</i>	Image of Yekaterinburg: resources and problems of formation	67
<i>Trivissorn Giraporn</i>	The influence of 1917 Russian revolution on 1932 Siamese revolution	72

CULTUROLOGICAL APPROACH IN EDUCATION

<i>A. V. Beljaye</i>	Urban art-cultural landscape: the pedagogical aspect	75
<i>O. P. Mekhontseva</i>	Modern art as a subject of study in educational art-institutions	82
<i>L. Ya. Rubina</i>	Interconnection of humanization and technologization of leadership in pedagogical education	87

CURRENT SOCIO-CULTURAL PRACTICES

<i>L. N. Batyanova</i>	Discourse analysis of the category of “power” (1990s–2000s)	100
-------------------------------	--	------------

<i>S. E. Vinokourov</i>	Chinese glass of the XVIII-XIX century: from the european tradition to searching national (from experience with a private collection)	105
<i>E. I. Grekova</i>	Beauty industry in mediaculture space	109
<i>V. A. Zhdanova</i>	Digital humanities: ditigal «revolution» in art history	112
<i>L. N. Zhukovskaya</i> <i>S. V. Kostylev</i> <i>O. F. Morozova</i> <i>E. A. Nozdrenko</i>	Problems of conceptualization of art management as a system-factoring factor of the world of culture	118
<i>Yu. A. Kuzovenkova</i>	Transformation of the place of russian youth subculture in 1980s–1990s	121
<i>E. A. Romanenko</i>	Future as object of sociocultural design (on the example of the Venus project)	125
<i>D. V. Rudenkin</i>	Evolution of values of ural youth: the dynamics of opinion of young people in 2012-2017	129
<i>O. R. Shilenko</i>	Traditions of children's magazines in Russia: continuity and uniqueness of «Vesyolye kartinki» magazine	133